

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Новосибирск
2016

УДК 811.163.1
ББК 81
Ц44

Рецензенты:
Грудева Е.В., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций, ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет» (Россия, Вологодская область, г. Череповец);
Макушева Ж.Н., кандидат филологических наук, доц., и. о. заведующей кафедрой иностранных языков ГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения России, г. Владивосток.

Авторы:
Предисловие: Грудева Е.В.;
Глава 1: Мясищев Г.И.;
Глава 2: Демидов Д.Г.;
Глава 3: Ненашева Л.В.;
Глава 4: Васильева Д.В.;
Глава 5: Кондратьев Ю.А.;
Глава 6: Грудева Е.В.

Ц44 Церковнославянский язык: история и современность: монография; [под ред. Е.В. Грудевой]. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. — 136 с.

ISBN 978-5-4379-0446-6

Монография посвящена исследованию роли церковнославянского языка в формировании русской языковой личности в разные периоды русской истории; вопросам преподавания церковнославянского языка в дореволюционной России и в современных условиях, а также таким дискуссионным вопросам, как перевод книг Священного Писания с древнееврейского языка на церковнославянский и русский языки; «второе южнославянское влияние».

Книга адресована специалистам в области гуманитарных и педагогических наук (филологам, лингвистам, богословам, историкам, культурологам и др.), работникам системы образования, студентам, аспирантам и докторантам, а также научным сотрудникам, интересующимся вопросами становления и развития славянской письменности и культуры, изучения и преподавания церковнославянского языка.

Главный редактор: д-р филол. наук — Грудева Елена Валерьевна.

ББК 81

ISBN 978-5-4379-0446-6

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ

Церковнославянский язык сыграл огромную роль в становлении русского литературного языка. В своем происхождении и функционировании церковнославянский язык напрямую связан с религиозной (православной) традицией и относится к числу сакральных языков. Церковнославянский язык является богослужебным языком Русской Православной Церкви. Многие учёные считают церковнославянский язык высшим стилем (типом) русского литературного языка, обнаруживая более тесную связь между русской и церковнославянской стихиями, чем отношения двух близкородственных языков.

В связи с прерванной в советские годы традицией широкого изучения церковнославянского языка требуется осмысление как дореволюционного опыта преподавания церковнославянского языка в светских и религиозных учебных заведениях, так и наработанного за последние десятилетия опыта преподавания церковнославянского языка в разных аудиториях.

В Институте русского языка им. В.В. Виноградова функционирует Научный центр по изучению церковнославянского языка (руководитель – кандидат филологических наук А.Г. Кравецкий)[1]. В рамках ежегодных Международных Рождественских образовательных чтений неизменно, начиная с 1993 года, работает секция, посвященная церковнославянскому языку. В Санкт-Петербурге усилиями православных филологов создан и действует «Церковнославянский семинар» (руководитель – кандидат филологических наук С.А. Наумов).

В последние годы в церковных кругах широкую дискуссию вызвал документ «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» (от 16 июня 2011 г.). В ходе дискуссии, в частности, прозвучали мысли о недопустимости модернизации церковнославянского языка и русификации богослужебных текстов (см., например, сборник «Церковнославянский язык

---

[1] *Научный центр по изучению церковнославянского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова: http://www.ruslang.ru/?id=centre_church-slav*

в богослужении Русской Православной Церкви»[2] [26]; дискуссию на портале Богослов.ру[3]).

Однако, несмотря на сказанное, следует констатировать, что в современной отечественной науке и образовании церковнославянскому языку уделяется незаслуженно мало внимания. Данная монография призвана в какой-то мере восполнить эту лакуну и в очередной раз привлечь внимание научной и педагогической общественности к проблемам изучения церковнославянского языка.

Монография состоит из шести глав. В первой главе представлена попытка в исторической перспективе рассмотреть эволюцию русской языковой личности в контексте той роли, которую играл церковнославянский язык в её становлении и функционировании. Показано, что для периода XI–XIII вв. характерен выраженный билингвизм языковой личности и хорошее знание церковнославянского языка. Церковнославянский язык выступает маркером образованности, принадлежности к просвещенному сословию. В силу разных причин, в том числе общественно-политических, в более поздний период, в XV–XVII вв., церковнославянский язык начинает всё больше формализоваться и специализироваться, становясь профессиональным языком религиозного сословия, постепенно отрываясь от повседневной речевой практики. В XVIII веке появляется взгляд на церковнославянский язык как формальное стилистическое средство.

Особый интерес в первой главе представляют результаты опроса, проведённого среди наших современников и направленного на изучение отношения к церковнославянскому языку и степени его понимания. Результаты опроса показали, что церковнославянский язык в наши дни приобретает особый, отличный от существовавшего до того, статус: «теперь это не просто язык религии, это язык определенной идеологии, являющийся социокультурным маркером для общества».

Во второй главе тема языковой личности получает своеобразное развитие, в центре внимания оказывается языковая компетенция

---

[2] *Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. Сборник / Сост. Н. Каверин. – М.: Русский Хронографъ, 2012. – 288 с.*

[3] *Афанасьева Н.Е. О Проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» // Научный богословский портал «Богослов.ру» – [Электронный ресурс] URL: http://www.bogoslov.ru/text/1790804.html [дата обращения: 01.12.2015]*

носителя славяно-русского языка середины XVIII века. В научный оборот вводится постановка проблемы, связанной с влиянием просветительской деятельности Н.И. Новикова в части славянизации русского литературного языка той поры. Речь идёт о проекте Новикова «Древняя Российская Вивлиофика» – издания исторических документов (древних памятников письменности) в виде общедоступного ненаучного журнала. В разделе аргументированно проводится мысль о том, что близость языка древнерусских памятников к языку церковных книг включило материалы «Вивлиофики» в круг чтения самых разных социальных слоёв русского общества и привело к «панхроническому восприятию того уникального лингвистического образования, которое было названо *славяно-русским* (*словено-российским, славено-российским*) языком» [с. 29 данного издания]. На обширном языковом материале показано, какую роль могла играть и играла старшая церковно-славянская норма в становлении русского литературного языка послеломоносовского периода.

История церковнославянского языка напрямую связана с формированием русской письменности. В истории русского письма самым спорным и противоречивым периодом считается XV век. В этот период в графику и орфографию возвращаются нормы XI–XII вв. В академической науке данное явление получило название «второе южнославянское влияние» (термин академика А.И. Соболевского), споры о котором не утихают уже более ста лет. В третьей главе намечены пути формирования русской графики и орфографии XV века. Проведённое исследование позволило прийти к заключению, что в XV веке происходила намеренная архаизация и реставрация русского письма.

Глава четвёртая посвящена малоизвестному переводу Псалтири с древнееврейского языка на русский, выполненному архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским) в 1771 году, через 20 лет после издания Елизаветинской Библии. Внимание сосредоточено на лексемах, связанных со значениями ‘прославлять’, ‘хвалить’, ‘хвала’, ‘слава’, которые весьма частотны в книге псалмов. В разделе представлен подробный анализ разночтений перевода указанных лексем в «Псалтири» архиепископа Амвросия и в Елизаветинской Библии. Кроме того, в каждом таком случае проводится сверка с масоретским текстом, а также с переводом на древнегреческий язык.

Особый интерес представляет исследование святоотеческих толкований (свтт. Афанасий Великий, Иоанн Златоуст, блж. Феодорит Кирский) указанных фрагментов, а также толкования видных отечественных и зарубежных богословов. Результаты показывают, что

в целом переводческие решения владыки Амвросия, который ставил перед собой задачу прояснения «тёмных» мест Псалтири, не противоречат святоотеческим толкованиям и академической экзегезе.

Две последние главы посвящены методике преподавания церковнославянского языка. В пятой главе представлены методические принципы преподавания церковнославянского языка в контексте опыта отечественной педагогики дореволюционного периода. Выделены два основных направления в обучении церковнославянскому чтению и письму: первое направление уделяло основное внимание запоминанию и воспроизведению языкового материала, второе – пониманию и умению интерпретировать текст. Особого интереса заслуживает подход С.А. Рачинского, восстановившего основы древнерусской часословно-псалтирной школы.

В шестой главе речь идёт об особенностях преподавании церковнославянского языка взрослым в условиях современной воскресной школы.

Грудева Елена Валерьевна

ГЛАВА 1.

РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Язык является одной из активных форм познания действительности, отображающей как реальный мир, так и виртуальную модель Вселенной в сознании индивида. Этот фактор позволяет говорить о феномене языковой личности – квинтэссенции лингвистических представлений о языке социума в конкретный отрезок времени. Изучение принципов формирования языковой личности определенного периода позволяет понять то, как изменялся и функционировал язык в практической деятельности, с учетом средовых и социальных спецификаций. В этой связи особую роль, на наш взгляд, играет церковнославянский язык, который долгое время выполнял функцию нормативного языка, лингвистические категории которого воспринимались как эталонные, априорно литературные (книжные).

Эту особую роль церковнославянского языка неоднократно отмечали ученые-лингвисты. В частности, академик В.В. Виноградов подчеркивал особую значимость церковнославянского языка в формировании и развитии русского литературного языка, сохранявшуюся на протяжении длительного времени, вплоть до второй половины XVIII века [1, с. 42–43].

В настоящее время, когда проблема лингвистического статуса языковой нормы в литературном языке и самого литературного языка стоит достаточно остро, изучение условий формирования языковой личности и той роли, какую в этом формировании играл церковнославянский язык, представляется достаточно актуальным, поскольку позволяет выявить тенденции и механизмы, ведущие к изменению статусного базиса литературного языка и его реализации языковой личностью. Новейшие исследования в области коммуникативной лингвистики открыли перспективы изучения проблемы языковой личности. Анализ языковой личности неизбежно ведет исследование к изучению ключевого понятия – личности. «Введение понятия личности в лингвистику означает возможность говорить о том, что язык принадлежит, прежде всего, личности, осознающей себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и языковом общении, свое отношение к принятым принципам и конвенциям видения дискурса, творчески используя

их в своих предметных и речевых действиях», – отмечает Ю.Н. Караулов [3, с. 45].

Цель исследования, результаты которого представлены в данном разделе, – изучить и описать лингвистические средства репрезентации языковой личности в процессе ее эволюции и выявить роль и статус церковнославянских элементов в речевом дискурсе.

Основные задачи работы заключались в следующем: 1) выявить роль церковнославянских элементов и церковнославянского языка в целом в формировании динамической модели языковой личности XI–XVIII веков на основе текстового материала известных источников; 2) определить эволюционный потенциал церковнославянского языка и 3) очертить влияние церковнославянского языка на развитие языковой личности в период конца XVIII – начала XXI веков.

1.1. Роль церковнославянского языка в формировании языковой личности XI–XIII веков

Интерес исследователей к языковой личности обусловлен тем, что историческая языковая личность определяется принадлежностью к определенной эпохе, погруженностью в нее, она связана с особенностями развития того или иного временного периода, в том числе и в истории языка. Анализ конгломерата текстов различного характера (бытовой, официально-деловой корреспонденции, ораторских речей политического, военного и церковно-просветительского характера) позволяет выявить наличие характерных лингвистических особенностей, присущих каждому конкретному периоду и репрезентуемых для всех носителей языка.

Анализ основных этапов формирования языковой личности логичнее всего начать с периода XI–XII веков, поскольку именно с этого времени сохранилось достаточное количество историко-лингвистических свидетельств, позволяющих избежать чрезмерной умозрительной реконструкции. Однако не следует исключать тот значимый факт, что существование языковой личности – неразрывный процесс, зависящий и от тех тенденций и лингвистических факторов, которые наметились или развивались в предыдущие периоды, когда формировался весь лингвокультурологический базис языка. Такое влияние достаточно четко прослеживается и выявляется в результате сопоставительного анализа.

Основными источниками, дающими представление о языковой личности этого периода, являются:

- деловая переписка;

- переводы исторических хроник, агиографической и теологической литературы;
- оригинальные памятники национальной литературы, включая исторические летописные своды и художественные произведения.

Важным в реконструкции облика языковой личности человека XI–XIII веков является определение степени соотношения традиционности и исключительности лингвистических элементов в текстах источников, а это требует определения примерного объема письменных источников и той роли, которую играли в этом объеме сохранившиеся документы, поскольку для изучения языковой личности требуется провести анализ именно типичных лингвистических факторов эпохи.

Наиболее продуктивна в этом отношении деловая переписка и свод нормативно-регламентирующих документов указанного периода. Структурно весь объем этих документов можно разделить на две категории: официально-деловые, представленные в основном правительственными грамотами и договорами, и бытовая деловая переписка, заметную роль в которой играют берестяные грамоты.

Облик языковой личности автора официально-делового документа этого периода реконструируется достаточно полно.

На лексическо-фразеологическом уровне автор официально-деловых документов представляется как знаток книжной речи, употребляющий старославянизмы исключительно с этикетными целями, как необходимую юридическую формулу, обязательную при составлении официального документа. Это важный аспект, позволяющий говорить об особом статусе церковнославянского языка для людей того времени, поскольку здесь он выступает именно как нормативно-регламентирующий элемент, упорядочивающий тексты и придающий им соответствующую статусную значимость. Знакомство руководящего сословия Древней Руси с обязательными юридическими формулами и наличие таких национальных формул говорит о высокой степени развития делопроизводства того времени и достаточно высоком уровне образованности составителей грамот. Четкое различение древнерусского языка, являвшегося основным смыслоносителем, и церковнославянского, определявшего стилистико-регламентные функции, позволяет говорить о значительном уровне развития представлений о тексте, его структуре, стилистических функциях различных элементов.

Учитывая социальную значимость и важность юридических документов, определяющих политическую и экономическую жизнь

общества того времени, представляется, что носителями подобных знаний о языке был достаточно широкий круг людей – фактически все социально активное население. Это в свою очередь предполагает относительно широкое знакомство с переводными или оригинальными исследованиями древнегреческих и византийских философов. Нам представляется, что это важнейший фактор, определяющий основные характеристики языковой личности образованной части населения того периода: осознанное владение речью со стилистико-функциональным разграничением различных лексико-фразеологических объектов по их происхождению и статусу. В свою очередь, это предполагает хорошее знание церковнославянского языка и выраженный билингвизм языковой личности того периода.

С определением сущностных характеристик языковой личности с точки зрения орфографической традиции существуют определенные сложности, вызванные затруднениями в детерминации отступлений от орфографической нормы по временным периодам. Зачастую невозможно определить, было ли подобное отступление в первоисточнике XI–XIII веков или оно появилось позднее, при переносе содержания документа переписчиком. Автору представляется недоказуемым утверждение о каких-либо специфических особенностях орфографии этого периода, позволяющих четко идентифицировать статус древнерусского или церковнославянского языка для языковой личности того периода. Можно предположить, что отсутствие однозначно закрепленной орфографической нормы позволяло варьировать правописание, что в позднейшую эпоху, когда церковнославянский язык окончательно вытесняется из официального делопроизводства, послужит дополнительным катализатором для неразличения особенностей и смешения грамматических норм, наблюдаемых в памятниках XV–XVII веков.

Иное дело синтаксический уровень. Здесь мы можем наблюдать картину, сходную с лексико-фразеологическим уровнем. Самые сложные конструкции, призванные отразить особый статус причинно-следственных или временных связей и их особую значимость, строятся на церковнославянском языке. В основном же, нейтральном, поле официальных документов наблюдаются простые линейные конструкции древнерусского синтаксиса. Следует отметить, что в области синтаксиса наблюдаются значительные колебания в построении конструкций, которые не могут быть отнесены к ошибкам позднейших переписчиков и которые свидетельствуют о некоторой непривычности во владении нехарактерными конструкциями, по-видимому не употреблявшимися в речевом обиходе. Таким

образом, для языковой личности этого периода характерно использование простого синтаксиса, преимущественно древнерусского, тогда как усложненные конструкции требовали перехода в иную лингвистическую систему.

Конгломерат деловых документов обиходно-бытового характера дополняет представления о роли церковнославянского языка в формировании языковой личности. Исследования, проведенные различными учеными, в том числе академиком А.А. Зализняком, позволяют получить достаточно подробное представление об обиходном языке деловой переписки, имевшей ограниченное юридическое и временное значение. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что вся текущая бытовая корреспонденция велась на древнерусском языке с редкими и несистемными включениями элементов церковнославянского языка. Характер этих включений позволяет говорить о статусном использовании церковнославянизмов, поскольку в подобных документах, как правило, не использовались традиционные юридические формулы, употребляемые в документах, имевших государственное значение или исходящих от государственных деятелей. Авторы бытовой корреспонденции используют церковнославянизмы как маркеры, подчеркивающие личный уровень образования и социальное положение адресанта. Косвенно это подтверждает тезис о том, что церковнославянский язык выполнял функцию официально-делового, нормативного языка и личность, владеющая им, априорно имела статус образованного и культурного человека.

Таким образом, роль церковнославянского языка в формировании языковой личности человека оказывалась одной из важнейших. Церковнославянский язык становился одним из условий успешной самореализации и социализации, поскольку предполагал определенную образовательную ступень, включавшую в себя осознанное владение лингвокатегориями, билингвизм в точном смысле, а также знакомство с определенным кругом научной и образовательной литературы того времени.

В контексте данного исследования возможно рассматривать переводную, агиографическую и теологическую литературу как единый текстологический массив, поскольку содержательная и прагматическая сторона этих текстов имела единый порождающий источник. Священное Писание и труды святых отцов Церкви были главными источниками переводной и оригинальной литературы богословского характера, которым несколько уступали по объему переводные работы философского и прикладного характера. Однако

и эти работы переводились одними и теми же людьми, исходившими из одних и тех же лингвистических принципов, что позволяет нам рассмотреть весь массив этих текстов без дополнительного деления.

Переводная литература, как и оригинальная литература богословского содержания, изначально позиционировалась как высокая литература, требовавшая безусловного образовательного статуса от читателя.

Нам представляется чрезвычайно важным тот факт, что читательский круг этой литературы был достаточно широк и включал в себя значительную часть активного населения Древней Руси. Важно отметить, что в отличие от латинской традиции католической церкви, в православной религиозной практике существует необходимость восприятия священного текста и его толкований, что требовало знания церковнославянского языка, по меньшей мере, приходскими священниками и грамотными прихожанами для их текущего перевода и толкования в процессе религиозной практики. По факту же, нет сомнений, что церковнославянский язык органично воспринимался значительно более широкой массой как элемент общенациональной речевой культуры.

Анализ памятников переводной, агиографической и теологической литературы показывает высокую степень владения церковнославянским языком со стороны авторов и переписчиков этих произведений. Однако в них, так или иначе, присутствуют элементы живой древнерусской речи, имеющие характер проявления личности автора в тексте.

Литературные памятники XI–XIII веков представлены разнообразными произведениями, наиболее крупным и спорным из которых является «Слово о полку Игореве». Представляется, что проблема идентификации и подлинности памятника связана не только с анализом общих лингвистических фактов произведения, но и с реконструкцией языковой личности автора. Опыты подобных реконструкций проводились разными учеными, например, О.В. Твороговым [6], Д.С. Лихачевым [4; 5], А.А. Зализняком [2] и др. Все эти опыты имели целью попытку воспроизвести уникальную личность конкретного писателя путем выявления индивидуально-стилистических черт. При этом не учитывался фактор копийности и поливариантности текста «Слово о полку Игореве», при котором данное произведение существовало в различных вариантах, взаимодополняющих друг друга, из которых стал известен только один. Между тем, факт поливариантности значимых художественных текстов, принадлежащих перу разных переписчиков, но воспроиз-

водящих одно событие в рамках одного жанрового канона, достаточно известен и характерен для рассматриваемого периода. Таким образом, данное предположение позволяет рассматривать автора повести не как конкретную, а как типичную личность, конкретизировавшую конгломерат близких текстов. Типизация личности автора «Слова о полку Игореве» позволяет выявить сходства и закономерности черт реконструируемого облика языковой личности в целом. В частности, литературное произведение всегда тяготеет к народной, живой речи и, в определенном смысле, сближается с текстами массового характера. Сопоставляя данные наблюдений за лингвистическими факторами бытовой корреспонденции, мы находим определенные близкие черты языковых личностей авторов этих произведений. Ставя перед собою цель изучения роли и влияния церковнославянского языка на эволюцию языковой личности, мы не будем углубляться в сопоставление лингвистических фактов древнерусского происхождения, а ограничимся церковнославянизмами. На протяжении всего текста мы видим определенную параллелизацию в употреблении элементов обоих языков, особенно в плане лексики и грамматики. При этом обращает на себя внимание некоторая стилистическая дифференциация, при которой церковнославянские элементы приобретают функцию маркеров, подчеркивающих переход от повествовательной к стилистически окрашенной речи. Данный прием нехарактерен для бытовой корреспонденции, но в определенной степени копирует общую стилистическую тенденцию официально-деловых документов государственного значения, где церковнославянизмы используются в качестве организующего и статусного элемента (т. н. «величальной» традиции). Этот этикетный прием сродни обязательному цитированию Священного Писания в государственной переписке и важных деловых бумагах (например, документах Владимира Мономаха и др.), он используется автором «Слова» достаточно осознанно, как художественный прием, что, в целом, укладывается в лингвистический облик современника, опирающегося на представления о сущности текста, характерные для этого времени, по крайней мере точно знакомого с переводными древнегреческими трактатами о риторике и системе образов. Вместе с тем, автор этого произведения использует и синонимический параллелизм в тех случаях, когда возникает необходимость заменить повторяющееся слово иной формой, что нехарактерно для текстов того периода. В целом же образ языковой личности автора «Слова о полку Игореве» структурно близок образу типичного носителя языка того периода.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что языковая личность человека XI–XIII вв. имеет следующие особенности с точки зрения владения церковнославянским языком и реализации церковнославянизмов в текстовом пространстве:

- пассивное восприятие церковнославянского языка большей частью населения, обусловленное его вовлечением в религиозную практику;
- активное использование церковнославянского языка в практической деятельности большей части образованного населения, глубокое понимание сущностных аспектов языка;
- статусный фактор языка, воспринимавшегося как маркер образованности, принадлежности к просвещенному сословию, откуда стремление вовлекать церковнославянские элементы в повседневную речевую культуру;
- использование церковнославянского языка в Древней Руси в целом соответствует представлениям о нормативной лингвистической базе, но в то же время присутствует ряд элементов, позволяющих говорить о приспособлении языковых реалий церковнославянского языка к древнерусскому языку, особенно в отношении формального воплощения элементов;
- первые опыты по использованию церковнославянского языка в качестве средства художественной изобразительности, в первую очередь за счет его статусного восприятия основной частью населения.

1.2. Роль церковнославянского языка в формировании языковой личности XV–XVII веков

Историко-политические события второй половины XIII–XV веков оказали огромное влияние на развитие языка и культуры. В силу трагических событий, произошедших в этот отрезок времени, количество людей, в совершенстве владевших церковнославянским языком и имевших возможность изучать и углублять знание этого языка, значительно сократилось. Изменился сам характер языка. Утрата постоянных связей с православным миром при общих негативных тенденциях для православного искусства и культуры обусловили снижение статусной значимости языка, понизили его международный уровень, что сказалось на восприятии церковнославянского языка в России. Церковнославянский язык начинает все больше формализоваться, становясь профессиональным языком религиозного сословия, постепенно отрываясь от повседневной речевой практики. Анализ документов той эпохи показывает заметное

увеличение древнерусского текста в официальном документообороте, утрату церковнославянских лингвоформул в юридическом оформлении значительной части государственных бумаг. Церковнославянский язык сохраняет свой формальный статус религиозного языка и языка высокой книжности, но уже не обладает прежним статусом и не является показателем образованности носителя, скорее, является маркером его социальной принадлежности.

В этот период на формирование языковой личности в большей степени оказывают влияние факторы формирующегося единого языка великорусской народности, постепенно исключающие и вытесняющие церковнославянские элементы. Мы полагаем, что отличительной чертой этой эпохи является постепенная утрата билингвизма основной частью населения и изменение восприятия церковнославянского языка сугубо как языка религиозной практики, мало связанного с повседневной речевой культурой. Церковнославянский язык статусно постепенно начинает сближаться с латинским языком католического мира, т. е. изолируется и профессионализируется.

Определенный ренессанс церковнославянского языка, начавшийся в период строительства Московского государства, не повлиял на принципиальное изменение облика языковой личности современника. Церковнославянский язык по-прежнему продолжает дистанцироваться от речевой культуры общества, все более и более воспринимаясь как изолят. С другой стороны, образованными слоями общества предпринимается попытка формирования единообразного нормированного литературного языка на базе церковнославянского языка. Данный факт представляется нам важным в свете развития языковой личности, поскольку, во-первых, говорит о целесообразной деятельности в аспекте формирования облика языковой личности современника (образованного человека), во-вторых, показывает понимание консолидирующей роли языка в обществе, а в-третьих, говорит об осознанном представлении той роли и того статуса, какие церковнославянский язык имел в обществе XI–XII веков, в-четвертых, свидетельствует об осознании роли языка в государственной идеологии, провозглашенной как наследие мировой цивилизации.

Следует отметить, что XV–XVII века – период, оставивший наибольшее количество письменных источников, включая копии и реплики ранних текстов, что позволяет с достаточной уверенностью судить о различных лингвистических фактах и тенденциях в языке этого периода.

При всей значимости церковнославянского языка, декларируемой и поддерживаемой официально, общий объем литературы,

написанной на церковнославянском языке либо с преобладанием его элементов, значительно меньше, чем документов на великорусском языке (языке Московского государства). Здесь вновь возникает проблема с идентификацией источников и определением приблизительного объема документов, написанных на том или ином языке в каждый рассматриваемый период времени.

Утеря значительной части документов XI–XIII веков, подчеркиваемая даже в исторических хрониках позднейшего времени, не позволяет в точности провести сравнительный анализ, однако сохранившиеся документы, включая позднейшие копии, позволяют говорить о значительном сокращении объема текстов, написанных на церковнославянском языке, и о значительной специализации этих текстов. Так, церковнославянский язык почти полностью вытесняется из официального документооборота; параллельно с церковнославянским языком значительная часть религиозных текстов создается на великорусском языке, включая проповеди, послания религиозных деятелей, различные риторические тексты официального характера. Почти полностью исчезают новые тексты литературно-религиозного содержания на церковнославянском языке (псалмы, религиозная поэзия), некоторое увеличение частоты создания которых наметится в позднейший период (в XVIII, а затем в XX столетиях). Параллелизм в использовании великорусского и церковнославянского языков в той специализированной нише, которая раньше принадлежала только церковнославянскому языку, продолжает возрастать, и к концу XVII столетия великорусский язык окончательно становится доминирующим при формальном сохранении за церковнославянским языком статуса языка религии.

Этот факт нам представляется важным для реконструкции языкового облика, говорящего того времени, поскольку можно выявить объективные тенденции в кардинальном изменении этого облика. Языковая личность, сформировавшаяся между XV и XVII веками, значительно отличается от языковой личности XI–XIII веков в плане значимости для нее церковнославянского языка, его восприятия и использования лингвистических средств. Специализация церковнославянского языка и утрата его статуса привела, к тому, что он более не воспринимался большей частью говорящего населения, а активно использовался лишь узким кругом, даже среди связанного с литературой и государственным документооборотом числа лиц.

Представляется, что появление единого разговорного великорусского языка, выступающего как общее средство общения,

модулирующее единое культурное лингвистическое и литературное пространство, в значительной степени ослабило необходимость в церковнославянском языке, до того выступавшем в роли общего культурного носителя, священного языка, объединявшего православных на всей территории Древней Руси. Важно отметить, что церковнославянский язык не подменял существование письменного русского литературного языка того времени, а выступал консолидирующим фактором в сознании носителей, подчеркивая с лингвистической стороны религиозно-культурное единство при различии существовавших на тот момент диалектов древнерусского языка.

Формирование самой идеи единой государственности и единой народности с национальным языком сводило на нет необходимость в существовании общего сверхъязыка, хотя и не отменяло необходимости в существовании нормативного литературного языка. Попытка официальных властей, поддержанная религиозными деятелями, использовать церковнославянский язык в качестве литературного языка не имела успеха в том числе потому, что этот язык уже воспринимался как несколько архаизированный и специализированный язык, как избыточное явление в культурной среде. Волна деархаизации языка, начавшаяся в XVIII веке наряду с некоторым подъемом интереса к нему в консервативных слоях религиозной части населения, как раз и обозначила инстинктивный процесс, который уже шел к этому времени. Мы полагаем, что языковая личность позднего периода уже не воспринимала церковнославянский язык как язык естественной коммуникации и поэтому живое литературное творчество и документооборот на нем не могли быть продуктивны из-за ограничений, прежде всего, со стороны восприятия самих носителей языка.

Типологически церковнославянский язык более не выступает стилистически нейтральным либо сугубо литературным языком того периода, поскольку великорусский язык уже содержит все необходимые элементы для формирования нормированной и стилистически разнообразной устной и письменной речи, использующиеся еще достаточно вариативно и бессистемно, но потенциально различающиеся носителями. Сохранение статусной значимости церковнославянского языка идет в значительной степени за счет инерции и отсутствия объективной альтернативы, поскольку целенаправленное изучение и формирование представлений о великорусском языке как о едином лингвистическом объекте начнется в позднейшее время, после накопления необходимого научного опыта и формирования национальной научной базы.

Хотя к концу XVII века церковнославянский язык вытесняется из широкого обихода, его элементы все еще остаются востребованными как художественные средства, в том числе как средства стилизации и архаизации художественного текста. При этом значительная часть таких элементов с течением времени приобретает все более и более случайный характер. Сопоставительный анализ текстов художественной литературы показывает резкое качественное изменение в использовании церковнославянизмов в художественных текстах. Если для художественной литературы XII – начала XV веков эти элементы соответствуют общим принципам использования церковнославянского языка в тексте, т. е. стилистической маркировке события, внедрения особо значимого элемента, то в дальнейшем они становятся признаками литературной обработки (в том числе показателем «высокого слога») в принципе, а затем элементами архаизации и стилизации текста. Из всего круга используемых церковнославянизмов постепенно сохраняется только ограниченный объем лексики, имеющей выраженный терминологический или архаизированный характер, в том числе окрашенных синонимов нейтральных слов русского языка.

Использование элементов церковнославянского синтаксиса или орфографии авторами художественных текстов носит эпизодический характер, как правило, не находящий отклика у читателя и потому малопродуктивный. Исключение составляют религиозные тексты, которые тоже могут быть художественными и писаться в соответствии со всеми правилами и нормами церковнославянского языка.

Важно отметить, что к моменту предполагаемых стилизаций (XVIII век) некоторых памятников древнейших времен устойчиво возобладал взгляд на церковнославянский язык именно как на формальное стилистическое средство, в отличие от подлинного использования церковнославянского языка в аутентичных памятниках, что еще раз подчеркивает совершенно иное восприятие языковой личностью конца XVII–XVIII веков лингвистических реалий предыдущего периода, особенно под влиянием идей классицизма, структурировавшего художественные тексты вне области подлинных исторических реалий.

Таким образом, можно говорить о том, что процесс деструктурализации и спецификации церковнославянского языка в сознании людей XV–XVII веков был обусловлен естественными эволюционными причинами, при этом определенную роль сыграли исторические события. Тем не менее, попытка использовать билингвизм, характерный для общества раннего исторического

периода, в качестве замены национального языка успехом не увенчалась, в первую очередь по причине отсутствия подлинной осознанной необходимости в дополнительном языке в среде большей части населения России.

1.3. Роль церковнославянского языка в развитии современной языковой личности

История церковнославянского языка на этом не завершается и, на наш взгляд, было бы неверно не рассмотреть перспективы и основные направления, в которых он развивался в дальнейшем, поскольку, в отличие от ряда древних языков, к церковнославянскому языку трудно однозначно применить термин «мертвый язык». На наш взгляд, в период с XVIII века по настоящее время этот язык можно обозначить как глубоко специализированный язык, язык определенного сообщества и рода деятельности, в определенном смысле существующий и развивающийся.

Здесь необходимо раскрыть понятие «развитие», поскольку обычно это понятие предполагает значительное эволюционирование или революционные преобразования в состоянии некоего явления. Это действительно так, однако процесс эволюции не обязательно должен сопровождаться коренным изменением сущности объекта, изменения могут быть и не столь значительны в восприятии современника, но могут проявиться в полной мере лишь значительно позднее.

Анализ современных текстов, написанных на церковнославянском языке, показывает ряд изменений, продолжающихся в его структуре. В целом, эти изменения направлены на все большее сближение церковнославянского и русского языков: некоторое упрощение синтаксиса, отказ от архаичных глагольных форм в пользу более продуктивных, ограниченное появление окказионализмов, явно имеющих сходство с некоторыми лексическими элементами современного русского языка. Эти преобразования незначительны и имеют достаточно бессистемный характер, определяемый, в первую очередь, относительно малым числом новых текстов, создаваемых на этом языке, и общим консерватизмом религиозной среды, в которой этот язык используется. Тем не менее, говорить о полной искусственности существования церковнославянского языка, на наш взгляд, преждевременно. Скорее, его существование можно описать как стагнацию со слабыми эволюционными признаками.

Социокультурные преобразования, прошедшие в обществе и вызвавшие определенный подъем в религиозном движении, актуализировали интерес к церковнославянскому языку. Язык религии

резко востребовался в социуме, активизировалось книгопечатание на этом языке, стали появляться новые произведения на различную тематику, написанные на церковнославянском языке либо с использованием его элементов. В научной среде возникли дискуссии о статусном состоянии церковнославянского языка.

При этом анализ собственно среды, в которой используется этот язык, показывает следующие результаты:

- из 100 опрошенных в возрасте от 18 до 35 лет менее половины различают церковнославянский и древнерусский языки;
- из того же количества респондентов лишь порядка 5 % понимают церковнославянский язык на уровне восприятия более 50 % связного текста;
- 20 % категорически негативно воспринимают церковнославянский язык с эмоциональной точки зрения, как лишний, чуждый современности язык;
- 15 % респондентов пребывают в уверенности, что церковнославянский язык является праславянским языком, и связывают с ним ряд неорелигиозных социокультурных явлений;
- примерно такое же число респондентов выразили уверенность в необходимости изучения этого языка для религиозной практики.

Опрос проводился на добровольной основе среди лиц, имеющих высшее образование и специальное негуманитарное образование, без фиксации внимания на религиозной, в частности православной, проблематике.

Данные опроса показывают, что лишь относительно небольшая часть общества обладает знаниями, необходимыми для адекватного восприятия церковнославянского языка, а способность к порождению текста на этом языке не представил ни один из опрошенных. Трое из опрошенных выразили уверенность в том, что сам факт написания текстов на этом языке обладает сакральным значением и должен быть сугубо прерогативой священнослужителей. Таким образом, можно говорить об определенной мифологизации самого лингвистического феномена, который в нейтральной или слаборелигиозной среде приобретает форму альтернативного знания, с языком никак не связанного.

У лиц, хорошо знакомых с православной религией, церковнославянский язык обладает несколько иным статусом, хотя беседы, проведенные с убежденными представителями этого течения, также показали значительную степень сакрализации и мифологизации церковнославянского языка. Церковнославянский язык в ряде случаев

позиционировался как альтернатива русскому литературному языку, призванная наполнить речевую культуру особым идеологическим содержанием, с лингвистическими факторами никак не связанным. У автора сложилось впечатление, что степень актуальности церковнославянского языка зависит исключительно от религиозной убежденности носителя и его приверженности конкретной религиозной концепции даже в православном вероучении (например, в вопросе о языке религиозных обрядов и новой теологической литературы).

Изучение же языковой личности, нейтрально настроенной в отношении религии, показывает, что церковнославянизмы не различаются значительным числом лиц старше 21 года, не связанных с гуманитарными науками в своей практической деятельности. Более того, значительная часть архаизмов не дифференцируется ими по лингвистическому принципу, полностью относясь к некатегоризируемому респондентами книжному стилю. Таким образом, для современной языковой личности не существует разницы в форме стилизации и путях заимствования в тексте, при условии, что она не связана с конкретной лингвистической практикой.

Для лиц, составляющих круг исповедующих определенную религиозную концепцию, церковнославянский язык имеет особое статусное значение, на уровне подсистемы общенационального языка. В этом случае лингвистическая картина мира значительно отличается от аналогичной, формируемой на современном русском литературном языке. При этом статусность языка играет для этих личностей роль и социального позиционирования, определяя социальный и религиозный статус самих носителей, как в собственных глазах, так и в глазах других членов общего социума. Хочется подчеркнуть, что данный феномен совершенно нехарактерен для иных исторических типов языковой личности, поскольку даже в XVIII веке спецификация церковнославянского языка не имела такой градационной роли, дистанцирующей его носителя от основного социума. Естественный для исторического хода развития языка экстралингвистический элемент в данном случае приобрел ключевое позиционирующее значение.

***

Роль церковнославянского языка в формировании и развитии языковой личности в истории весьма велика. Как показали исследования, формирование национальной письменности и представлений о сущности текста, его структуре, его видов и составных элементов

неразрывно связано с функционированием церковнославянского языка в социуме, его особым статусом в общенациональной речевой культуре XI–XIII веков. На ранних этапах церковнославянский язык способствовал консолидации общества и представлял собой важный компонент общенациональной и общерелигиозной русской культуры. Церковнославянские элементы были органично включены в официальный деловой дискурс, использовались в повседневном обиходе для указания на статус говорящего, составляли основу лингвосферы религиозного дискурса, религиозной литературы в целом. Церковнославянский язык воспринимался абсолютным большинством исповедовавших православие жителей Древней Руси на достаточном для понимания основного содержания текста уровне. В процессе эволюционирования общенациональной лингвосферы церковнославянский язык в представлении говорящих специализируется тематически и постепенно вытесняется из общенационального обихода великорусским языком. Тем не менее, за церковнославянским языком сохраняется статус общеконфессионального языка, языка религии. Статусное значение церковнославянского языка в представлении языковой личности меняется, специализируясь и сужаясь. На этом эволюционирование церковнославянского языка в представлении основной части русскоговорящего населения не заканчивается, поскольку в конце XX века начинается повторный всплеск интереса к нему, а сам церковнославянский язык приобретает особый, отличный от существовавшего до того, статус. Теперь это не просто язык религии, это язык определенной идеологии, являющийся социокультурным маркером для общества. Одновременно сам церковнославянский язык в значительной степени изменяется, своего рода мифологизируется, подвергается определенным изменениям, связанным с подобным восприятием его социумом.

Изучение эволюции церковнославянского языка, в особенности с позиции его влияния на формирование языковой личности в определенный период времени, представляется важным, поскольку позволяет изучать и моделировать процессы эволюции общенациональных и литературных языков применительно к особенностям русской лингвосферы. В настоящий момент, когда идет процесс очевидного изменения литературного языка, его роли в социуме, данные по изучению эволюции церковнославянского языка могут быть полезны для определения перспектив и вариантов развития русского литературного языка.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высшая школа, 1982.
2. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / Институт славяноведения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010.
4. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) – СПб.: Алетейя, 2001.
5. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Художественная литература, 1978.
6. Творогов О.В. Литература Древней Руси. – М.: Просвещение, 1981.

ГЛАВА 2.

АРХАИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЦА XVIII ВЕКА И КУЛЬТУРА СЛАВЯНО-РУССКОГО ЯЗЫКА (В СВЯЗИ С «ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ВИВЛИОФИКОЙ»)

Словесность послеломоносовского периода постепенно отходила от канонов классицизма, в русском литературном языке шли интенсивные поиски новых форм выражения. Происходило это как в иноязычных источниках калькирования (прямые заимствования остались уделом Петровской эпохи), так и в собственной старине, требующей ее освоения, – все это резко расширило языковую компетенцию литераторов и привело к славянизированному елагинскому слогу, распространенному в последние годы царствования Екатерины II и при Павле I. Славянизм, бывший стилистической категорией в середине века [9], стал широкораспространенным вариантом среднего стиля без особого стилистического признака возвышенности [11, с. 16 и далее]. «Церковнославянский язык продолжал оставаться источником пополнения словарного состава русского языка» [12, с. 84]. Около 10 процентов славянизмов, по данным «Словаря русского языка XVIII в.», усиливают свою активность в употреблении, а 87 процентов слов с пометой *славянское → нейтральное* «входят в употребление или расширяют свою употребительность» [12, с. 85]. Со времен М.В. Ломоносова славянское по содержанию расценивалось как дре́внее, а церковно-славянское по форме воспринималось как древнерусское.

Старшая церковно-славянская норма русского литературного языка продолжает свое воздействие на судьбу вариантов. Так, в синонимической паре XVIII века *делатель – деятель* первый член был известен в значениях ‘Творец, Создатель’, ‘изготовитель, производитель’, ‘земледелец’, а второй член – только в значении, схожем со вторым, – ‘работник, производитель’. С 30-х годов XIX в. слово *деятель* стало употребляться в современном значении, а слово *делатель* ограничилось устойчивым евангельским изречением [13]. Происходит паронимическое отталкивание, в результате которого один славянизм (с одним, словообразовательным, признаком славянизма) заменяется другим (причем с двумя, фонетическим и словообразовательным, признаками) с существенным семанти-

ческим сдвигом. Если добавить к этому нынешнее вторичное ироническое употребление славянского *деятель* и столкновение с новейшими латинизмами *агент, функционер*, то в нашем светском обиходе будет видно непосредственное прагматическое действие церковно-славянской стихии, которая получила мощный импульс развития в составе русского литературного языка два с половиной века тому назад и уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся, противопоставленное просторечию и диалектам. Карамзинская реформа русского литературного языка лишь придала литературному языку легкости и изящества, подготовив художественную речь, но вовсе не пошатнула его церковно-славянской основы, в недрах которой при том же Н.И. Карамзине и при его же активном участии (множество авторских неологизмов на славянской словообразовательной основе) происходили интенсивные инновации.

Е.Ф. Будде, начиная разговор о русском литературном языке XVII–XIX вв., считает необходимым подробно остановиться на его церковно-славянских элементах [2, с. 14–38]. А.А. Шахматов эти элементы считает важнейшей проблемой современного русского литературного языка и собирает их в первую главу, − пример, достойный подражания всеми последующими описателями современного русского литературного языка. Начиная со 2-го южнославянского влияния (XV век), в историческом развитии русского языка, по Шахматову, главенствует идея слияния книжного языка с народным. «...окончательное торжество этой идеи увидел только XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой инославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимстования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки» [17, с. 62]. Этим научным положением, к сожалению, нечасто руководствуются в текущих исследованиях русского литературного языка предпушкинского периода, что приводит к классификации материала, извлеченного из текстов, по заранее данным схематическим критериям, согласно которым будто бы, напротив, отдельный русский язык заимствует или не заимствует варианты другого будто бы отдельного церковно-славянского языка [7; 8]. Положение А.А. Шахматова развивает С.Н. Трубецкой [16], подчеркивающий наследование русским

литературным языком южно-славянской по происхождению (церковно-)славянской стихии.

К 70-м годам XVIII века возрастает интерес к российской истории. Ею увлекается сама императрица, а Н.И. Новиков предпринимает издание древних памятников письменности [5]. Они выходят в течение трех лет десятью выпусками в форме периодического издания. В истории русской печати это первый и единственный случай публикации исторических документов в виде общедоступного ненаучного журнала. «Древняя Российская Вивлиофика» имела огромную популярность среди современников, и Н.И. Новиков сначала переиздал без изменений первые две части, а затем выпустил второе существенно расширенное издание в 20-ти частях [6]. В отличие от А.И. Мусина-Пушкина, Н.И. Новиков не считал нужным переводить издаваемые произведения на современный русский язык ни в первом, ни во втором издании, да и мусин-пушкинские переводы «Русской правды» и «Поучения» Владимира Мономаха носили, скорее, эстетический характер: они облагораживали древнюю необработанную речь совершенными формами славяно-русского языка; состояние языка, близкое к варварскому, приобретало цивилизованные формы, приятные и удобные для просвещенного читателя 1790-х годов формы.

Круг чтения различных слоев общества обязательно включал книги церковной печати, написанные по-славянски, для купечества, мещанства и крестьянства они были преимущественным чтением. Ни одно большое произведение гражданской печати не пережило столько изданий в течение XVIII века, сколько «Великие Четьи Минеи» святит. Димитрия Ростовского. Близость языка древнерусских памятников к языку церковных книг способствовала быстрейшему расширению языковой компетенции читателей «Вивлиофики» и панхроническому восприятию того уникального лингвистического образования, которое было названо *славяно-русским* (*словено-российским, славено-российским*) языком. Он осознавался настолько отчетливо, что была составлена его нормативная грамматика [1], в которой для каждой морфологической категории приводились русские и славянские варианты. Подробнее см. в [3].

Не следует забывать, что никакого подобия исторического взгляда на язык тогда не было. Главенствовала философская грамматика, раздавались призывы составить критическую грамматику [15], но никаких представлений об «исторической грамматике» еще не существовало: все написанное в прошлом воспринималось как

современное и понималось сквозь призму современного состояния языка, обогащаемого его же древними вариантами.

Имея в виду особую важность реконструкции языковой компетенции русских читателей конца XVIII века, дадим в настоящей главе краткий обзор грамматики и лексики некоторых произведений, опубликованных во 2-м издании «Вивлиофики». В ней напечатаны в основном оригинальные документы (все переводы особо оговариваются, с какого языка переведены). Но в то же время оживились и переводы, причем не только с новых языков, но и с греческого, как это было в средневековой Руси. Замечательным событием в духовной жизни России стало появление «Добротолюбия», переведенное преп. Паисием Величковским и украшенное торжественной дарственной надписью Екатерине II. Язык этого четырехтомного собрания сочинений Отцов Церкви более строго соблюдает церковнославянскую норму и может быть назван типичным для славяно-русского языка конца XVIII в. Но в данной главе мы ограничимся рядом текстов, опубликованных «Вивлиофикой». Этого будет вполне достаточно, чтобы показать готовность читателей того времени воспринимать и такие произведения духовной литературы, как «Добротолюбие».

2.1. Как представлена морфологическая сторона языка некоторых памятников письменности «Древней Российской Вивлиофикой»

Чтобы показать разнообразие форм языка, мы выбрали из «Вивлиофики» памятники разных жанров, стилей и эпох, наиболее насыщенные морфологическими, словообразовательными, лексическими и синтаксическими вариантами. Список отобранных текстов с указанием части (тома) и, после запятой, страниц, приводим ниже. Перед нами не ставится задача предварительной критической реконструкции публикуемых текстов, поэтому мы обошлись без их сопоставлений по разным спискам и без сличения с позднейшими научными критическими изданиями. Нам важно было взглянуть на тексты глазами людей, только что получивших их в руки и не мыслящих какими-то «грамматическими правилами». Объектом описания берутся непосредственно словоформы, а не их парадигмы. С этим связана несколько упрощенная подача морфологических категорий, но в строгой и ясной иерархической последовательности, позволяющей сохранить различение всех возможных вариантов: 1) число, 2) род/склонение, лицо/спряжение в разных временах, 3) падеж, 4) именные формы глагола, наклонения, возвратность и залог, вид. При этом рядом с обозначением рода показано

склонение: м1 – типа *столъ*, *мечъ*, *братъ*, *царь*, *сынъ*, *добръ*, м2 – типа *владыка, дядя*, м3 – типа *добрыи, той, пятый, идущий*, ср1 – типа *село, море, добро*, ср2 – типа *время, слово*, ср3 – типа *доброе, тое, пятое, идущее*, ж1 – типа *книга, сестра, няня, добра*, ж2 – типа *соль, матерь*, ж3 – типа *добрая, тоя, пятая, идущая*. В скобках после примеров указан их адрес – номер части «Вивлиофики» и страница; по этим данным, ориентируясь на список, нетрудно узнать, из какого текста взят пример. Выбираются формы, отличные от наиболее распространенных, привычных для конца XVIII века русских вариантов. Легко заметить, что все они либо церковно-славянские, либо древнерусские. Отметка «и под.» означает, что в данном тексте это типичный, преобладающий вариант окончания. Решение подавать морфологический материал с выдвижением на первое место категории рода и полным подчинением ей категории склонения было принято с опорой 1) на общую историческую тенденцию перестраивания склонений по бывшим праславянским основам в склонения по родам, 2) на особую важность категории рода как согласовательной категории, 3) на сознательный отказ от кичливого навязывания новой историко-лингвистической учености той эпохе, которая жила еще непосредственным переживанием древних произведений письменности, без сухого и бездушного рационального отстранения от них, увы, так необходимого в научном дискурсе начала XXI века; стремление к научному историзму оборачивается действительным антиисторизмом; агрессивное воздействие метода на эпоху мстит себя ложным ее восприятием. За образованием словоформ и их согласованием по родам следует обзор согласования («сопражения») глагольных словоформ по лицам.

Необходимо сделать еще одно важное предварительное замечание о характере печати. Для передачи древних рукописей печатью («Слово ...» Патр. Иоакима 1682 г. перепечатано со старинного допетровского издания) «Вивлиофика» пользуется исключительно гражданским шрифтом, игнорирующим ряд графических различий, известных в церковном шрифте, поэтому некоторые различия в графике оригинала не передаются. Тем не менее, для букв «ер» и «ерь», напротив, в гражданской печати созданы новые типографские варианты, вероятно, из эстетических соображений. Для позиции конца слова перед пробелом у наборщиков Н.И. Новикова были литеры Ъ с большим навесом над строкой, покрывающим соседнюю букву слева, или с маленьким убористым навесом, высокий *Ь* с маленькой косой насечкой сверху, высокий *Ь* и обычный строчной *ь*. Только относительно первой и последней литеры можно определенно сказать,

что они употребляются в значении, соответственно, «ера» и «еря». *Ь* и Ь часто и в обычных произведениях, созданных в XVIII веке, не показывали мягкости, а просто заменяли собой «ер», поэтому невозможно с уверенностью утверждать, что эти варианты типографских знаков точно передавали букву «ерь» рукописи. Вопрос передачи конечных древнерусских сочетаний *-мь, -ть, -вь* оставляем открытым.

В целом же, отход от церковной традиции в типографии Н.И. Новикова более решителен, чем в других издательских центрах той поры. Так, если другие еще в начале XIX века продолжали использовать в своей издательской практике литеру *ї* с двумя точками, совпадающую с русской церковной и греческой, то Н.И. Новиков, пожалуй, первым в России перешел на *і* десятеричное с одной точкой, показав тем самым единство с латинской и западной традицией.

Список отобранных текстов

Устав по греческим Номоканонам св. вел. кн. Владимира Киевского 988–1015 гг. (6, 1–9).

Комедия, притча о Блудном сыне ок. 1550 г. (по оценке издателей) (8, 34–60).

Речь от Государя к Кизылбашскому новому аббас-шаху 1588 г. (12, 4–7)

Грешного инока Иосифа *сказание* о новоявившейся ереси новгородских еретиков и отступников Алексея Протопопа и Дениса, Осипа и Федора Курицына, иже такоже мудрствующих 1491 г. (14, 128–147).

Слово благодарственное Господу Богу, яко благоволил Церковь свою Святую от тоя отступников и злых наветников в лето 7190 (1682) избавити патриарха Иоакима (15, 241–282).

Сказание, како состави святый Кирилл Философ азбуку по языку славенскому (год не указан) (16, 7–11).

Летописец Двинский (доведен до 1705 года) (18, 1–72, обследован только отрывок до начала погодных записей, с. 1–4).

Единственное число

м1. В И. свободно употребляются не только существительные, числительные, притяжательные прилагательные, но и прилагательные качественные: *здравъ* (6, 1 и под.). В «Сказании» инока Иосифа в функции И. изредка появляются и формы на -е, схожие со звательными: *Генадіе* (14, 133), характерный «новгородизм». В Р. встречаются исконные формы склонения на *u: *изъ торгу* (6, 2; 6, 8),

унаследованные разговорной речью XVIII века. Прилагательные и краткие причастия склоняются: *отъ всещедра Бога* (8, 35), *сотворша* (12, 4). В Д. можно отметить вариант -ови/еви: *слава Богови*! (8, 42), *требникъ Господеви* (15, 244). По В. одушевленному в единственном числе происходит не только образование форм определяемых, но и согласуемых с ними: *суща* (14, 129). Иногда сохраняется древнерусская орфография Т.: *Василёемь* (6, 1), но в большинстве случаев окончание пишется по обычным правилам XVIII в. как -омъ, -емъ. Исконные окончания из типа склонения на *ŭ отражаются и в Пр.: *въ дому* (8, 56), *во чину* (16, 7), эти варианты приобрели еще более устойчивую стилистически сниженную окраску; палатализация передается последовательно, по церковно-славянским нормам, которые накладывались на древнерусский текст: *въ семъ вѣцѣ* (6, 9 и под.), сохраняются и соответствующие согласуемые формы: *Христовѣ* (6, 9). Тип склонения на *ŭ в Зв. не сохраняется: *сыне* (8, 39), но очень последовательно, без каких-либо лексических ограничений, образуется нормативный Зв. на -е и на -ю: *Отче мой драгій!* (8, 36), *мальче* (8, 52), *друже* (8, 52), *враже* (8, 53), *отроче* (8, 56 и под.), *Государю* (8, 40; 8, 45; 8, 52), *благодѣтелю* (8, 40 и под. в мягкой разновидности).

м2. В Д. сохраняются признаки мягкой разновидности склонения: *денницы* (6, 5 и под.). В Зв. регулярно закономерное окончание -о у слов как в прямых, так и в переносных значениях: *мой Владыко* (8, 38), *слуго* (8, 46), *главо* (8, 37), *славо* (8, 37 и под.).

м3. Окончание -аго в Р. передается повсюду: *святаго* (6, 1), *великаго* (6, 1), *Кіевскаго* (6, 1), *идольскаго* (6, 1 и под.), *безначальнаго* (12, 4 и под.), *Грѣшнаго* (14, 128 и под.), *крестившаго* (6, 1 и под.). В И. и В. распространена русско-славянская форма *той*: *въ той часъ* (6, 1 и под., см. также в разделе «Синтаксические особенности»). В Пр. хорошо представлено окончание, ближе стоящее к именному склонению, причем с возможным нарушением орфографии (е вместо ятя): *страшнемъ* (6, 9).

ср1. По среднему роду также происходит согласование кратких форм, напр., в В.: *во благо (время)* (8, 35); основы на -ц сохраняют свою морфологическую мягкость, в В.: *лице* (8, 36 и под.). В Пр. такие основы показывают следы старого окончания -и, но в подновленной орфографии, отражающей уже не морфологическую, а чисто фонетическую сторону дела: *въ сердцы* (8, 36).

ср2. Склонение на *согл. представлено гораздо бóльшим кругом слов, нежели имена на -мя и -ерь (о последних см. в ж2). Но и сам суффикс -мя в И. и В. показывает неизвестные уже в XVIII в.

варианты слов: *письмя* (16, 8). В Р. устойчива исконная флексия -е: *сѣмене* (15, 245), *имене* (15, 254), *сего словесе* (15, 273 и под.), но отражается и распространение окончания -и из склонения на *і еще до того, как оно стало женским: *козляти* (8, 56), то же в Пр.: *на небеси* (8, 57). В Д. окончание панхронично: *имени* (8, 57 и под.). В Т. древнейшая орфография (-ьмь) не передается: *иже подъ небесемъ* (14, 147). Скорее всего издатели ориентировались на ту двойную норму славяно-русского языка, которая описана Аполлосом Байбаковым.

ср3. Склонение, помимо И. и В.неодуш., совпадает с м3, формы *тое* в наших текстах не встретилось.

ж1. Обычны согласуемые формы в И.: *(болѣзнь) люта* (6, 1), древнейшая мягкая разновидность представлена очень хорошо: *вышши* (6, 7), *больши* (6, 7), она обычна и после -и- из напряженного редуцированного: *всеа Руссіи* (12, 4), это сохранилось в виде морфологического славянизма и в наше время. Древне-церковно-славянский вариант -я/а окончания из носового звука при мягких основах встречается так же широко, показывая действие 2-го южнославянского влияния: *отчаща* (от чащи) (14, 131), *и весь Священный Соборъ Рускія Митрополіа* (14, 134), *посредѣ Рукія земля* (14, 136), *единосущныя Тройца* (14, 138). В Д. и Пр. мягкая разновидность сохраняется. В Д. *земли* (6, 1). В Пр. *на земли* (8, 39; 14, 128). В В. этого склонения легко согласуются прилагательные, причастия и местоимения: *честь... должну* (8, 36), *ненавѣтованну* (15, 244), *память ону* (15, 251). То же в Пр.: *бяше въ скорби мнозѣ* (8, 55). В случае бывшего мягкого сохраняется мягкий вариант окончания: *тяжутся о задницы* (6, 4).

ж2. К этому склонению тяготеют слова бывшего склонения на *согл. В И. лучше сохраняется сокращенная основа: *дочи* (6, 4), *любы* (15, 254), в том числе вместо исконной *церкы* – созвучная ей *церкви* (6, 8). Вряд ли здесь следует усматривать воздействие слабого и относительно редкого Д., естественнее видеть здесь аналогическое влияние форм *мати*, *дочи*. В Р. хорошо сохраняется исконное окончание -е: *Матере* (6, 1; 15, 253), *Божіа матере* (14, 136), *дщере ради* (15, 246), *церкве* (15, 241; 15, 253; 15, 272; 15, 278), *ни вѣры, ни любве* (15, 265). В В. представлена отличная от И. форма, сохраняющая полную основу: *или матерь дочи біеть* (6, 4), *матерь* (15, 243). Т. еще не знает нынешнего сокращенного варианта, уже допустимого в разговорной речи XVIII века: *мудростію* (6, 1), *милостію* (6, 1 и под.).

ж3. Очень устойчивым оказывается окончание -ыя/ія, принятое в церковно-славянской норме: *блаженныя* (6, 1), *пречистыя* (6, 1), *непорочныя* (14, 129 и под.), *истинныя* (6, 9 и под.), *Рускія* (6, 1), *всякія* (8, 36 и под.), *бѣсовскія* (6, 1). Древнерусского -оѣ в отобранных нами текстах не обнаружилось. Русская огласовка бывшего тематического гласного о/е зато повсюду встречается в местоимениях: *всея* (6, 1), *твоея* (14, 129), *своея* (15, 242 и под.), *тоя* (15, 241). В Д. очень устойчиво окончание -ѣй: *святѣй* (6, 3; 6, 5), *вѣчней* (14, 129), *соборнѣй* (15, 241 и под.), в том числе с палатализацией: *по всяцѣй* (8, 34), *по всей Рустей земли* (6, 6). То же в Пр.: *во всяцѣй (потребѣ)* (8, 35), *въ Рустей* (14, 128). В Т. сокращения форм не бывает: *неизреченною* (6, 1).

Неродовые падежные словоформы. Особняком стоят падежные формы неродовых личных местоимений, хотя и восходят к склонению на *согл. или на *ā. Их архаические формы в «Вивлиофике» представлены очень хорошо, показывая самое начало взаимовлияний внутри парадигм. В Р. устойчива церковно-славянская и одновременно древнерусская форма: *мене* (15, 242), *мене* (*чтите*) (8, 36 и под.), *ради себѣ* (скорее всего, случай гиперкорректного написания – вм. -е, синтаксический р. здесь совершенно ясен, в том же контексте – *ради душевнаго спасенія*) (15, 268). В В. чаще односложная форма: *на тя* (8, 37 и под.), но бывает и выражение категории одушевленности, тогда берется форма Р. в значении В.: *гнѣвъ Божій на себе привлечетъ* (6, 8). В Д., пожалуй, чаще, чем ударная форма, и в более разнообразных значениях употребляется энклитика: *ти* (15, 245), *ми* (мне) (8, 35), *рабъ ти* (твой раб) (8, 36).

Первое лицо. В диалоговой ситуации возникает необходимость различать лица в глагольных формах. В течение исторического развития русского языка эта необходимость в светской речи стала ограничиваться только планом настоящего и будущего, но XVIII век еще хорошо знает «херовый аорист» и без труда воспринимает простые прошедшие времена богослужебных, духовных и древних книг. В аористе после основ на согласный (в 1-м кл.), как правило, видим закономерное окончание –охъ: *соблюдохъ* (6, 2). Правда, как раз с этими основами возникают трудности, поскольку исконный тематический гласный в «сильном» виде -о- (не -е-) появляется в редких формах (у глаголов непереходных даже нет форм типа **сѣдомый*) и вспоминается с трудом, отсюда смешение с формой 3-го л.: *сѣде..., и далъ есми* (6, 2). После основ прошедшего времени на гласную – -хъ: *пріяхъ* (6, 1; 6, 2), *создахъ* (6, 2), *уповахъ* (8, 35 и под.), *болѣхъ* (6, 1), *свободихся* (6, 1), *крестихся* (6, 1), *научихъ* (6, 2),

сотворихъ (6, 2), *уставихъ* (6, 5), *искусихъ* (8, 35), *быхъ здравъ* (6, 1), *бѣхъ* (8, 41), *вчера богатъ бѣхъ* (8, 49), *дахъ* (6, 2; 6, 5 и под.).

Среди форм имперфекта, кроме *бяхъ*, есть еще в таком же значении *бѣхъ*, но ее справедливо рассматривают как аорист от основы имперфекта (см. выше). Новая категория вида накладывается на старое спряжение в имперфекте, отсюда *бывахъ* (*искусенъ зернію играти*) (8, 44).

Словоформы настоящего времени глаголов неправильного спряжения (5 класса) активно используются и как полнознаменательные: *вѣмъ* (8, 45; 8, 46; 8, 50), и как синтаксические связки: *азъ уже старъ есмь* (8, 36), *грубъ есмь* (14, 139), и как вспомогательный глагол сложного прошедшего времени (часто не совсем справедливо называемого «перфектом»): *подвеселилъ есмь себе* (8, 45), *пилъ есмь опасно* (с опасением) (8, 45), *далъ есми* (6, 3), *есми далъ* (6, 9), и как вспомогательный глагол сложного будущего: *имамъ пристяжати* (8, 38), *имамъ въ домъ ся возвратити* (8, 38), *имамъ ясти и пити* (8, 43). Как это ни парадоксально звучит, примеры (8, 45) и (8, 38) из школьной драмы указывают на необходимость исследовать их на предмет первых случаев проникновения в русский литературный язык разговорных и просторечных элементов. При этом необходимо руководствоваться приведенным выше и глубоко продуманным научным положением ак. А.А. Шахматова. Встречая подобные формы, читатель конца XVIII века снимает психологический барьер между «книжной» славянщизной и изящной карамзинской словесностью. Младшая русская норма вызревала в недрах старшей церковно-славянской и к концу XVIII века окрепла настолько, что могла уже совместно с нею создать богатейшее выразительное средство – славяно-русский язык.

Второе лицо. В позиции 2-го лица обследованные нами тексты еще не знают фонетического сокращения: *любиши, твориши* (8, 37 и под.). Глаголы 5 класса в полнознаменательном значении тяготеют в этой форме часто к императиву: *увѣси* (в знач. императ. «узнай») (8, 40), вспомогательная форма *еси* употребляется в диалогах: *стерлъ еси* (15, 246 и под.).

Третье лицо. В связи с вышеуказанными графическими особенностями трудно судить, когда передается древнерусское -ть, поэтому не приводим сомнительных примеров. Глаголы 1-го кл. с основой на согласный показывают наследие асигматического аориста, ставшее окончанием -е: *отпаде* (6, 1), *пріиде* (о князе Михаиле) *границы* (14, 129), *приде* (о жидовине Схарии) (14, 129), *отведе* (14, 129), *приведе* (14, 129); та же модель используется после

частичной редупликации основы глагола *дати*: *даде* (8, 35). Глаголы с основой прошедшего времени на гласный закономерно сохраняют чистую основу, без добавления -л-: *показа* (6, 2), *избра* (8, 38 и под.), *оста* (осталась) (8, 49), *прелсти* (14, 129), *научи* (14, 130 и под.), *созда* (15, 244 и под.), *состави* (16, 7 и под.), *крестися* (18, 1 и под.). Индивидуальный оборот **бы есть* употребляется регулярно: *бысть* (14, 129, 2 раза; 14, 131; 14, 133 неоднократно; 14, 135 2 раза; 14, 138; 15, 251); корневая гласная наращивается -тъ: *взятъ* (14, 131; 15, 247); известен и аорист от основы имперфекта *бѣ* (8, 45), в том числе в функции вспомогательного глагола для образования сложного предпрошедшего времени («плюсквамперфекта»): *иже погиблъ бѣ* (8, 54).

Имперфект еще не обязательно связан с основами несовершенного вида. Очень устойчиво употребление словоформы *бяше*: *бяше* (6, 1; 8, 42; 8, 55; 14, 129), кроме того, от бесприставочных глаголов: *томляше* (8, 42), *бояшеся* (14, 132), *еще не вѣдяше извѣстно* (14, 134); от приставочных относительно новых: *разгнаше* (8, 52), *поутекаше* (8, 52), *воздавашеся* (15, 244). В последних двух случаях видовое значение уже накладывается на временное, и происходит суффиксальная имперфективация. В целом, церковно-славянская норма при образовании аориста и имперфекта сохраняется очень хорошо.

Как и для 1-го и 2-го лица, последовательно передаются формы 3-го лица глаголов 5 класса, причем в определенно русской огласовке на –ть в значении полнознаменательного глагола изъявительного или желательного наклонения: *вѣсть* (15, 274), *да вѣсть* (8, 53); в значении синтаксической связки: *нѣсть спасена* (8, 40); в значении вспомогательного глагола сложного прошедшего («перфекта»): *есть управилъ* (6, 7; 8, 35), *ялъ есть* (8, 52), *не пощадилъ есть* (15, 246), *есть... сотворилъ* (16, 8), *сотворилъ я есть* (16, 10), *есть ... устроилъ* (16, 11); сложного будущего: *Богъ имать на тя милость изліяти* (8, 37), *имать насъ познати* (8, 38), *иматъ исповѣдати* (расскажет) (14, 131). Заметим, что, как и в других лицах, для будущего употребляется только вспомогательный глагол *имѣти*, а в качестве инфинитива при нем свободно используются глаголы сов. вида.

Множественное число

м1. В И. типично окончание -и. Оно характерно для твердой разновидности склонения и встречается одинаково регулярно в определяемых именах: *престоли* (6, 6), *гради* (14, 128), в согласуемых именах: *предани* (6, 6 и под.), *вси* (6, 8; 14, 128),

обличени (14, 130), *сіи вѣрни пси* (14, 131 и под.), в том числе (орфографически -ы после ц) при второй палатализации: *иноцы* (6, 5), *человѣцы* (6, 6), *мѣстьницы* (6, 6), *прощеницы* (6, 6), *прикладницы* (6, 6 и под.), *мнози* (8, 35), *разбойницы* (14, 147 и под.). Окончание из типа скл. на *u оформляет прямые и метафорические наименования лиц: *сынове* (6, 9), *Жидове* (14, 130), *яко же зміеве* (14, 131), *сынове церкве* (15, 278 и под.). Слова исконного типа скл. на *i или на *согл. усваиваются со своей флексией -іе и переосмысляются как мягкая разновидность этого нового склонения, поскольку соотносятся с мягкой разновидностью ед. числа: *Откуду людіе*? (8, 50), *яко же звѣріе дивіе* (14, 140), *татіе* (14, 147), *жителіе* (18, 1 и под.). Согласуемые деепричастия имеют флексию по происхождению *согл.: *расмотривше* (6, 2 и под.).

В Р. преобладает старая флексия -ъ: *отець* (6, 6), *святыхъ Апостолъ* (6, 7 и под.), *отъ врагъ* (15, 243; 15, 244), *много трудъ* (6, 2); окончание -овъ пока остается в исконных словах на *u *сыновъ* (6, 2), *отъ сыновъ* (*погибельныхъ*) (14, 135), но заметим, что именно мужской род этих слов явился образцом для распространения окончания –овъ уже в младшей норме русского языка на множество других имен существительных м. рода.

Основной флексией Д. является -омъ: *по Греческимъ Номоканономъ* (6, 1), *равноапостоломъ* (6, 1), *Епископомъ* (6, 2), *боляромъ* (6, 2), *тіуномъ* (6, 2), *внучатомъ* (6, 3), *повелѣннымь постомь ругающихся* (6, 4), *честнымь Крестомь* (6, 4), *облакомъ* (6, 5, *по Божественымъ правиломъ* (6, 6 и под.), *внимающе духомъ лесчимъ* (14, 145), *врагомъ* (15, 243 и под.); исконная основа на *u в виде *сынов-* сохраняется: *сыновомъ* (15, 241), эта основа проникла и в младшую норму; мягкая разновидность объединяет и бывшие слова м. рода на *i: *Князем*ъ (6, 2), *кладяземъ* (6, 5 и под.), *людемъ* (15, 243).

В В. одушевленность не отражается, но для неодушевленных твердой разновидности склонения окончание -ы – историческая и стилистическая константа, так сказать, стержень, удерживающий единство системы: *въ церковныя святительскія суды* (6, 3). Исконные слова на *i также сохраняют свою флексию, которая теперь уже осмысляется как простая разновидность первой для смягченной основы: *на нищія люди* (8, 36 и под.); хорошо сохраняется и исконная флексия типа *jo, обязательно в церковно-славянской огласовке: (*Егда уповахъ на*) *живуща въ небѣ* (8, 35), *вся* (8, 35), *своя* (8, 35). «Русского ятя» в наших текстах найти не удалось.

В Т. преобладает омонимичное окончание -ы: *зубы же своими сокрушая* (14, 131), *и съ боляры* (6, 3), *святыми Апостолы* (6, 5 и под.), спорадически сохраняется даже сочетание *кы, гы, хы*, настолько сильна морфологическая инерция: *съ Астрологы* (14, 129), в мягкой разновидности, соответственно, -и: *со всѣми Князи* (6, 3), *со Іудѣи* (6, 5); из типа скл. на *ĭ заимствуется окончание -ьми с орфографическими вариантами: *бичьми* (8, 53), *нестяжательми* (15, 265), *мужми* (16, 10), *сыньми* (15, 245), причем последний явно следует наиболее распространенному графическому образу «ьми» и чисто парадигматически распространяется на основу, никогда не бывшей и не являющейся смягченной. Впрочем, очень может быть, что орфография и позиционная фонетика здесь совершали своеобразное «встречное движение»: в произносительном плане после вторичного смягчения происходит регрессивная ассимиляция по мягкости, и в сочетании «ньми» [н’м’и] -н-, действительно, произносится мягко. Как бы то ни было, это отход от исконного -ъми.

В Пр. орфография -ѣхъ настолько устойчива, что распространяется и на исконный тип скл. на *ĭ (*люди*): *судѣхъ* (6, 1), *градѣхъ* (6, 2), *о животѣхъ* (6, 3), *въ клиросѣхъ* (6, 6 и под.), *во предѣлѣхъ* (8, 41), *иже въ монастырѣхъ* (14, 138), *людѣхъ* (6, 1; 6, 2).

В значении Зв., как известно, во мн. используется форма И., так обычно и здесь: *слузи* (8, 44), *друзи* (8, 44), *сынове* (15, 241), но формы типа *Государіе* (8, 34), вероятно, следует считать специально приспособленными для обращений.

м2. Формы бывшего типа скл. на *ā здесь остались без изменений.

м3. И. и В. падежи строго различаются, одушевленность не проявляется. В И. происходят смягчения основ, в том числе закономерные палатализации заднеязычных: *церковніи* (6, 6), *святіи* (14, 131), *таковіи* (6, 8 и под.), *кротціи* (14, 131), *Епископстіи престоли* (6, 6), *Новгородстіи* (14, 147 и под.). В В. различаются мягкая и твердая разновидности склонения, в твердой, с учетом заднеязычного: *вь церковныя... суды* (6, 3), *вь... святительскія суды* (6, 3 и под.), в мягкой – по-славянски: *въ древняя роды* (14, 140), *на древняя еретики* (14, 140), *я* (их) (15, 242 и под.). В Зв. используется формы И.: *благородніи* (8, 34), *благочестивіи* (8, 34), *премилостивіи* (8, 34 и под.).

ср1. В И. во всех частях речи, несогласуемых и согласуемых, главенствует окончание -а/я: *очеса* (8, 34), *ложна* (14, 143), *истинна* (14, 143), *согласна* (14, 143), *Моя* (8, 57), *твоя* (8, 57), *вся* (8, 40 и под.). В Д. как в м1: *по дѣломъ* (15, 271), *писаніемъ* (14, 144 и под.). В.=И.:

за дѣла человѣческа (15, 245), *многа* (*въ мірѣ лѣта жити*) (8, 36), *многа* (16, 7), *елика и какова* (*сотвориша*) (14, 131), *и толика* (14, 131), *сіа* (14, 130), *вся сйя* (6, 9), *вся* (12, 4; 12, 6 и под.). В Т. как в м1: (*сь безсловесными*) *бѣшеніи* (6, 4). В Пр. старая норма устойчива только в твердой разновидности: *о тѣхъ дѣлѣхъ* (12, 6), *во устѣхъ* (15, 241 и под.), в мягкой разновидности старое окончание встречается реже: *страхованіихъ* (15, 242).

ср2. В И.=В. окончание совпадает со ср1: *очеса* (14, 136), *въ та времена* (14, 129 и под.). В Д. флексия совпадает с м1: *дѣтемъ* (6, 3 и под.). В Т. нет прежней флексии -ьми, но регулярно встречается -ы: *письмены* (16, 7), *скверными словесы* (6, 4), *тѣлесы* (15, 271).

ср3. Отметим постоянство окончания -ая/яя. В И.: *небесная* (12, 4), *земная* (12, 4), *всяческая* (12, 4), (*писанія*) *человѣческая* (14, 143), *преисподняя* (12, 4 и под.). В В.: *святая* (6, 6), *Божественная Писанія* (14, 140), *нелѣпая творяху* (15, 260), *окаменелая* (*сердца умягчати*) (15, 274), *многая* (*отъ Божественныхъ писаній написа*) (14, 139), *многая... Писаша* (15, 281), *Вся потребная* (8, 40), *иноческая* (6, 6), *еретическая* (*мудрствующе*) (14, 128), *вящшая* (8, 38), *тая же* (14, 134 и под.).

ж1. Мягкая разновидность хорошо сохраняет архаическую славянскую флексию -а/я: (*мнози* – в В.ж. берется словоформа И.м. *печали*) *душа имуща* (14, 138), *душа погубляюще* (14, 140), (*и многія*) *душа* (*погубиша*) (14, 131). Особо оговорим словоформу *слезы* в сочетании *Горкими слезы* (8, 58). Здесь по правилам церковно-славянской грамматики должно быть -ами, но в этом случае словоформа в комедии совпадала бы с распространяющимися тогда в сниженных стилях речи другими формами Т. мн. Чтобы не допустить этого, стилистические соображения перевесили формальные требования старшей нормы. Как видим, слово *слезы* можно назвать ключевым («прецедентным») для культуры всего периода XVII–XVIII вв. Его стилистическая обработка увенчалась двумя точками, поставленными над буквой *е* русскими немцами Ридигиром и Клаудием с ведома Карамзина в 1797 году.

ж2. В Д. хорошо сохраняется окончание -емъ: *рѣчемъ* (14, 139), *вещемъ* (14, 142; 14, 143 и под.). В Т. обычно исконное -ьми/ми: *мощми* (мощами) (14, 136), *прелестьми* (15, 272), *нарѣзаньми* (16, 7), *даньми* (18, 3), *плетьми* (8, 52 и под.). В Пр. обычно -ехъ, не через ять: *напастехъ* (15, 242), *въ скорбехъ нашихъ и великихъ печалехъ* (15, 242).

ж3. В И. обычно -ыя, частично так же и в В.: (*восхищающихъ на бракъ*) *мужатыя жены* (6, 4), но нередки и формы, совпадающие

со ср3: *показанная* (15, 243 и под.), (*растерзая... утробы,*) *напившаяся* (*яда Жидовскаго*) (14, 131).

Неродовые падежные словоформы

Объем текстов слишком мал, чтобы обязательными были косвеннопадежные позиции 1–2 л. мн., в которых встретились бы архаические варианты *ны, вы*, поэтому об их употреблении ничего сказать нельзя.

Первое лицо. Такие словоформы часто встречаются в аористе с правильным церковно-славянским окончанием: *обрѣтохомъ* (6, 2), *умыслихомъ* (8, 34), *раздѣлихомъ* (8, 34), *примѢсихомъ* (8, 34), *написахомъ* (8, 37 и под.), *познахомъ бо* (15, 263 и под.). Глагол *быти* в роли вспомогательного оформляется с отступлением от церковно-славянской нормы: *послали есмя* (12, 6).

Второе лицо. Эти формы хорошо сохраняются также в аористе: *случистеся* (8, 50), *видѣсте* (8, 59 и под.).

Третье лицо. Здесь вариантов больше. В аористе после основ на согласный -оша: *постригошася* (6, 5), *пріидоша* (14, 129), после основ прош.вр. на гласный -ша: *начаша* (8, 39), *быша* (14, 129), *научиша* (14, 130 и под.), *собрашась* (14, 134), *отдаша* (15, 248 и под.). Как видим в (14, 134), новейшая редукция -ся > -сь после гласной сопровождает старейшие формы, а значит, они сохраняют свою продуктивность не только в сугубо книжных стилях речи.

В имперфекте распространено правильное церковно-славянское окончание: *таяхуся* (14, 131), *имѣяху* (*дерзновение*) (14, 132), *не имѣяху* (16, 7), *видяху* (14, 137) *именовахуся* (18, 1 и под.). Очень важно, что образование имперфекта продолжается и от приставочных глаголов: (*звѣздозаконію бо*) *прилѣжаху* (14, 132), *прочитаху* (15, 256). Судя по последней словоформе, этого было вполне достаточно для выражения многократности – значения, которое впоследствии стало выражаться новыми чистовидовыми средствами вроде суффикса -ыва-.

Словоформа *суть* используется еще во всей ее грамматической определенности: *суть построяли* (16, 11 и под.). Заметим, что к нашему времени эта словоформа утратила свое значение 3-го лица мн. числа и совпала по своему грамматическому значению со словоформой *есть*. Морфологические отношения словоформ переросли в собственно лексические, создавая новую синонимическую глагольную пару *есть*: *суть* с известными стилистическими различиями. Это один из многочисленных примеров активного и благотворного воздействия старой церковно-славянской нормы

на новейшую русскую. Роль славяно-русского языка в этом воздействии еще предстоит выяснить.

Двойственное число

Отмечаем только те позиции рода/склонения и лица/спряжения, которые встретились в нашем очень небольшом по объему материале.

м1. В И.-В.-Зв. для слов *два, оба* и счетных форм существительных, зачастую совпадающих с Р. ед., окончание -а вполне привычно и распространяется на все стили. В Д.-Т. имеются следующие употребления: *къ сынома* (8, 35), *со двома сынома* (8, 35).

м3. В Д. встречается старый вариант *обѣма* (8, 52). Новые обобщенные для всей парадигмы основы *обоj-, двоj-* взяты из собирательных производных.

ж1. В И. и В. прекрасно сохраняется церковно-славянская форма с требующимися палатализациями заднеязычных: *обѣ руцѣ* (8, 51), *любезнѣ руцѣ* (8, 59), *руцѣ* (8, 36; 8, 37), *покажи руцѣ* (8, 51), *подъ твои нозѣ* (8, 41), *въ руцѣ* (14, 133). При исчислении непарных предметов, например, рек, в Р. ставится только числительное, определяемое существительное, оформляется уже по Р. мн.: *дву рѣкъ* (18, 3).

Третье лицо. Глагольные формы могут согласоваться в дв.числе по 3-му л. в аористе: *утвердиста* (16, 11).

Императив.

Очень хорошо представлены соответствующие формы от глаголов 5-го класса: *отдаждь* (8, 38), *даждь* (8, 39; 8, 46), *повѣждь* (8, 43), *Яждь во здравіе* (8, 50), *Но вѣждь обычай* (8, 51). Почти всегда сохраняется безударный суффикс -и: *буди* (8, 35), *не изыди* (8, 36), *не отстави* (15, 242 и под. на -и), соблюдается и 2-я палатализация: *облецыся* (8, 51). В церковно-славянской грамматике императив спрягается по лицам, особенно распространена, помимо 2-го, форма 1-го коллективного лица: *виномъ прохладимся* (8, 44), *сядите*! (8, 44), *напіймыся* себѣ (8, 44), *Емлимъ* (возьмем) *останки* (говорят слуги блудного сына) (8, 48). Не с этим ли связано нынешнее правило речевого этикета: *идем, пойдем*! правильно, *пошли* неправильно?

Инфинитив

Суффикс -ти почти всегда сохраняется, -щи часто в славянской огласовке: *проявити* (8, 34), *вершити* (8, 34), *глаголати* (8, 35 и под.), *держати* (12, 4 и под.), *не судити* (6, 3), *соблюдати* (6, 3), *пожещи* (14, 135), *рещи* (15, 245 и под.). Частица -ся то сохраняется в полном

виде: *обрѣзатися* (14, 130 и под.), то сокращается по-современному: *вступатись* (6, 3), *подвизатись* (14, 138). Последние две формы особо ценны для характеристики славяно-русского языка как такого, который объединяет черты новой русской речи (здесь это -сь после гласной) и старой церковно-славянской (-ти, а не -ть). Возникает закономерный вопрос: не является ли современное решение -ться таким же следом славяно-русского языка, но только в пользу частицы -ся? Одних фонетических соображений для объяснения сохранения всегда безударного –ся в этих случаях, после согласной, недостаточно, сравн. команды типа «*равняйсь*!».

Причастия и деепричастия

Краткие и полные причастия страдательного залога по своему образованию зависят от той или иной глагольной основы, поэтому здесь не рассматриваются. Это вопрос словообразования.

Славянское деепричастие есть функция краткого действительного причастия, согласуемого в И. по роду и числу. Русские формы на -я сов. вида (*придя, оставя*) уже не позволяют сделать такой вывод. В нашем материале их нет.

В ед. числе наст. времени уже имеет свою активность суффикс –я (и без наращения -й, как в богослужебных текстах), у глаголов 1-го кл. встречается суффикс -ы с расширением -й: *пріемля* (8, 37), *отмеща, и глаголя* (14, 137), *иже пишя... Глаголетъ* (15, 253), *Апостолъ Іуда. пишя, научаетъ* (15, 274 и под.), *объядася и упиваяся и свинскимъ житіемъ живый* (14, 136). Суффикс деепричастия может быть и более ярким и внушительным по звучанию за счет привлечения форм мн. числа на -юще, -яще, но уже без различения чисел: *прилѣжно умоляюще, благословеніе вамъ Господне подаваю* (15, 282), здесь возможно и смысловое согласование со множественным объектом («вам многим подаю»). В прошедшем времени происходит согласование по родам (м. -ъ и ж. -ши): *изшедъ* (15, 244), *обрѣтъ* (16, 10), *наченъ* (16, 7), *возлюбльши* (о церкви, ж.рода) (15, 272).

Во мн. числе наст. времени появляется закономерное славянское окончание -е: *глаголюще* (14, 130), *не смѣюще* (14, 131), *ожидающе* (15, 257 и под.). Трудность вызывает случай *еретики крыющась* (14, 146). Окончание -а восходит к старому носовому славянскому показателю мн. числа ж. рода. Этот вариант распространяется и на м. род, приобретая стилистическую значимость. Правда, конечная редукция частицы -ся до -сь заставляет учесть здесь и простые фонетические признаки южнорусского диссимилятивного яканья. Во мн. числе м. рода закономерное славянское -ше: *вземше* (8, 44),

(*Со мною*) *ядше*, (*вси ся веселите*) (8, 55), *возвергше* (15, 257 и под.). При этом глаголы 4-го класса образуют формы по-славянски: *подобльшеся* (16, 7 и под.).

Причастия настоящего времени в И. оформляются как -яй и -ый: *ненавидяй* (14, 129), *ядый* (8, 56), *живый* (и под.) (14, 129), *искій* (15, 264). Причастия прошедшего времени в И. м. рода не расширяются по модели основы косвенных падежей: *искавый* (8, 43), *поглотивый міра всего* (14, 129), *ненасытивыйся* (14, 129), *возненавидѣвый* (14, 129 и под.). Глаголы 4-го кл. также образуют причастия по славянскому типу: *преставльшагося* (6, 7), *преставльшуся* (14, 132 и под.).

Итак, практически все, даже малейшие, черты церковно-славянской морфологической нормы прекрасно представлены в «Вивлиофике». Это вовсе не значит, что церковно-славянская стихия в этом издании преобладает. Напротив, множество форм, оставленных нами без внимания (у нас другая задача), совпадает с привычной для читателя современной русской светской нормой, но без опоры на старшую церковно-славянскую норму древние тексты остались бы непонятными. Привлечение этой нормы при чтении в ее полном объеме обязательно.

2.2. Отдельные особенности лексики и словообразования

По **происхождению** большинство рассматриваемых слов исконные славянские. Среди имен собственных встречаются фонетически русифицированные (*Князь Володимерь* (6, 5)) или, наоборот, грецизированные (*Руссіи* (6, 1)) слова. В связи с позицией А.А. Шахматова, проблема славянизмов в русском языке рассматривается нами как классификационный признак происхождения, но не внешний, а внутренний, наподобие диалектизмов. Приведем примеры редких славянизмов, встречающихся в древних текстах и, таким образом, оживляющих интерес к ним при чтении «Вивлиофики». Генетические славянизмы, в славянском происхождении которых можно быть вполне уверенным, выделим жирным шрифтом: ***азъ*** (8, 36), ***азъ** сынъ твой* (8, 38), *Всякія злобы отъ васъ отрѣвайте* (отгоняйте) (8, 36), *выну* (всегда) (8, 36; 15, 264), ***вящшая*** (8, 38), *пристяжати* (прибавлять) (8, 38), ***Свѣщи** подъ спудомъ не лѣпо* (*стояти*) (8, 38), ***абіе*** (8, 39), ***Точію*** (только) (8, 40), ***выю*** (8, 41), *лобзаю* (8, 41), *зѣло мягки **длани*** (8, 51), ***горѣ*** (наверху) (8, 57), *озобавый **виноградъ** Христовъ* (обобравший сад Христов, о еретике Алексее) (14, 133), *щурове* (предки) (14, 136), *паче* (15, 242), ***десница*** (15, 245), ***юдоль*** (15, 248), *Обаче да речемъ* (16, 9). Все такие слова

включались в Словарь Академии Российской, который, в силу этого, и можно назвать первым источником по изучению лексики славяно-русского языка. Славянизмы без фонетических или словообразовательных признаков обязательно имеют русский синоним. Синонимические пары вроде *обаче: однако* подстраиваются к генетически обоснованному ряду вроде *глава: голова* и не представляют собой какой-то отдельной проблемы. Ограничение общеславянского или даже собственно русского лексического материала объемом понятия «славянизм» гораздо ме́ньшая ошибка, нежели признание таких слов русизмами, ибо тогда они произвольно изымаются из основы русского литературного языка и механически рассматриваются как заимствования в нее.

В поздний период бытования церковно-славянской нормы новой проблемой становятся полонизмы и украинизмы, заимствуемые, как и прежде русизмы, церковно-славянской основой русского литературного языка. Сразу оговоримся, что такие заимствования только обогащают его: *потомъ ся не хаютъ* (8, 39), *по сей умовѣ* (по такому соглашению) (8, 50), *якивъ ... свѣтъ истины...* (15, 263), *яки* (16, 9).

По **сфере** употребления легко выделяются группы слов, ограниченные политической, юридической, военной, производственной, культовой или иной областью. Доля славянизмов, за исключением церковной сферы, здесь резко сокращается, но возникают практические вопросы историко-правового толкования. Такой трудной для восприятия лексики довольно много в «Вивлиофике»: *смильное* (6, 3), *распущенія* (6, 3), *женені́е* (6, 3), *мужатыя* (6, 4), *тяжутся о задницы* (6, 4), *задница* (6, 7), *носящих наузы* (языческий оберег в виде узла для колдовства) (6, 4), *задушніи человѣцы* (6, 6), *церковніи мѣстьницы* (6, 6), *прощеницы* (6, 6), *прикладницы* (6, 6), (*весы и спуды* (6, 7), (*судъ*) *и присудъ и пересудъ* (6, 7), *ставила* (6, 8), *десятая векша* (6, 8), *оть вЬры* (виры) (6, 8), *поминки* (вид грамоты) (12, 5), *въ нашу отчину* (12, 5), *раскольницы* (15, 260). Многое из перечисленного было знакомо читателям либо по собственным семейными преданиям и старинным документам их родов, либо по новейшим трудам историков, начиная от В.Н. Татищева.

Когда предметом исследования становится круг текстов, расширяющий известную языковую компетенцию, целесообразно рассматривать движение такого расширения от достоверно или предположительно известного к малоизвестному и неизвестному.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос **вариантов** слов.

В области местоименной лексики.

По самому своему существу местоименная лексика не может быть очень разнообразной в смысле образующих ее основ. Круг местоименных основ прост, односложен и ограничен, но он дает богатое разнообразие производных словоформ. Приведем те из них, которые уже редко употреблялись в обыденной речи конца XVIII века и заменялись какими-либо более новыми, но обязательно родственными, формами, имеющими те же исходные основы, а потому без труда понимаемые, а также генетически связанные с ними частицы, союзы и полнознаменательные слова. От основы *se-: *А се* (6, 3), *здѣ* (8, 34), *здѣ же* (14, 147), *сице* (16, 8). От основы *to-: *той* (в знач. ‘он’) (6, 6; 14, 129; 16, 11), *по томъ* (после этого, потом, многократно) (14, 130), *тѣмъ же* (15, 242), *тоюжде* (15, 277), *толико же* (14, 129), *отъ толѣ* (15, 252), *тако* (14, 129), *такожде* (6, 5; 15, 248), *Тако бо* (8, 34). От основы: *ko- *колицѣми* (16, 8), *николиже* (6, 1), *которанье* (6, 7), *на кождо языки* (16, 9), *комуждо* (8, 43), *кая бо ... есть пользя* (15, 278), *како* (6, 3; 16, 7), *никако же* (6, 3), *кую* (какую) (8, 51), *во ничто вмѣняютъ* (15, 279), *ничесо* (8, 42). От основы *ino- *индѣ* (14, 136).

В области именной лексики.

В качестве примеров морфологических вариантов покажем славянизмы *лжа* (8, 36) ж. рода ж1 (не ж2) и *чернило* ед.числа (*а мишени писаны на шлемѣхъ черниломъ*) (14, 135). Такие варианты, как и другие общерусские архаизмы, попадают в готовый и очень мощный осно́вный разряд лексики. К морфологическим вариантам примыкают наречные сочетания, исподволь переходящие в полноценные наречия: *на полы* (6, 7), *днесь* (8, 44; 8, 45), *во истинну* (15, 272). В эпоху формульной речи такие сочетания не очень отличались от других формул, но уже в XVIII веке должны осмысляться как архаические наречия. В течение XVIII–XIX веков они заменились на однокоренные варианты сходных синонимичных формул: *пополам, сегодня, воистину*. Они лучше вписываются в актуальную предложно-падежную и местоименную систему. Готовый образец *глава : голова* и здесь играет свою роль, сравн. *днесь : сегодня*.

Наиболее просты для изучения, а потому наиболее убедительны при решении вопроса о славянизмах фонетические варианты. Приведем их сначала для именной лексики и ближайших производных. ЖД/Ж: *слаждшее* (15, 241; 15, 254), *преждними* (15, 277, сравн. также

словоформу *вижду* в глагольной лексике). Щ/Ч: *тощно* (точно) (8, 40). С/Ш: *съ единомысленники* (15, 249). РЕ/ЕРЕ, ЛА/ОЛО: *сребра и злата* (8, 35), *главня* (*Содомскаго огня*) (14, 135). Е(Ю)/О(У) *юресь* (ересь) (14, 140, написание такое! Мы объясняем его объединением в сознании фонетического признака славянизма – йотовой протезы в начале слова перед гласным ненижнего подъема.). Е/ноль звука на месте редуцированного: *съ черноцами* (15, 261), *лестцовъ* (15, 278). Такие закономерные изменения редуцированных противоречат славянскому характеру суффикса с 3-ей палатализацией, а потому уступают место искусственному сохранению слабых суффиксальных редуцированных. Складывается ситуация, как в случае с парами *шелом : шлем, веремя : время*. Ее можно объяснить только активизацией воздействия на русский литературный язык в его узком светском понимании славяно-русского языка. Ф/Т *трески* (фрески) *сь церкви* (6, 4), *скифетръ* (12, 4). Передачу грецизма через Т следует объяснять отсутствием фонемы /ф/ в русском языке. Как мы знаем, иноязычная лексика такого рода распределилась на новую и светскую с Т и церковную и традиционную с Ф.

Среди приставочных вариантов именной лексики и производной от нее выделим только отдельные случаи. Бесприставочный вариант заменяется приставочным: *рядъ* (установленный порядок) (6, 9), *купно* (совокупно) (15, 248), *и всѣмъ обще* (совр. *всем вообще*) (15, 275). Приставочный вариант заменяется бесприставочным: *супротивнику* (противнику) (12, 5). Приставка закрепляется в славянском произношении, хотя произносилась по-новому: *стайникъ* (сотаинник) (14, 131). Приставочное образование заменяется сочетанием: *вседушно* (всей душой) (8, 38), *вселукавый* (о дьяволе) (14, 129), *предрагій* (очень дорогой; все- и пре- показывают степень качества) (8, 35), *ущедряетъ* (щедро наделяет) (15, 242). Заменяется и приставка, и связанная с ней оценка: *троспѣшникъ* (сравн. иронизм *приспешник*) (14, 129).

Суффиксальные варианты – проблема очень сложная, так как затрагивает самые основы словообразования и его связь с морфологией. Отчасти эта большая проблема решена Казанской лингвистической школой (слова на –ство: -ствие и др.). Отдельные примеры именной лексики приводим из наших материалов: *дѣтищь* (В., сравн. *дитя*) (6, 5), *Велію пользу* (сравн. *великую*) (8, 34), *во всяцѣй потребѣ* (сравн. *потребности*) (8, 35). Суффиксальные отыменные производные могут давать фонетические варианты, затрудняющие чтение в конце XVIII в.: *волѣли* (сравн. *велели*, см. также о глаголе *волити* в разделе о глагольной лексике) (12, 6), а могут давать такие лексемы, которые воспринимаются и понимаются очень легко,

поскольку образованы по регулярным моделям: *пастырствовати* (12, 4), *ропотницы* (15, 274).

В области глагольной лексики.

Морфологические варианты глагольной лексики неразличимо связаны со словообразовательными вариантами, особенно если иметь в виду разные теории видообразования, поэтому здесь условно покажем два примера на –ся: *вступатись ... во власти* (епископов, входить в их дела) (6, 3), *мнози сграждахуся сердцы* (многие ограждали себя сердцами) (14, 138). В первом случае возвратность появляется и даже оформляется по-новому, но не сохраняется, в младшую литературную норму проникают конфиксальные модели на –ся с другим лексическим наполнением, сравн. совр. *вмешиваться, ввязываться, вторгаться, внедряться, вперяться, ввергаться*, но обычно от славянских производящих основ, что еще раз показывает живое и активное воздействие славяно-русского языка на будущую судьбу русского литературного языка. Во втором случае победило не собственно возвратное (‘ограждать себя’), а другое, взаимно-возвратное значение конфиксальной модели, сравн. *сойтись, сговориться, сработаться*.

Поскольку морфонологические чередования при образовании и формоизменении глагольной лексики представлены более богато, чем для именной лексики, проблема славяно-русских чередований (по Бодуэну де Куртенэ) представлена здесь лучше, что порождает очень важные и пока еще недостаточно изученные фонетические варианты. ЖД/Ж: *согражаюіть* (славянизм, но без *жд*) (6, 8), *утвержена* (6, 8), *стужаетъ* (стыдится) (8, 34), *вижду* (славянское *жд* здесь объясняется как литературнографизм – такой искусственный славянизм, который создается дли стилистических целей, в комедии, написанной не ранее XVII в., гиперкорректным образом выдерживается славянская норма и не учитывается тот факт, что даже в богослужебных книгах в форме 1 л. ед. числа глаголов сохраняется древнейший русизм.) (8, 40), *осужати* (14, 139; 14, 146), *осуженъ* (14, 147). J/Н: *наяти* (нанять) (8, 47). Щ/Ч: *умомъ обогачуся* (в устах младшего сына русизм!) (8, 39), *тя обогащаю* (произносит отец!) (8, 40). РА/ОРО: *брася* (боролся, сражался) (15, 248). А/О: *покояніе* (покаяние, возможная новая связь с *покой*) (14, 146), *благодареніе вазсылающимъ* (воссылающим, опечатка, показывающая аканье наборщика) (15, 273), *провославную* (оканье?) (18, 1). Появление фонетических или, скорее, орфографических вариантов последнего типа нельзя назвать славяно-русскими чередованиями. Это собственно графические случаи, которые в печатном варианте Н.И. Новикова

расцениваются как простые опечатки. Хочется все-таки подчеркнуть, что при всем пионерском характере предприятия Н.И. Новикова, чередование Ж/ЖД передается исторически достоверно. Надо отдать должное издателям: как бы им ни хотелось заменить русское Ж на привычное и устоявшееся к концу XVIII века славянское ЖД, они добросовестно передавали эту особенность русской редации церковнославянского языка, предпочитающую Ж, а в известных морфонологических позициях – не допускающую ЖД вплоть до середины XVII века.

Естественно, что и приставочные варианты представлены в глагольной лексике также более богато.

Варьирование одной и той же приставки. ПРЕ/ПЕРЕ: *преставить* (переставит) (6, 5), *безъ премѣнъ* (перемен) (8, 34), *преплаваютъ* (переплывают, здесь и фонетическое варьирование а/ы) (8, 39). В/ВОЗ: *всіа* (воссияло) (14, 138). О/ОБО *Аще церковь окрадутъ* (решатся обокрасть, с затруднением в личной форме *об(о)крадут) (6, 4).

Варьирование типа «без приставки/с приставкой»: *творяшесь* (притворялся) (14, 134), *лоно вредитъ* (повредит живот) (6, 4), *волитъ* (*дати*, есть изволит, благоизволит дать) (8, 37).

Обратное варьирование типа «с приставкой/без приставки»: *изобидитъ* (6, 9), *преобидитъ* (6, 9), оттенки в позднейших формах литературного языка невыразимы: осталось одно *обидит*.

Словообразовательная активность приставочных образований: *отпуста молиши* (просишь разрешения отпустить) (8, 40). Этот случай, пожалуй, уместнее будет рассматривать в следующей рубрике.

Суффиксальные варианты. Исчисление суффиксальных вариантов глагольной лексики по разнообразным текстам по-разному производится и по-разному объясняется исследователями в отношении категории вида. Здесь материал для XVIII века даже не собран. В наших текстах нашлись следующие варианты без перехода в другую часть речи: ОВ/ЫВ в инфинитиве: *испытовати* (испытывать) (14, 146). С тем же суффиксом, формально соответствующим ЫВ – У/ЫВ в основе наст. вр.: *въ пользу прочитующимъ* (буквально «прочитывающим») (14, 139), но по значению эквивалента нет, так как здесь причастие буд. вр., ‘тем, кто будет читать’). И/А (с необходимым чередованием согл.): *примѣсихомъ* (мы примешали) (8, 34). Новая форма не развивает ожидаемого значения несов. вида, поскольку есть и форма *мешать*, правда, не соответствующая строгой литературной норме (следует говорить *месить–перемесить*

=*перемешать*/*перемешивать*, связанная основа -*мешать* в просторечии становится свободной).

С переходом в другую часть речи: *уборно сѣдлайте* (убирайте и седлайте) (8, 40), другого наречного эквивалента нет. СТВО/СТВИЕ от *дѣяти*: *дѣйствомъ* (в театральном действии) (8, 34).

В церковно-славянской норме лучше, чем в младшей русской норме представлены **сложные слова**. Они производятся на основе определительных сочетаний существительного с прилагательным: *многочеловѣчестемъ* (многолюдном) (14, 131), *единокупельныя братіи* (15, 270), глагола с наречием, в нашем материале особенно *зло*: *кривосказующи* (искажая, превратно истолковывая) (14, 137), *сильнонаходнымъ* (12, 5), *нововыставочные монастыри* (18, 3), *злохуленіе* (15, 254), *злолукавнѣ* (15, 271), *зловѣрія* (15, 272), *Царей нашихъ злоукорителемъ* (15, 276); глагольно-объектных сочетаний: *душепагубныя* (15, 253), *Богодосадительная ихъ письма* (15, 278); совместного использования того и другого: *скверноплевелосѣятелей* (14, 138).

По **значению** выделяется большая группа слов, хорошо известных во всех стилях речи, но с особыми церковно-славянскими и древнерусскими значениями: *въ лѣто* (год) (6, 2), *и отъ всякого живота* (человека с его хозяйством) *на всякое лѣто десятая* (6, 2), (*Завѣщаю и заклинаю..., еже соблюдати сія*) *неподвижно* (неизменно) (6, 3), *въ недѣлю* (воскресенье) (6, 4), (*повелѣннымь постомь*) ругающихся (презирающих, пренебрегающих) (6, 4), *Или дѣвица дитя повержетъ* (бросит) (6, 5), *свержетъ* (сорвет, об иноческих одеждах) (6, 6), *животъ* (жизнь) (8, 35; 12, 4; 15, 248), *мудрость стяжите* (достигните) (8, 36), *любо* (с любовью) (8, 37), *тещи* (идти) (8, 38), *храни опасно* (бережно, о части, которую выделяет отец младшему сыну) (8, 40), *во знамя Богу* (в символическое знаменование) (15, 250; 15, 251), *прилѣжно умоляюще* (настойчиво) (15, 282). Есть, конечно же, и обычные славянские синонимы русских слов: *глаголеть бо* (6, 7), *глаголати* (8, 35 и под.).

Разумеется, некоторые пары вариантов и синонимов могли сложиться и после XVIII века, но это только подтверждает великую творческую силу славяно-русского языка, без внимательного изучения которой невозможно понять ни реальное содержание движения русского литературного языка от Ломоносова до Пушкина, ни судьбы нашего языка после Пушкина.

Среди разнообразных переносов выделим образные, которые можно было бы принять за метафору, если бы не реальный духовный мир автора, пишущего, скажем, такие слова: *Аріановый злѣйшій*

сатанинъ провѣнецъ (несущий корону сатаны?), *Зосима прескверный* (14, 135). Сила обличения ереси жидовствующих не в уподоблении или хотя бы аллегорическом сравнении Зосимы с приспешником Ария, а в точном и прямом именовании его в таком качестве. Много аллегорических образных переносов: (*Мудрость*) (8, 37), *погрязоша во глубинѣ отступленія* (14, 132), *изстаявшій змій тмоглавный огню геенскому пища* (14, 135).

Риторическая необходимость перифраз способствует резкому оживлению разных словообразовательных моделей, что хорошо видно в текстах «Вивлиофики»: *нужу творящихъ* (принуждающих к браку) (6, 4), *Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити* (8, 34), *во вся вѣки* (8, 35), *есть требѣ* (8, 35), *Съ честными людьми дружество держите* (8, 36), *по вся дни* (8, 36), *хощу... всю мою радость о тебѣ имѣти* (8, 36), *Во ничто злато, сребро вмѣняю* (8, 36), *Благодарствіе убо возсылаю* (8, 37), *мудрость словесъ ти любезно пріяхомъ* (8, 37), *Имѣй о себѣ самъ попеченіе* (8, 41), *се ти челомъ бію* (8, 41), *пріемлю путетвореніе* (8, 41), *Гладъ стражду велій* (8, 49), *Яко въ стрѣтеніе случистеся наше*? (8, 50), *подщанія положиша о Жидовской вѣрѣ* (14, 129), *звѣздозаконію бо прилѣжаху* (14, 132), *еще не вѣдяше извѣстно* (фигура этимологика) (14, 134), *врагомъ побѣжденіе обрѣтохомъ* (15, 243), *воздая Господу Богу благодареніе* (15, 244), *предаде проклятію* (15, 250), *Извольте убо милость си явити* (8, 34 и под.).

Перифразы становятся основой периодов, в которых лексика выстраивается в стройные градационные ряды: *Отлетѣша бо отъ насъ яко щурове добропѣсливіи, яко славіи великогласніи, яко ластовицы сладкоглаголивіи, Божественніи Святителіе, иже посреди сада церковнаго оглашающе уши слышащихъ православія ученіемъ; отлетѣша яко орли крылатіи, иже ногти своими истерзающе очеса не зрящихъ правосмотреніе Христово; отлетѣша къ Христу, идѣже крылы покрывающихъ вѣрныхъ множество, и оставльше насъ сиры. Скверный же и злобѣсный волкъ...* (следует вторая часть периода, обличающая еретиков) (14, 136). Начало другого периода: *мнози сграждахуся сердцы, и мнози скорби и печали душа имуща исполнены, и не могущи терпѣти пагубныя и богохульныя боря, съ слезами горькими Бога моляху, да упразднитъ...* (14, 138).

Остаются и исходные древнерусские формулы разного происхождения, которые в конце XVIII века уже воспринимались как архаизмы, но более свежо и достоверно, на фоне культуры языка церковных книг, философских, нравоучительных сочинений, переизданий духовной литературы, героических поэм, трагедий, романов и под. оригинальных и переводных сочинений. Приведем

некоторые примеры таких формул: *азъ грѣшный* (но в деловой формуле светского содержания *се язъ*) (6, 5), *отъ начала вѣкъ* (6, 8), *по дѣломъ* (15, 271), *хранити, яко зѣницу ока* (15, 273), *вязати и рѣшити* (15, 277 и под.). Эти формулы являются колыбелью значений слов, входящих в них, началом русского литературного языка [10], а потому без них невозможно понять позднейшие семантические сдвиги в отдельных словах.

Перечислим некоторые **словообразовательные модели**, которые более характерны для церковно-славянской нормы и древнерусских памятников письменности.

Модели притяжательных прилагательных. *-j-: *Святославль* (6, 1), *Княжя* (*суда*) (6, 8), *лесчимъ* (от льстецъ) (14, 145), *Авраамле* (15, 245), *Фараоне* (15, 245 и под.). Тот же, но удвоенный суффикс *-ii- > *-ьj- > -иj-: *отчія воли* (8, 37), *козлогласуя скверный* (еретик Денис) *гласы звѣрскими и скотіи и всякихъ птицъ и гадовъ* (14, 135 и под.). –(е)ск-: *звѣрскими* (14, 135), *жду отческа слова* (8, 39). –ов/ев-: *діаволовъ сусудъ* (14, 129), *стайникъ діаволовъ, адовъ песъ, ученикъ Алексѣевъ* (14, 133), *Самуилова* (15, 246 и под,). Имеется и комбинация этих суффиксов: *Игорьевъ* (6, 1).

Модели собирательных имен. С суффиксом из -ьj-: *молятся дубѣю, каменѣю* (6, 5), *каменіе* (15, 247); этот суффикс в первоначальном своем значении обозначал отношение к тому, что названо производящей основой, чаще притяжательное значение, значение общего множества – это уже следующий шаг мысли, за которым уже непосредлственно следует значение расчлененного множества уже за пределами текстов, опубликованных в «Вивлиофике» (*каменья* и под. мн.числа). На –ая по греческому образцу ср.рода мн.числа: *священная* (6, 5 и под.).

Более развитая модель наименования детенышей животных на –ат/ят- ср.рода: *овчата* (14, 128).

Очень продуктивная модель наречий на -ѣ: *добрѣ* (8, 35), *сладцѣ* (8, 46), *лютѣ* (8, 53), *премудрѣ* (8, 57), *удобнѣ* (8, 59), *сладцѣ* (8, 42). Судя по 2-й палатализации, это исконная форма Местного (=Пр.) падежа. Форма с правильной орфографией именного окончания ср.рода ясно показывает суффикс сравн.степени *-j-: *древле* (15, 244). Контаминированная форма *достойне* (6, 9) – не простая «орфографическая ошибка». Видим стремление показать значение ‘более достойно, очень достойно (элятив)’, а не просто ‘достойно’.

Модель на -ство/-ствие конкурирует и с простой моделью на -ие: *Благодарствіе* (8, 36), *величеству* (величию, о Боге) (12, 4). Этот факт

необходимо учитывать, так как он лучше объясняет происхождение варианта на –ствие, без сомнения, церковно-славянского.

В глагольном словообразовании очень важно отметить особую продуктивность 3-го класса. Эта церковно-славянская продуктивность, между прочим, создает известную орфографическую трудность: *дышетъ, зиждетъ, боретъся* и нек. др. Только в первом случае победила просторечная форма, вероятно за счет перехода в новую модель с сохранением суффикса -а- в наст.вр. у производных глаголов типа *отдыхать*. Формы спряжения по 3 кл. без -а-: *тяжутся* (6, 4), *взуйте* (обуйте) (8, 55), *емлющихъ* (6, 4). Оставляем в стороне поиск соответствующих инфинитивов, наш объект – это словоформы. Формы спряжения по 3 кл. с -а-: *содѣвающихъ что неподобно* (6, 4), *владающаго* (12, 4), *устрояющаго* (12, 4 и под.). Без подобных *церковно-славянских* (русско-славянских) форм невозможно объяснить развитие *русской* категории глагольного вида. Наше литературное старательное произношение -ова- как -ыва- (сравн. *показую – показовати – показывати – показываю*, то же в *испытую*, отчасти *исповедую* и др. глаголах) и переход на новую модель 3-го кл. – это воздействие старшей церковно-славянской нормы на младшую русскую, вернее, такой творческий ответ русской нормы на воздействие нормы церковно-славянской в составе славяно-русского языка.

В конце XVIII в., как видим, наступает благотворный период возрождения внутренней формы слова и всего русского языка. Можно сказать и короче: славяно-русский язык – это расширение литературной формы языка в направлении его собственной внутренней формы.

2.3. Некоторые характерные черты синтаксиса

Обзор синтаксиса целесообразно начать с относительного местоимения ***иже***, резко противопоставляющего церковно-славянскую и русскую нормы. «Вивлиофика» показывает практически все возможные его формы, в косвеннопадежных формах (кроме В. и иногда Р.) частицу *же* предпочитают печатать с пробелом (традиция, к которой восходят и советские послевоенные издания древних рукописей): *иже* (8, 35; 15, 242; 18, 1), *ихъ же* (8, 35), *имъ же* (8, 35), *юже* (8, 37), *ею же* (8, 38), *юже* (8, 39), *егожъ* (14, 130), *ея же* (14, 136), *яже* (В.мн.) (15, 247 и под.). Это местоимение активно употребляется в значении артикля: *яже... Болѣзнь* (6, 1). Артикль часто присоединяет приложение или несогласованное определение: *скверное бо его сердце, иже седьми лукавыхъ духовъ жилище* (14, 133),

шлемы, иже на главахъ ихъ (14, 135). Известен он и в субстантивной функции при относительном указании на лица: *и иже по нась* (6, 3).

Выражая относительное подчинение, местоимение *иже* не требует соотносительного *той* в главной части, это послужило залогом быстрейшего избавления от такого опорного слова в главном и при переходе в русской норме уже в готовых синтаксических конструкциях на лексему *который* из неопределенных местоимений. В нашем материале: *иже суть въ клиросѣхъ* (6, 6), *отъ нихъ же есть Ивашко Черный* (14, 131), *иже ногти своими рестерзая тѣхъ свкерныя утробы* (14, 131), *иже въ тайнѣ держаще ереси многія* (14, 137), *въ той день, въ онь же...* (15, 262 и под.). Есть случаи согласования по смыслу: *Аще иноцы оставляютъ свой монастырь, въ нихъ же постригошася.* (6, 5).

В форме ср.рода *еже* это местоимение тяготеет к выражению изъяснительных и обстоятельственных значений, и предлоги тогда уже не управляют падежом, а используются скорее в виде приставок, однако и они у Н.И. Новикова печатаются раздельно: *еже* (15, 247), *еже сказуетъ* (16, 7), *за еже* (15, 243), *во еже бы* (15, 246), *за еже* (за что) (15, 252), *за еже* (поскольку) (15, 264).

Древнерусский текст (или его разделы) часто начинался с дейктической частицы ***се***. В заголовках это составляет расхожую формулу: *А се о десятинахъ* (заголовок раздела) (6, 8), *а се суть имена ихъ*: (следует перечисление) (14, 130), *Се же суть...* (16, 8). Эта же частица переключает референцию с одного ряда предметов на другой: *се птицы летаютъ* (8, 38).

Древнейшим способом соединения слов в предложении была простая конгруэнция, а затем согласование по категориям. Местоимение *онъ-его* согласуется с определяемым: *увѣря имъ прелестникомъ* (тем прелестником) (15, 269). Это инновация русской (не церковно-славянской) нормы XVII века и распространяется в деловой письменности, она известна как новая конструкция *Онъ Иван – его Ивана* с атрибутивной функцией местоимения. Как видим, она проникает и в церковно-славянский текст. Согласовательная сила видна в случае *яко же звѣріе дивіе* (14, 140). Здесь происходит конгруэнция определения с определяемым, иначе бы было окончание -іи по мн. числу, либо -ое по ср. роду ед. числа.

Подлежащее со сказуемым согласуется в И., отсюда конструкция «Дв. И.»: *Се уже крѣпокъ рабъ ми сотворися* (8, 51), *Нѣсть бо достоинъ сынъ твой нарещися, И даждь ми, Боже! Къ отцу довлещися* (8, 53), *Моя твоя суть* (8, 57), *являющеся святіи и кротціи, праведни, воздержници* (14, 131), *Зосима же творяшесь Христіанская*

мудрствуя (14, 134), *не бывайте младенцы* (15, 280), *Сія же суть подобна Греческимъ письменамъ* (16, 8). По И. согласуется и аппозитивное потебнианово причастие, соединяясь словом *и* с личной формой: *крестивъ... и показа* (6, 2), *расмотривше..., и обрѣтохомъ* (6, 2 и под.). Эту древнюю черту языка читатели «Вивлиофики» также могли заметить, расширяя свое знакомство с церковно-славянской грамматикой.

Употребление косвенных **падежей** также широко представлено по церковно-славянской норме. Р. без предлога: *Прелюбы творцевъ далѣче бѣжите* (о форме на -ы см. выше) (8, 36), *нѣсмь азъ достоинъ тоя благодати* (8, 37). Р. риторического восклицания: *О злыя и зѣло человѣкомъ губительныя бѣсовскія прелести! О Богомерзскаго проклятыхъ церкве Святыя отступниковъ прелестнаго дѣянія!* (15, 268), *О злыя прелести!* (15, 270). *Отъ* с Р. в сравнительной конструкции: *Юньшихъ отъ мене отцы посылаютъ* (8, 39). *Развѣ* с Р.: *развѣ истинныя вѣры* (кроме) (6, 9). Р. с послелогом *ради*: *того ради* (14, 140).

Широко распространен Д. принадлежности: *сосудъ злобѣ* (14, 135), *воскресеніе мертвымъ* (14, 137), *не потребно человѣкомъ* (14, 137), *врагомъ побѣжденіе обрѣтохомъ* (15, 243), *Буду во притчю азъ всѣмъ человѣкомъ, наипаче младымъ вовся вѣки вѣкомъ* (по дониконовской традиции) (8, 59), *рабъ ти* (8, 36), *начальникъ и учитель еретикомъ* (14, 134), *Митрополита Кіеву* (6, 1). Очень разнообразен оборот «Д. сам.»: *И ты мнѣ отче! Изволь волю дати, Разумну сущу весь міръ посѣщати* (8, 38), *Но дастъ Богъ будетъ все по мысли нашей, Вземшу искусъ благъ мнѣ о службѣ вашей* (8, 45), *Горе мнѣ бѣдну! Горе окаянну! Сущу безкровну, безпомощну, странну*! (8, 49), *Гладну ми сущу хлѣбъ зѣло не драгій* (8, 49), *То ми сотворшу, отецъ мой преблагій, Не устыдися, яко пріидохъ нагій*. (8, 58), (14, 132), *маложъ времени минувшу* (14, 133), *Намъ же... Въ ту нашу ризницу ... Пришедшимъ, и ону Святаго Апостола Андреа руку ... Обрѣтше, ... Усмотрихомъ у тоя его Святыя руки треперстное сложеніе*. (15, 263), *свидѣтельствующу о семъ вѣрному свидѣтелю, Святому Іакову Апостолу* (15, 281), *яко же вводиму дѣтищу учитися* (16, 7), *Но яко первому сущу письмени азу, отъ Бога дарованну роду Славенску... она письмена*... (16, 8 и под.). Встречается оборот «Д. с инф.»: (Ап. Андрей) *благоволилъ въ Россію руцѣ того правѣй принесеннѣй быти* (15, 262), *Богъ повелѣ книгамъ быти* (16, 9). Предлоги при Д. вполне обычны, вот одно из более редких для русской нормы употребление: *По немъ* (за ним) (6, 2). Это значение развилось в русской норме в широкое значение основания

и превратилось даже в назойливый канцелярит. Но источник его – церковно-славянский.

В. без предлога и с разными предлогами показывает полное отсутствие распространения категории одушевленности на мн.число: *приложить или сестры, или дѣти* (6, 4), *Турскіе кони уборно сѣдлайте* (8, 40), *пришли на проѣздѣ на наши люди* (без одуш.) (12, 6), *нетокмо же сами, но и жены своя и дѣти научиша...* (14, 130), *проклинати еретики* (14, 134), *на злодѣйственные еретики* (14, 131), *сокруши враги* (15, 246 и под.). Покажем необычное управление Винительным беспредложным: *елици тая же мудрствуютъ* (14, 134), *и Христіанская мудрствующе* (14, 129), *баснословіе нѣкое и звѣздозаконіе учаху* (14, 137), *душевное потопленіе постраждутъ* (15, 272). Эти примеры показывают быстрейшее развитие переходности в церковно-славянской норме. Прекрасно представлена свободная позиция возвратного местоимения *ся* в В.: *ся возвратити* (8, 38), *милости вашей самъ ся поручаю* (8, 41), *за то ся кланяемъ* (8, 44), *Мальцы! Что у васъ добраго ся дѣетъ*? (8, 52), *Со мною ядше, вси ся веселите* (8, 55), *устреми бо ся* (14, 131). Иногда форма В. славянизируется: *дахъ... Десятая* (6, 2), здесь выбран В. мн. ср., а не **десятую (часть)*. Широко представлен оборот «Дв. В.»: *Егда твоихъ благъ общники твориши* (8, 37), *Вся веземше, едва мя жива оставиша* (8, 48), *Нага отъ Бога пріяхъ того сына* (8, 54), *еще тогда Попа суща на Михайловской улицѣ* (14, 129), *и мнози скорби и печали душа имуща исполнены* (правильнее *многи* – Р. е.) (14, 138), *вещь живу узритъ милость ваша* (8, 34). Нередок оборот «В. с инф.»: *И тайны вся Святыя церковныя, насъ освящающія, не тайны быти вмѣняху* (15, 255 и под.). В случае отрицания В. заменяется на Р.: *глаголюще Господу нашему Іисусу Христу не имѣти дву воль* (15, 251). Среди предложных имеются славянские управления *надъ* с В.: *Пріяхъ любезно, надъ мою надежду, Въ древнюю мене облече одежду*. (8, 58), *надъ всяку цЂну* (выше всякой цены) (8, 58), *по* с В.: *по что*...? (16, 8).

Т. вызывает затруднения скорее в форме, нежели в употреблении, сравн.: *съ тремя сты* (с тремястами) (15, 245).

Пр. показывает церковно-славянский перенос из пространственной сферы в ментальную и истоки конструкции *о* с Пр.: *подвизатись о томъ* (14, 138), *вся страшася о нихъ* (еретиках) (14, 147), *много трудъ о Господѣ* (6, 2), *и теченіе о Христѣ скончавъ, и усну блаженнымъ сномъ въ вѣчныі покоі о Господѣ*. (6, 2).

При именном сказуемом развита разнообразная обязательно выраженная связка: *свята есть* (6, 8), *иже* (которые, о городах и селах) *суть ми вручена* (связка) (8, 35). Часто именная часть

выражена причастием, вплоть до грамматикализации в виде перифрастических времен: *ниединаго имуща невѣрна, или еретическая мудрствующе* (14, 128), *знаемъ сый тогда сущему Князю* (14, 129), *егожъ отецъ бяше въ Новъгородѣ велику власть имѣя* (14, 130), *одержимъ бѣ болѣзнію лютою* (14, 133), *пребуди твоя творяй* (15, 281 и под.). Но и в церковно-славянской норме, как риторическая фигура, возможен эллипсис связки: *и вси единомудрствующе, и вси славяще Святую Троицу* (14, 129). Разумеется, это показывает пример и русской норме.

Личноглагольные сказуемые выстраиваются сообразно значениям времен: *Самъ рожци ялъ есть, и свиній разгнаше, Азъ не вѣмъ стадо се, гдѣ поутекаше*. (пример согласования времен в условиях многократности) (8, 52), *Иже погиблъ бѣ, обрѣтеся нынѣ* (8, 55).

Употребление инфинитива часто сопровождается артиклем: *Завѣщаю и заклинаю..., еже соблюдати сія неподвижно*. (6, 3 и под.).

Преобладает одиночное отрицание: *никтоже никому же поможеть* (6, 9), *еретика же, или злочестива нигдѣ же никто видѣлъ* (14, 129), *Тѣмъ же никто же къ тому... никакоже кто да усумнится* (15, 263), *никогда же васъ хощетъ оставити* (15, 272).

Различные случаи паратактического **подчинения** прекрасно представлены в опубликованном древнерусском материале. Формальным показателем такого «подчинения» является парный союз *и,* который позднейшая грамматика считает сочинительным, или энклитика в функции союза: *Егда крестихся... и яже бяше болѣзнь люта на очехъ моихъ, въ тоі часъ отпаде, и быхъ здравъ, яко николиже болѣхъ* (6, 1), *сей убо* (14, 129), *Двинскіе убо жителіе* (18, 1), *еже и по всей земли Руской* (6, 2), *глаголеть бо* (6, 7).

Но именно церковно-славянская грамматика развивает богатый арсенал зрелых подчинительных союзов: *Аще* (если, многократно) (6, 3), *идѣже* (6, 9), *Аки* (как, изъясн.) (8, 34), *коль* (8, 40), *Ниже* (и даже не) (8, 49), *поне* (хотя бы) (8, 53; 8, 55), *дабы* (8, 59), *поне* (чтобы) (14, 135), *аще бы* (14, 136), *еда не* (будто бы, изъясн. союз) (14, 141), *дондеже* (14, 147), *яко* (изъясн. союз) (15, 241), *егда* (8, 38; 15, 242), *внегда* (15, 250), *воеже* (что, изъяснит.) (15, 266), *зане* (потому что) (15, 275), *донели же..., не подобаетъ* (15, 275), *развѣ егда* (только если) (15, 276), *зане* (потому что) (15, 281), *понеже* (15, 281; 18,1 и под.). Эти союзы отрабатываются в известных конструкциях, в которых потом заменяются на русские лексемы: *аще – если, понеже – потому что, егда – когда, дабы – чтобы* и под. Происходит своеобразное внутреннее калькирование в условиях

двойной нормы славяно-русского языка – процесс, еще недостаточно осмысленный в русистике.

Относительная связь прекрасно показывает древнерусские паратактические черты: *Не тако слово въ памяти держится, якоже аще что дѣломъ явится*. (8, 34), *Еже велиши, того мы желаемъ* (8, 37), *таковымъ..., иже...* (8, 39), *сей иже мертвъ вмѣнися, Се слава Богу живъ, къ намъ возвратися* (8, 55), *И кто..., той...* (15, 279), *А кто..., и той...* (15, 279 и под.)

Для примера сосуществования в одном издании славянского гипотаксиса и русского паратаксиса возьмем старейшую условную конструкцию. По-славянски: *Аще святымъ церквамь поругаются* (6, 4 и под.), *въ коемъ аще предѣлѣ будетъ* (6, 6), *въ коемждо аще предѣлѣ будуть* (6, 6), *Аще кто... порушатъ* (согласование по смыслу) (6, 9). По-русски: *А естьли кто..., и той...* (15, 269), *А естьли они..., и тогда...* (15, 269 и под.). По-славянски, но с паратактической (обязательно для обеих частей предложения, симметричной) связью, при количественном оттенке: *елико кто..., толико той...* (15, 281).

В реальности синтаксис усваивался не по рациональным конструкциям, а по живым текстовым моделям («**оборотам**»), множество которых представлено в «Вивлиофике»: *Не токмо..., но...* (8, 34), *не токмо..., но и...* (14, 128), *нетокмо..., но и...* (14, 139), *И неточію..., но и...* (15, 249), *не точію..., но и...* (15, 259), *неточію..., но и...* (15, 264), *И нетолько таковая, но и ина...* (новейший оборот как факультативный вариант старейшего в одном и том же тексте) (15, 270), *паче* (*сокровищъ*)... *неже...* (8, 36), *паче..., нежели...* (15, 254), *но оле, еже...* (14, 129), *еще же и* (также и) (14, 130), *яко..., тако...* (15, 277), *яковъ именемъ, таковъ и дѣлы* (14, 131), *тѣмъ еще же и* (поэтому также и) (14, 139), *ниже..., ниже..., но самъ...* (14, 140), *Нѣсть ниедино тако..., яко...* (15, 241), *но яко..., тако и...* (15, 272), *Обаче..., нежели...* (15, 242), *хотяще быти..., а не разумѣюще* (15, 253), *нѣсть и не было* (15, 265), *не..., ниже...* (15, 281), *нибо... ни... ни...* (16, 9), *что ни буди* (6, 9), *егда кто..., тогда...* (15, 242), *дабы... -л-...* (разные субъекты главного и придаточного) (15, 243), *дабы ему... -ти* (один субъект) (15, 246), *ово..., ово..., ово..., ово...* (15, 267), *ова убо..., ова...* (16, 7).

Порядок слов – отдельная проблема, связанная с актуальным членением текста. Приведем лишь два примера: *и только были посланы отца твоего къ нашему Царскому Величеству съ нимъ поминки* (12, 6), *и толика сотвориша беззаконія, яко ни древни еретицы* (14, 131). Здесь мы только хотим показать общую риторическую силу непривычной, но возможной перестановки слов.

Синтаксический уровень, пожалуй, наиболее полно и достоверно показывает древнерусские черты, отличные как от церковно-славянских, так и от русских конца XVIII в. в узком светском смысле.

***

Полный ответ вызову К. Поппера [14] еще не дан. Как понять думы и чаянья эпохи, ее возможности, ее дерзновения и неповторимые опыты в области искусства родного слова? Казалось бы, в нашем распоряжении имеется тончайший и в совершенстве разработанный арсенал методов и методик формально-лингвистического анализа. Но этот анализ совершенно не учитывает субъективного настроения говорящих, их стилистических и категориальных исканий в области духовного действия древних форм языка. Эти искания готовы выплеснуться в практическое повторение языкового творчества древних. Совершенно ясно, что огромная работа по выявлению и публикации древних памятников письменности производилась не одним Н.И. Новиковым и что историки, писатели и поэты заинтересовались первоисточниками. Культуры «открытий» отдельных произведений еще не существовало, их открывали десятками и воспринимали как драгоценные, достойные всяческого подражания образцы отечественной словесности.

«Вивлиофика» содержит множество грамот, статейных списков, описаний важнейших царских и патриарших церемоний и других деловых документов, в которых преобладает стихия русской речи, но есть там и повествовательные, и публицистические произведения со своими эстетическими достоинствами. Читатели с легкостью отождествляли древние словоформы с современными им литературными или просторечными, церковными или гражданскими, они встречали выражения вроде *есмь далъ*, которые хорошо знали из церковных книг. Следовательно, по мере выхода тома за томом, их языковая компетенция активизировалась за счет церковно-славянской нормы, расширенной древнерусскими вариантами. Обследование языка отдельных памятников письменности в том виде, в каком они опубликованы в «Вивлиофике», позволяет сделать совершенно определенный вывод: хотя бы поверхностного знакомства с церковно-славянской нормой было вполне достаточно, чтобы углубить свою языковую компетенцию в направлении древних форм языка.

Язык отдельных памятников письменности как наиболее надежный источник описания системы языка прекрасно осознавал еще И.И. Срезневский. Текст – это то данное и известное, опираясь

на которое, мы можем достичь удовлетворительного уровня решения основного вопроса, заданного языкознанию: каков язык, извлекаемый из этих текстов. Если в исследованиях лексики это направление упрочилось, то в описаниях грамматики зачастую идут противоположным путем – берут парадигмы языка за данные и известные и накладывают их как инструмент на текст, вычленяя в нем русские, церковнославянские, украинские, польские элементы. Задача внутреннего изменения этих лингвистических образований остается в стороне или берется как якобы решенный и уже далее не обсуждаемый вопрос.

Между тем, практика составления текстов в ту или иную эпоху влечет за собой вывод о том или ином языке, на котором они созданы, вывод, который остается постоянной задачей языковеда. Чтение прежних текстов ясно указывает на направление расширения языковой компетенции, ибо невозможно ожидать переключения кодов при столь пестром собрании документов разных эпох и стилей, какое мы видим в «Вивлиофике». Мощные панхронические архаизирующие тенденции и оживление духовной литературы в конце XVIII века позволяют сделать вполне определенный вывод о реальности того языка, на котором написаны воспроизводимые в печати и вновь создаваемые сочинения – славяно-русского языка, в котором старшая церковно-славянская норма не соблюдается полностью и отмечаются отклонения либо в сторону младшей русской нормы, либо в сторону древнерусской традиции. Эта традиция, показанная читающей публике «Вивлиофикой», создает, помимо двух прежних, современной русской и церковно-славянской, третью – древнерусскую – опору славяно-русского языка.

Этому языку известны практически как все церковно-славянские, так и русские литературные морфологические, словообразовательные и синтаксические варианты. В дальнейшем ряд славянизмов, и не только лексических и словообразовательных, закрепился в младшей норме русского литературного языка. Так, варианты мн. ср. И. на *–ы* стали расцениваться как просторечные (*стеклы, окны*), а единственно правильными считаются церковно-славянские варианты на *–а* (*стекла, окна*), сохраненные в славяно-русском языке; продолжает свое продуктивное действие модель образования наречий, сложившаяся от прежних переосмысленных в единственное число ж. рода существительных мн.числа ср.рода на *–ая*: *в- ~ую, на- ~ую* (*впустую, внаглую, напропалую*). Усвоение славяно-русского языка современниками и его благотворное воздействие на потомков, ближайших и отдаленнейших, еще ждет своих исследователей.

Список литературы:

1. Аполлос Байбаков. Грамматика, руководствующая къ познанию славено-российскаго языка. Киевъ, 1794.
2. Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век). СПб., 1908 [=Энциклопедия славянской филологии, вып. 12].
3. Демидов Д.Г. Славянорусский (славянороссийский) язык – лингвистическая реальность (языковая действительность) конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, вып. 3, – 2014. – С. 13–24.
4. Добротолюбие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец. [Перевод с греч. преп. Паисия Величковского] ЧЧ. 1–4. – М., 1793.
5. Древняя Российская Вивлиофика. ЧЧ. I–X. СПб., 1773–1775. [ЧЧ. I–II. также – М., 1782.].
6. Древняя Российская Вивлиофика. Изд-е 2-е. – М., ЧЧ. I–XX. 1788–1791.
7. Живов В.М. Язык и культура в России в XVIII веке. – М., 1996.
8. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. – М., 2004.
9. Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. – Л., 1975.
10. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
11. Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. (Лексика). – М., 1964.
12. Мелихова М.А. Характеристика динамических процессов среди рецепций из церковнославянского языка в XVIII веке // Вестник ВГУ: серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 83–86.
13. Мелихова М.А. Соотношение церковнославянской и русской лексики в русском литературном языке национального периода // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. – № 3. – [Электронный ресурс] – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-tserkovnoslavyanskoy-i-russkoy-leksiki-v-russkom-literaturnom-yazyke-natsionalnogo-perioda [дата обращения: 19 янв. 2016].
14. Поппер К. Нищета историцизма (1957) – [Электронный ресурс] – URL: https://vk.com/doc81792619_311551021?hash=304e2a1a2bd78150d7&dl=18045ef01f0d3ec1cc [дата обращения: 23 января 2016].
15. Протопопов Василий. Разсуждение о вычищении, удобрении и обогащении Росийского языка. – М., 1786.
16. Трубецкой С.Н. Общеславянский элемент в русской культуре – [Электронный ресурс] – URL: http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstslav.htm [дата обращения: 27 авг. 2015].
17. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941.

Список сокращений и условных обозначений, принятых в главе:

ак. – академик
в. – века
В. – винительный падеж
вел. кн. – великий князь
вм. – вместо
г. – года
гг. – годов
Д. – дательный падеж
Д. с инф. – дательный с инфинитивом (объектным)
Д. сам. – дательный самостоятельный
дв. – двойственное число
Дв. В. – двойной винительный
Дв. И. – двойной именительный (с именительным предикативным)
ед. – единственное число
ж. – женского рода
Зв. – звательный падеж
и под. – и подобное (словоформы, слова, синтаксические конструкции того же типа)
И. – именительный падеж
изъясн. - изъяснительный
кл. – класс глагола по Лескину (по праславянской основе настоящего времени: 1 – *зову* «несмягчающее 1-е спряжение», 2 – *воздвигну* с суффиксом -н-, то же спряжение, 3 – *бію, пишу, бесѣдую, читаю* «смягчающее 1-е спряжение», 4 – молю, молиши «2-е спряжение», 5 – *есмь, дамъ, вѣмъ, имамъ, ямъ* «неправильное (архаическое) спряжение»
л. – лицо
м. – мужского рода
мн. – множественное число
напр. – например
нек. др. – некоторые другие
несов. – несовершенный (вид глагола)
одуш. – категория одушевленности
Патр. – патриарх
Пр. – предложный падеж
преп. – преподобный
прош.вр. – прошедшее время
Р. – родительный падеж
св. – святой

см. – смотри

сов. – совершенный (вид глагола)

совр. – современное

согл. – согласный

ср. – вреднего рода

сравн. – сравни

Т. – творительный падеж

* – несуществующая ныне реконструируемая праславянская форма

ГЛАВА 3.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ XV ВЕКА

В истории русского письма XV век оказался самым спорным и противоречивым, поскольку именно в этот период в русской графике и орфографии вновь появляются буквы, написания слов, уже не характерные для письма конца XIV века. Возвращаются нормы XI–XII вв., вследствие чего в науке закрепляется мнение о так называемом «втором южнославянском влиянии», споры о котором не утихают более ста лет. Понятие «второе южнославянское влияние» вводится впервые в работах академика А.И. Соболевского, заметившего нововведения в графике и орфографии рукописей, написанных с середины XIV в. по середину XV в.

Термин «второе южнославянское влияние», можно сказать, дан условно, так как «первого южнославянского влияния» в русской письменности не было, потому что письменность на Руси отсутствовала. На Русь из Византии и Болгарии пришло православие, а вместе с ним и церковная книга. Поэтому и начал формироваться письменный древнерусский язык. После долголетних исследований возникают две противоположные точки зрения на то, как старославянский язык влиял на древнерусский литературный язык. Эти точки зрения А.И. Горшков условно называет «теорией Шахматова» и «теорией Обнорского». А.И. Горшков отмечает: «Сопоставляя «теорию Шахматова» и «теорию Обнорского», нетрудно увидеть, что с точки зрения первой древнерусский литературный язык XI в. был обрусевшим древнеболгарским, а с точки зрения второй – оболгаренным русским» [6, с. 21].

В.В. Виноградов выделяет два типа языка: «литературно обработанный народный тип» и «книжно-славянский тип». По мнению ученого, они, с «генетической точки зрения», два разных языка, но при этом данные «типы языка» противостоят друг другу лишь «в своих контрастных, наиболее «чистых концентрациях», но уже в XI в. «книжно-славянский тип в восточнославянском обличьи и народно-литературный восточнославянский тип вступили в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы» [3, с. 87; 102].

До сих пор в науке нет единого мнения о русской орфографии XV века. Одни ученые называют это время периодом южнославянского влияния на русскую церковную письменность, другие

появление в русском письме некоторых южнославянских графико-орфографических и греческих графических особенностей связывают с реставрацией древнейшего русского литературного языка. В памятниках русской письменности XV в. можно обнаружить большое разнообразие графических и орфографических особенностей.

3.1. История изучения вопроса о так называемом «втором южнославянском влиянии»

Взаимодействие византийской, болгарской, сербской и русской культуры и литературы на протяжении многих веков было непростым. В XI в. на всей территории распространения кириллического письма на Балканах и на Руси господствуют в книжном письме старославянские каноны с этимологически правильным употреблением еров и юсов, при этом в лексику и фонетику попадают болгарские, сербские и русские языковые особенности.

В XII в. на Руси – расцвет киевской письменности. В графике и орфографии продолжается традиция XI в.: употребляются буквы ѡ, ѱ, юс малый ѧ после согласных является дублетом ꙗ, однако юс большой ѫ выходит из употребления и заменяется на письме буквами ѹ и ю, сохраняется различие в употреблении букв Ъ и Ь, в сильной позиции на их месте начинают писаться буквы О и Є, встречаются слова с полногласием.

В годы расцвета Киевского государства Балканские страны попали в зависимость от Византийской империи, поэтому в XII в. – начале XIII в. культурное воздействие шло в направлении из Киевской Руси на Балканы. В этот период многие произведения древнерусской письменности проникают к болгарам и сербам.

В XIII в. сербские и болгарские рукописи отражают влияние принесенных из Руси оригиналов. В графике появляются русские начертания букв XII в., в правописании у южных славян наблюдаются случаи употребления є в значении [je] и после мягких согласных. Русское влияние на южнославянскую письменность в первой половине XIII в. прекращается из-за монголо-татарского нашествия и в последней трети XIII в. сменяется византийским влиянием, особенно влиянием Афона, ставшего важным культурным центром православного мира. В начале XIV в. Македония вошла в состав сербского государства, поэтому македонские рукописи XIV в. почти не сохранились, так как все рукописи, возникшие в этот период в Македонии, относятся к сербской редакции [16, с. 61–62].

Болгарам и сербам к концу XII в. удалось освободиться от власти Византийской империи, поэтому около середины XIII в. вновь начинается расцвет культуры и литературы в Болгарии. К этому времени обновляются старые переводы с греческого, появляются новые редакции переводов Четвероевангелия, Псалтыри, Песни Песней, Апостола, гимнографической литературы, служебных миней, Слов Григория Богослова, Пандектов Никона Черногорца, Лествицы Иоанна Лествичника, Синайского патерика, Жития Антония Великого и другие, а также впервые переводятся сочинения Василия Великого, Исаака Сирина, Григория Синаита, Григория Паламы, Иоанна Златоуста, некоторые оригинальные жития, похвальные слова и послания [22, с. 141]. Серьезной реформе подвергается литературный язык, в котором утверждаются новые строгие орфографические и стилистические нормы, так как в течение нескольких веков язык богослужебных книг значительно меняет свой первоначальный вид по форме и содержанию.

Орфографическую реформу болгарского языка XIV века обычно связывают с деятельностью литературной школы патриарха Евфимия Тырновского, с мировоззрением исихастов. Для исихастов, как и для многих средневековых богословов, познание – выражение мира средствами языка, поэтому слово и сущность воспринимаются ими неразрывно связанными друг с другом. Малейшие неточности в богослужебных книгах, по мнению исихастов, способны породить ересь, отсюда у них обостренное внимание к внешней форме слов, к их значению, к правильности языка, графике и орфографии. «В результате книжной реформы болгарский литературный язык среднеболгарского периода (т. е. староболгарский литературный язык) сближается с древнеболгарским литературным языком, насыщается некоторыми языковыми средствами и особенностями, характерными для греческого языка (лексическими единицами, оборотами и пр.)» [22, с. 142]. Исследователь пишет, что «принципы книжной Евфимиевской реформы получают распространение и развитие в Москве с конца XIV в. и особенно в XV в., когда проводится интенсивная работа по исправлению, редактированию списков ранее переведенных богослужебных, богословских и других христианских книг под руководством митрополита Киприана», однако, обозначив графические и орфографические южнославянские особенности, которые употребляются в рукописях XV в., для подтверждения своих слов П. Филкова приводит примеры из Библии 1581 г. [22, с. 146–154].

Середина XIV в. является переломным моментом как в развитии графики, так и в истории правописания для южнославянского письма.

В этот период в славянских монастырях на Афоне вырабатывается новая система правописания под греческим влиянием; с одной стороны, эта система опирается на образцы письма XIII–XIV вв., с другой стороны, она заимствует из греческого правописания новые элементы. «Происходил систематический пересмотр греческого новозаветного и библейского текста и литургических книг, что привело к ревизии и реформе греческого правописания на базе античной традиции. В славянских православных церквях это отразилось в аналогичном стремлении к исправлению церковных текстов по древним образцам и вместе с тем в искусственной архаизации правописания» [16, с. 66]. Б. Цонев считает, что суть реформы Евфимия Тырновского заключалась в правке церковных книг в соответствии с греческими текстами [23, с. 267–268]. Об архаизации литературного болгарского языка и грецизации в правописании пишет и В. Василев [1, с. 408].

К концу XIV века в связи с массовой эмиграцией болгар в Сербию, когда Болгария была завоевана турками, под болгарским влиянием в сербском правописании распространяется болгарское правило писать ъ на месте звучащего гласного. В это же время вводится греческая система знаков препинания (точка, точка с запятой, кавычки) и надстрочных знаков.

В последней четверти XIV в. новые особенности правописания приобретают систематический характер благодаря орфографической реформе болгарского патриарха Евфимия. Правописание без юсов, что характерно для сербских рукописей, легло в основу «ресавского правописания» во второй половине XIV в.

Смысл реформы болгарского патриарха изложен в сочинении сербо-болгарского ученого Константина Философа Костенческого, опубликованном И.В. Ягичем в главе «Книга Константина Философа и грамматика о письменех», в которой И.В. Ягич рассуждает о реформе среднеболгарского языка [24, с. 78].

Константин Философ Костенческий исходит из убеждения исихастов, «отсюда его чрезвычайное беспокойство о каждом случае расхождения между ними, которое может получиться от неправильного написания, от неправильной формы слова. Эти расхождения могут привести к ереси и к неправильным воззрениям» [14, с. 109]. Главная задача науки, по мнению Константина Философа, – создание правильного языка и правильной орфографии. Он убежден, что каждая буква в слове имеет свое значение и способна изменить смысл речи, поэтому любой букве приписывается индивидуальная роль.

Болгары и сербы начали реформировать письменность с XIV века, поэтому А.И. Соболевский отметил, что рукописи середины XIV века и середины XV века разительно отличаются друг от друга, особенно в графике и орфографии. А.И. Соболевский писал по этому поводу: «Ясно, что между половиною XIV века и половиною XV века русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном» [20, с. 8]. А.И. Соболевский полагает, что церковнославянский язык рукописей середины XV века избегает русизмов, но зато в этих рукописях много древних и поздних болгаризмов, в связи с этим ученый вводит термин «второе южнославянское влияние».

По мнению Н.Г. Ткаченко, в то время, когда в Болгарии велась работа по исправлению книг и создавались новые переводы, древнерусская литература из-за монголо-татарского нашествия замедлила свое развитие, однако русские писцы предполагали существование новых переводов. Н.Г. Ткаченко отмечает, что «для русских гораздо удобнее и легче было использовать уже готовые среднеболгарские переводы с греческого, чем дублировать работу по переводу вновь» [21, с. 6]. Русские писцы заимствовали у болгар уже готовую орфографию, которая была похожа на ту, что представлена в старых церковнославянских текстах. И сербская, и болгарская орфографические системы были приемлемы, но влияние болгарской оказалось сильнее. Этому способствовала верхушка русского духовенства болгарского происхождения.

Принято считать, что именно к концу XIV в. многие деятели культуры и искусства из Византии, Сербии, Болгарии, Афона обосновались в Москве, Новгороде и других русских городах. Данному обстоятельству благоприятствовало и возведение болгарина Киприана на митрополичью кафедру. Киприан был высокообразованным человеком, его коллекция содержала большое число книг, которые он привез с собой из Болгарии. Так, например, Л.А. Дмитриев отмечает, что Киприан переписал «Лествицу Иоанна Лествичника» в 1387 г. Его руке принадлежит список сочинений Дионисия Ареопагита (Псевдодионисий), хотя «о том, что эта рукопись была написана Киприаном, собственной его записи нет, но этот факт установлен путем сличения почерка этой рукописи с почерком киприановской «Лествицы». Третья рукопись, написанная Киприаном, как считает Л.А. Дмитриев, список Псалтири с восследованием [7, с. 223; 224]. На эти же списки указывает и Г.И. Вздорнов:

«Это Лествица 1387 г., написанная им в Константинополе в монастыре Иоанна Предтечи (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 152), и недатированные Творения Дионисия Ареопагита (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 144) и Псалтырь с восследованием (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 142)» [2, с. 173].

Однако О.А. Князевская и Е.В. Чешко в своем исследовании доказывают, что руке Киприана принадлежит только «Лествица Иоанна Синайского» 1387 г., написанная в Константинополе в монастыре Иоанна Предтечи. Данный памятник сейчас находится в Отделе рукописей РГБ, ф. 173, МДА, № 152. Исследуя рукописи, которые приписываются руке Киприана, болгарина по происхождению, О.А. Князевская и Е.В. Чешко делают вывод, что южнославянское влияние «должно было сказаться на тех древнерусских рукописях, которые были изготовлены по заказу Киприана или написаны им самим» [11, с. 291]. Они отмечают: «Давно известно, что древнерусская письменность в конце XIV в. испытывает влияние со стороны южнославянской письменной культуры и усваивает новые для русского языка графико-орфографические нормы. В силу разных причин деятельность митрополита Киприана на Руси во многом способствовала проникновению этого влияния» [11, с.291].

Как отмечает Г.И. Вздорнов, «авторитет Киприана по части книжного учения на Руси был очень высок», поэтому «русские писцы в своей книгописной практике охотно пользовались его собственными рукописями как образцами» [2, с. 174].

С деятельностью митрополита Киприана южнославянское влияние на русскую письменность связывает Н.А. Мещерский, который считает, что под руководством Киприана было принято исправление церковно-богослужебных книг по нормам среднеболгарской орфографии [15, с. 106]. О южнославянском влиянии говорят М.Г. Гальченко и А.Н. Яценко: «Древнерусские писцы в конце XIV–XV вв. активно занимаются копированием южнославянских (главным образом болгарских) рукописей, заимствуя не только новые тексты, но и подражая в известной степени почеркам и правописанию болгарских рукописей» (подчеркнуто нами. – *Л.Н.*) [4, с. 31].

Восхождение Киприана на митрополичью кафедру было трудным: действия Киприана против деятельности митрополита Алексея вызвали сильное негодование в Москве, к тому же, великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской был против Киприана и не раз изгонял его из Москвы. И только после смерти Дмитрия Донского Киприану удалось возглавить русскую церковь [7, с. 217–219].

И. Талев считает, что лица типа Киприана и Цамблака много сделали в редактировании и исправлении богослужебных

и религиозных книг, но не были причиной «второго южнославянского влияния», так же, как и турецкое завоевание балканских стран не является прямой причиной этого влияния [25, с. 98].

По мнению Л.П. Жуковской, «Киприан, естественно, не мог писать по бытовавшим на Руси древнерусским орфографическим нормам, отражавшим восточнославянские языковые явления. Но его родные южнославянские особенности языка и письма нельзя рассматривать как свидетельство распространения южнославянских норм на русскую письменность и датировать их рубежом XIV–XV вв.» [8, с. 28].

А.И. Соболевский отмечает, что русская колония в Константинополе, «с одной стороны, добывала от южных славян их книги, изготовляла с них списки, отправляла их на родину, с другой – доставляла южным славянам неизвестные им русские тексты». Так, «русский текст Пандект был дважды исправлен и дополнен южными славянами, в первый раз слегка». Этот список с болгаризмами относится к 1381 г. (Синод., № 193) и был написан в Высоцком монастыре под Серпуховом. Русский текст «Истории Иосифа Флавия» был переписан у южных славян, и с него был сделан сербский список 1585 г. на Афоне. «Русский текст Слов Григория и толкований Никиты также был исправлен южными славянами и в исправленном виде известен и в южнославянских, и в русских списках XV и XVI веков» [20, с. 12]. К тому же, «некоторые члены русской колонии, более или менее знакомые с греческим языком, сами предпринимали исправление своих текстов». Для примера можно привести текст Нового Завета, сохранившийся в Чудовском списке половины XIV века, принадлежащий перу св. митрополита Алексия, данный список был написан в Константинополе [20, с. 12–13]. Разве можно утверждать, что графико-орфографическая система в данных рукописях является результатом южнославянского влияния на русскую письменность?

Русские писцы могли делать копии с болгарских рукописей, перенося из оригинала оформление списка и его языковые особенности. Так, М.Г. Гальченко отмечает, что в пергаменных списках «Триодей цветной и постной» (ГИМ, Усп. 6, 7), написанных в 1403 г. по заказу митрополита Киприана, в области графики и орфографии наблюдается интенсивное проявление «второго южнославянского влияния» [5, с. 334]. В данном списке, на наш взгляд, следует рассматривать не признаки южнославянского влияния, а особенности болгарской орфографии после реформы Евфимия Тырновского.

При исследовании рукописей XV в. не учитывается и то, что рукопись могла быть написана болгарином, долго проживавшим на Руси и воспринимавшим русскую речь как родную, поэтому в таком списке можно обнаружить и болгарские, и русские языковые особенности в зависимости от того, в какой степени русский язык был усвоен болгарским писцом.

Как справедливо утверждает М.В. Иванова, «вся дискуссионность и нерешенность проблемы второго южнославянского влияния <…> является следствием того, что ученые находятся в плену самого термина «второе южнославянское влияние» <…> «Второе южнославянское влияние», с формальной точки зрения, оказывается вне терминологической системы. Главным виновником этого является слово «второе»: если есть «второе» влияние, то должно быть по меньшей мере «первое». Но термина «первое южнославянское влияние» в нашей науке нет. И хотя понятно, что под ним подразумевается период крещения Руси, когда появились первые переводные богослужебные книги с присущими им старославянскими (древнеболгарскими) чертами и эти книги стали образцами во всех отношениях для оригинальной древнерусской письменности, отсутствие термина «первое южнославянское влияние» создает весьма неблагоприятную ситуацию для функционирования и термина «второе южнославянское влияние» [10, с. 100].

Л.П. Жуковская считает, что «единичные факты переписки отдельных книг с южнославянских оригиналов, при которой некоторые черты южнославянского оригинала невольно вносятся русским писцом во вновь создаваемый экземпляр, как и случаи написания книг кем-либо из южнославянского окружения Киприана, не могут быть свидетельством южнославянского влияния на русскую графику и орфографию». Под влиянием Л.П. Жуковская понимает «**такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приемы и законы южнославянской письменности**» (выделено автором. – *Л.Н.*) [8, с. 28].

Как отмечает В.А. Мошин, «правописание патриарха Евфимия не получило полного признания и одобрения ни на Руси, ни в Сербии, ни в самой Болгарии. В частности, на Руси южнославянское правописание вместе с графикой южнославянского полуустава распространилось более всего в Москве, но параллельно с ним держалась и древняя традиция русского старшего полуустава. Литературный стиль «плетения словес» <…> не возобладал целиком в русской литературе» [17, с. 113].

К концу XIV в. Русь начинает приходить в себя после монголо-татарского нашествия. Во 2-ой половине XV в. внуку Дмитрия Донского Василию II (Василий Васильевич Темный) удалось объединить русские княжества, в результате чего Галицкий, Можайский и Серпуховский уделы оказались внутри Московского княжества; Псковом стал управлять московский наместник, в вассальную зависимость попало и Рязанское княжество; в 1456 г. Яжелбицкий мир ограничил самостоятельность Великого Новгорода. Князь Иван III продолжил объединение русских княжеств: в 1485 г. было присоединено Тверское княжество, в 1489 г. – Вятская земля. После войны 1487–1494 г. с Великим княжеством Литовским к Москве были присоединены «верховские княжества», а в 1503 г. большая часть Рязанского княжества была также присоединена к Московскому по завещанию рязанского князя Федора Васильевича. В объединении русских земель Василию II оказывала содействие московская церковь, которая стремилась к большей самостоятельности. В 1439 г. Флорентийская уния объединила греческую православную церковь с римско-католической, на Руси это объединение не было поддержано, и в 1448 г. русская церковь получила автокефалию, независимость от Константинопольского патриарха. В 1453 г. Константинополь был захвачен и разграблен турками, в 1461 г. была оккупирована остальная часть Византийской империи. На Руси появляется идея «Москва – Третий Рим», потому что в это время северо-восточная Русь осталась единственной православной страной, обладающей политической и государственной независимостью. Данная идея была сформулирована в посланиях псковского монаха Филофея к Василию III: «*Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти*» [19, с. 452].

Ряд ученых (А.И. Горшков, Л.П. Жуковская, Б.А. Ларин, Л.Г. Панин, D. Worth) появление в русской письменности некоторых южнославянских и греческих графико-орфографических особенностей связывают со стилистической тенденцией архаизации письма, а не с южнославянским влиянием на русскую письменность. Как отмечает Л.П. Жуковская, «Москва – наследница Рима и Константинополя, Москва – спасительница духовного (т. е. для того времени – только христианского) мира славян, причем славян, имеющих свой алфавит, свою письменность, богослужение на своем языке. <…> Вот здесь-то и возникает идея преемственности наследия

письменного, в том числе даже в его графико-орфографическом аспекте» [9, с. 151]. Поэтому в орфографии рукописей XV в. проявляются южнославянские и греческие черты так же, как и в ранних русских текстах XI в., списанных со старославянских протографов.

Новые «графико-орфографические нормы», по мнению Л.П. Жуковской, «складывались веком позднее, т. е. во 2-ой половине не XIV, а XV в. и захватывали XVI век, а не завершались в 1-й половине XV» [9, с. 145]. Вслед за Л.П. Жуковской М.О. Кочетова на материале двух рукописных источников определяет другие временные рамки. Она считает, что «изменения, происходившие в русской графике и орфографии в средневековый период, могут быть отнесены к XVI в.» [12, с. 243].

Б.А. Ларин считает, что «эмиграция южнославянских деятелей культуры и церкви в связи с разгромом Болгарии и Сербии не могла быть причиной «второго южнославянского влияния» [13, с. 300], хотя «усиление связи с балканскими странами имело большое значение для поддержки религии, церковной письменности в пору, когда единство веры было важной силой, побуждающей бороться с монголо-татарским игом». Ученый полагает, что со второй половины XV в. начинается другой процесс, который Б.А. Ларин обособляет от «второго южнославянского влияния» и обозначает как «реставрация старославянского языка <…> и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры» (подчеркнуто нами. – *Л.Н.*) [13, с. 304].

Б.А. Ларин отмечает, что «русские люди того времени осознавали огромное культурное значение русской письменности XI–XII вв. <…> Желание распространить <…> свой авторитет и влияние в других славянских землях, и прежде всего у балканских славян, неизбежно приводило к мысли о необходимости освободить русский литературный язык от всяких чисто местных, московских особенностей, чтобы сделать его общеславянским литературным языком. А так как старославянский язык в X–XI вв. уже имел такое общеславянское значение, то естественно было попытаться превратить русский литературный язык в общеславянский с помощью реставрации старославянских элементов» [13, с. 306].

Л.Г. Панин называет данный процесс реформацией церковнославянского языка, так как «он был призван выполнять важнейшую функцию духовного объединения славян. Реформируя местный извод церковнославянского языка, древнерусские книжники обращались к его истокам – старославянской и древнерусской традициям церковнославянского языка» (подчеркнуто нами. – *Л.Н.*) [18, с. 17].

Аналогичное заключение сделал американский славист D. Worth: «При изучении т. н. «второго южнославянского влияния» следует различать явления, с одной стороны, стилистического (риторического) порядка, а с другой, чисто лингвистического; первые имеют значение, преимущественно, для развития языка художественной литературы. <...> восходят не к болгарским или сербским источникам, а представляют собой скорее возобновление и интенсификацию риторических приемов древнерусской (киевской) поры. Подобным образом обстоит дело и с чисто лингвистическими явлениями исследуемого периода. <...> Сам термин «второе южнославянское влияние» оказывается неправильным: лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по происхождению не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдо-классическими) (подчеркнуто нами. – *Л.Н.*)» [26, с. 222–223].

Мы согласны с мнением М.В. Ивановой, которая считает, что «отсутствие научного определения второго южнославянского влияния привело к обрастанию этого термина мифами и искажениями. У каждого исследователя обнаруживается свое понимание второго южнославянского влияния <…> Что действительно следует сделать, так это дать второму южнославянскому влиянию четкую научную дефиницию, исключающую возможность различного его толкования, и определить корпус текстов, отражающих те явления, которые будут определены термином второе южнославянское влияние» [10, с. 101].

На наш взгляд, главная причина споров ученых по поводу термина «второе южнославянское влияние» заключается в сложности процессов, происходивших в древнерусской книжности в XV в., а также в слабой изученности памятников письменности этого периода. При изучении рукописных источников, созданных в первой половине XV в., необходимо учитывать, на какой территории и при каких условиях был создан данный памятник, написан ли он болгарским, сербским или русским изводом, является ли он переводным источником с греческого языка, выполненным южнославянскими книжниками XIII–XV вв. и попавшим на Русь в конце XIV – первой половине XV в., рукопись может быть оригинальным южнославянским или русским сочинением, созданным в Болгарии, Сербии или Руси. Во второй половине XV в. происходило не второе южнославянское влияние на русское письмо, а архаизация письма, которая заключается в реставрации графических и орфографических норм XI–XII вв., поэтому памятники письменности, написанные с середины XV в. и в XVI в., следует рассматривать как

рукописи, в которых нововведения в области графики и орфографии связаны с архаизацией, реставрацией древнейшего русского литературного языка.

3.2. Южнославянские и древнерусские графические и орфографические особенности

Середина XIV в. является переломным моментом как в развитии графики, так и в истории правописания для южнославянского письма. В этот период в славянских монастырях на Афоне вырабатывается новая система правописания под греческим влиянием; с одной стороны, эта система опирается на образцы письма XIII–XIV вв., с другой стороны, она заимствует из греческого правописания новые элементы. Б. Цонев считает, что суть реформы Евфимия Тырновского заключается в поправке церковных книг в соответствии с греческими текстами [23, с. 267–268].

Л.П. Жуковская, проанализировав орфографию рукописей, написанных в середине XIV в. – середине XVI в., с разрушением древнерусских норм XIV века связывает такие черты, как: 1) написание букв ѡ, оѵ, ꙋ, ꙗ, ї после согласных; 2) употребление после гласных букв ꙋ, ѧ, а, є; 3) написание ь вместо ъ после к, г, х, в и других согласных. При этом исследователь отмечает следующие черты древнерусской орфографии: 1) употребление ша, ча; 2) написание ж на месте праславянского сочетания *dj; 3) написание ер, ор, ол в праславянских сочетаниях *tьrt, *tъrt, *tъlt; 4) полногласные сочетания на месте *tort, *tolt; 5) употребление буквы ѵ после согласных; 6) написание букв ю, ꙗ, ѥ после гласных. К чертам южнославянской орфографии, которые встречаются в рукописях указанного периода, Л.П. Жуковская относит: 1) употребление шѧ, чѧ; 2) употребление буквы ѣ вместо є в составе корней на месте праславянских сочетаний *-tert-, *-telt-; 3) написание «юса большого» ѫ и графемы ѩ; 4) написание букв редуцированных ъ, ь после плавных ръ, лъ на месте праславянских сочетаний *-tъrt-, *-tьrt-, *-tъlt-; 5) написание жд на месте праславянского сочетания *dj. Из греческих графических особенностей Л.П. Жуковская выделяет следующие: 1) употребление буквы ѕ, повернутой вправо, как в латинском языке, вместо русского варианта написания буквы, повернутой влево *г*;

2) начертание букв в греческом варианте α, ε; 3) написание букв ѳ (фита) вместо ф, ѯ (кси) вместо русского сочетания букв кс; 4) употребление буквы ѵ (ижица) вместо русских эквивалентов ү, и [9, с. 168–171].

На протяжении четырех веков и в южнославянской, и в русской письменности произошли изменения, поэтому как для болгарского, так и для русского письма созрела необходимость реформы правописания. В основу реформы обеих орфографических систем легла ранняя графико-орфографическая система X–XI вв.

Для южнославянской и русской письменности общими стали следующие черты:

1. Употребление надстрочных знаков, разнообразие пунктуационных знаков.

2. Использование греческих графем ѕ, ѵ, ѯ, ѱ; ѳ.

3. Четкое распределение в написании букв ꙗ – ѧ – а; ѥ – є – ε; оу – ү – ꙋ (вариант ȣ); ѡ – о – ꙭ – ꙩ – ꙩ-очное.

4. Этимологически правильное употребление буквы ѣ в рукописях церковного содержания.

Для обеих систем правописания отличительными стали следующие признаки:

1. Употребление сочетаний гласных аа, їа,їи в южнославянских рукописях и аꙗ, иꙗ, їꙗ, ии, иї в русских списках.

2. Написание жд на месте праславянского *dj в южнославянских текстах и буквы ж в рукописях русского извода.

3. В сочетании «редуцированный + плавный» писцы сохраняют написания, сложившиеся в обеих орфографических системах и отражавшие реальное произношение в обоих языках: группы ръ, рь, лъ, ль в болгарских списках и ор, ер, ол, ел в русских.

4. Этимологически правильное и гиперкорректное написание ѫ в болгарских памятниках (в сербских ѫ отсутствует) и коррекция написаний в русских рукописях: буквы оу, ю вместо ѫ.

5. Употребление ша в формах аориста 3 лица един. числа в русских списках вместо южнославянского шѧ.

6. Использование буквы є вместо южнославянского варианта ѣ в неполногласных корнях и в предлогах-приставках пре, пред.

7. Этимологически правильное употребление букв редуцированных в морфемах в рукописях русского извода и мена букв ъ / ь, а чаще одноеровое написание, в болгарских и сербских списках.

После падения редуцированных гласных в XV веке в русской письменности сложились новые орфографические черты. Некоторые из этих инноваций стали кодифицированными формами современного письма:

1. В приставках перед гласными пишется буква Ъ, которая выполняет роль разделительного знака;

2. В суффиксах имен прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени появляется удвоенная НН;

3. На стыке приставок на З- (С-) и корня начинают писаться буквы ЗЗ-, СС-.

Несмотря на сложные процессы орфографических преобразований XV в., в южнославянской орфографии в XIV веке и в русской орфографии в XV веке сформировались графико-орфографические системы под влиянием греческого и старославянского языков: при написании новых памятников, при создании новых переводов и болгарские, и русские писцы опирались на ранние образцы X–XI вв., при этом русские книжники приводили правописание памятника в соответствие с нормами своего времени, но форма слова, представленная в возможных графических вариантах, отражала и возможное произношение.

***

Большой интерес для изучения русского языка представляют рукописные памятники, созданные в один из важнейших периодов истории – в конце XIV – первой половине XV века, то есть период, отмеченный, по мнению некоторых исследователей, так называемым «вторым южнославянским влиянием» на русскую письменность. Хотя феномен «второго южнославянского влияния» давно привлекал внимание исследователей, недостаточная разработанность проблемы заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к этой проблеме.

Появление в южнославянских рукописях с середины XIV в. греческих написаний (графем, надстрочных знаков) болгарские исследователи связывают с архаизацией литературного болгарского языка и грецизацией в правописании. Появление греческих

и южнославянских написаний в русских рукописях со второй трети XV в. некоторые русские исследователи связывают с архаизацией, реставрацией или реформацией древнерусского литературного языка домонгольской поры. Новые графико-орфографические нормы в русской письменности складываются веком позднее, то есть во 2-й половине не XIV, а XV в. и захватывают XVI в.

Графико-орфографическая система рукописей XV в. отличается богатством и разнообразием, при этом определенной устойчивостью в использовании букв. Наличие вариантов свидетельствует о динамичности развития данной графико-орфографической системы. Все это позволяет рассматривать письменность рукописей изучаемого периода в качестве важного источника в формировании русского литературного языка.

Наиболее перспективными в изучении письменности памятников XV в. представляются следующие направления:

1. Вместо определения «второе южнославянское влияние» необходимо дать четкий научный термин, исключающий возможность различного его толкования.
2. Определить корпус текстов, отражающих те явления, которые будут определены именно термином «второе южнославянское влияние».
3. Памятники письменности XV в. следует рассматривать как рукописи русского, болгарского, сербского и смешанного изводов.
4. Детально исследовать книгописные центры разных регионов с целью выявления локальных особенностей на всех уровнях языка.
5. Привлечь как можно больше рукописных источников разных жанров для исследования графического и орфографического материала.
6. Таким образом, памятники письменности XV в. как важный источник формирования русской графики и орфографии требуют внимательного, многоаспектного и обстоятельного изучения.

Список литературы:

1. Василев В.П. Правописната реформа на Евтимий и отражението и в произведения на негови следовници и на българските дамаскинари // Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. – София, 1980. – С. 405–421.
2. Вздорнов Г.И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. – Л., 1968. Т. XXIII. – С. 172–185.

3. Виноградов В.В. История русского литературного языка: Избранные труды. – М., 1978. – 323 с.
4. Гальченко М.Г., Яценко А.Н. Палеографические и графико-орфоэпические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. – 1997.– № 1. – С. 31–47.
5. Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. – М. – СПб., 2001. – С. 325–382.
6. Горшков А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987. – С. 7–29.
7. Дмитриев Л.А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. – М. – Л., 1963. Т. XIX. – С. 215–254.
8. Жуковская Л.П. О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: (На материале пролож. Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. – М., 1982. – С. 26–59.
9. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV–1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987. – С. 144–176.
10. Иванова М.В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. – М., 1996. – С. 99–101.
11. Князевская О.А., Чешко Е.В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической нормы Ефимия Тырновского // Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. – София, 1980. – С. 282–292.
12. Кочетова М.О. О проблеме второго южнославянского влияния в русской письменности (на материале Жития князя Феодора Ярославского) // Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание: Материалы I Междунар. науч. конф., 28–30 сент. 2004 г. – М., 2005. – С. 235–245.
13. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X–сер. XVIII вв.). – М., 2005. – 416 с.
14. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Избранные работы в 3-х тт. – Л., 1987. Т. 1.
15. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1981. – 280 с.

16. Мошин В.А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». – М., 1973. – С. 43–75.
17. Мошин В.А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Русь и южные славяне. – СПб., 1998. – С. 3–113.
18. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. – Новосибирск, 1995. – 215 с.
19. Послания старца Филофея / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // ПЛДР. – М., 1984. Т. 6. – С. 436–455; 732–739.
20. Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. – СПб., 1894. – 30 с.
21. Ткаченко Н.Г. К вопросу о втором южнославянском влиянии (На материале евангелия № 4 из собрания Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, хранящегося в ГИМе). – М., 1984. – 27 с.
22. Филкова П.Д. Староболгарские традиции в истории русского литературного языка / Пенка Филкова. – София, 1991. – 499 с.
23. Цонев Б. История на българский език. Т. II. 1934.
24. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. – СПб., 1896.
25. Talev Y. Some problems of the second South Slavic influence in Russia // Slavistic beitrage. München, Bd. 67, 1973. P. 82–93.
26. Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов / Киев, сентябрь 1983. – М., 1983. – С. 222–223.

ГЛАВА 4.

ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ПРОСЛАВЛЯТЬ’, ‘ХВАЛИТЬ’, ‘ХВАЛА’, ‘СЛАВА’ В ПСАЛТИРИ АРХИЕПИСКОПА АМВРОСИЯ (ЗЕРТИС-КАМЕНСКОГО)

4.1. Общие сведения о судьбе рукописи Псалтири архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского)

Павел Иванович Горский-Платонов, экстраординарный профессор Московской Духовной Академии (далее – МДА), в своей вступительной статье к изданию рукописи Псалтири архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) 1878 г. [10] приводит два мнения относительно судьбы рукописи этого перевода: одни исследователи говорили, что она вместе со сделанным с неё для императрицы Екатерины списком была утрачена, а по мнению других – сохранилась, но не была издана.

Однако П.И. Горский-Платонов опровергает обе версии, говоря, что рукопись уцелела и напечатана фрагментарно в книге «Полное собрание псалмовъ Давыда поэта и царя, преложенныхъ какъ древними такъ и новыми российскими стихотворцами изъ прозы стихами», изданной в Москве в 1809 г. в типографии Решетникова. В этой книге представлены только стихи, отличающиеся от основного текста.

Полностью перевод напечатан только во втором издании Решетникова, вышедшем в свет в Москве в 1811 г., после других переложений одного и того же псалма [7]. Но в этом издании было опущено предисловие, а также список, послуживший для него оригиналом, по мнению П.И. Горского-Платонова, не был очень хорошим. Последнее издание вышло также в Москве, в 1878 г.

Косвенным свидетельством того, что рукопись, предназначенная для императрицы Екатерины, тоже уцелела, может служить найденная в Российской национальной библиотеке рукописно-печатная книга под номером 469 в кожаном переплёте с золотым обрезом, содержащая церковнославянский текст Псалтири и параллельно к нему перевод архиеп. Амвросия. На последнем её листе была обнаружена копия дарственной надписи Екатерине II от Николая и Ивана Бантыш-Каменских.

За этой надписью следует приписка, согласно которой эта книга принадлежала купцу Ивану Лаптеву, сын которого, Аполлоний

Иванович, скопировал эту надпись из списка с Псалтири, напечатанной в 1769 г., и перевода владыки Амвросия [8]. Этот список был сделан в 1790 г., а надпись была на втором листе. До 1830 г. он хранился в библиотеке графа Орлова, откуда был продан на аукционе под номером 166 некоему торговцу Казахову, и, видимо, после этого надпись попала в эту книгу.

В предисловии к изданию 1878 г. приводится несколько причин его возникновения: сделать перевод близким к оригиналу Септуагинты, которым тогда считался масоретский текст, а также прояснить непонятные места. Ведь до этого переводили только с греческого текста, в который при переписке вкрадывались ошибки. Архиепископ Амвросий хотел сделать псалмы более понятными и уменьшить количество тёмных мест, так как именно они вызывают больше всего вопросов [7].

В этом же предисловии написано, что в процессе работы переводчику пригодилось знание не только еврейского, но и греческого, и латыни, а также толкований Святых Отцов.

Помогал владыке Амвросию в этом деле архимандрит Донского монастыря Варлаам (Лящевский), в совершенстве знавший древнееврейский язык [1, с. 24].

Среди достоинств перевода П.И. Горский-Платонов отмечает его точность: нет отступлений от еврейского синтаксиса без необходимости, используется более употребительное значение слова, а не то, которое подходит для определённого стиха.

В трудных местах не без основания даётся новый перевод. Также автор вступительной статьи обращает внимание на то искусство, с которым переводчик передаёт еврейскую фонетику. При этом, конечно, указывается на недостатки, но их, по мнению профессора МДА, так мало, что не стоит подробно говорить об этом [7].

4.2. Филологический анализ перевода лексем со значением ‘прославлять’, ‘хвалить’, ‘хвала’, ‘слава’ в Псалтири архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского)

В данном разделе мы проанализируем разночтения между переводом архиеп. Амвросия и Елизаветинской Библией (сокращённо – ЕБ), привлекая также Септуагинту и масоретский текст.

Нумерация псалмов в этом и последующих разделах соответствует изданию 1878 г. и масоретскому тексту. Полный перечень разночтений приводится в приложении.

***Лексемы* ידה *и* תּוֹדָה.**

Лексему ידה владыка Амвросий переводит как «прославлять, хвалить» [7] вместо ἐξομολογέω [23] и и҆сповѣ́дати [3].

Следует заметить, что речь об исповедании грехов идёт только в одном случае (Пс. 32:5), в остальных же – либо о прославлении Бога, либо об открытом признании Его благодеяний. Наш переводчик отдавал предпочтения большей частью первому варианту.

Одним из самых распространенных словарей древнееврейского языка был словарь Иоанна Буксторфа Старшего, впервые изданный в 1645 г. Именно этим словарём пользовался архиеп. Амвросий в качестве основного в процессе работы над своим переводом.

В частности, лексеме ידה данный словарь даёт в качестве определения глагол confiteor [15] «1) славить; 2) исповедоваться (только у церковных авторов)» [4, с. 179].

Вероятно, это и послужило причиной разночтений: в ЕБ продолжили традицию церковных авторов, приняв второй вариант. Примерно это же самое можно отнести и к производной от неё лексеме תּוֹדָה.

В Старославянском словаре, составленном по рукописям XI–XII веков, даются такие значения глагола «и҆сповѣ́дати»: «1) признавать, исповедовать; 2) рассказывать, возвещать; 3) давать обет; 4) прославлять, хвалить» [9, с. 268]. Как видим, здесь тоже присутствует связь с повествованием и прославлением.

Поскольку разночтений в переводе глагола ידה много, мы рассмотрим лишь некоторые из них. Пс. 49:19 – один из немногих стихов, где говорится не о прославлении Бога или Его имени, а о восхвалении человека.

Несмотря на это, греческие и славянские переводчики передают этот глагол здесь так же, как и в других случаях: на месте וְיוֹדֻךָ [12] у них стоит ἐξομολογήσεται [23] и и҆сповѣ́стсѧ [3] вместо «восхвалиша» [7, с. 78] архиеп. Амвросия.

Греческие переводчики, скорее всего, полагали, что здесь имеется в виду единственное число, а не множественное. Вероятно, они полагали, что здесь говорится о прославлении богатым человеком Бога или кого-то другого только за какие-то подарки, дары, приводящие, может быть, к умножению богатства.

Владыка Амвросий, наоборот, считает, что в этом стихе речь идёт именно о восхвалении этого богача другими людьми за преумножение им самим своего имущества [7].

Что касается Пс. 57:10, в предыдущих и особенно последующих стихах явно говорится о восхвалении Бога автором псалма. Следовательно, здесь речь идёт об этом же.

Однако в славянском тексте смысл этого стиха несколько затемнён: если во второй его части псалмопевец выражает намерение воспеть песнь в честь Бога, что он собирается исповедать, т. е. признать или рассказать, в первой? Нам кажется, что речь здесь может идти не только об исповедании величия Божия, но и о воспоминании автором псалма Его благодеяний. Архиеп. Амвросий делает смысл этого стиха более ясным: здесь говорится только о восхвалении Бога и больше ни о чём другом [7].

В Пс. 67:4, 6 в греческом и славянском текстах также допускается несколько толкований: речь может идти не только о восхвалении Бога, но и о возвещении чудес, совершенных Им среди разных народов.

Читая греческий и славянский варианты перевода, мы невольно склоняемся к последнему варианту. Наш переводчик, как явствует из пояснительной надписи к этому псалму [7], считает, что здесь говорится именно о возвеличивании Бога.

То же самое можно сказать и о Пс. 122:4. В этом псалме говорится об Иерусалиме как доме Божием, месте особого Его присутствия. Поэтому целью прихода израильтян в этот город, как считает архиеп. Амвросий, является не что иное, как прославление Бога. При этом не имеет значения, в какой именно из иудейских праздников это происходит.

В греческом и славянском текстах можно увидеть скорее намёк на Йом Кипур, День очищения, в который весь народ собирался в иерусалимском храме, и первосвященник входил в Святое святых с кровью жертвенного животного и произносил там имя Бога.

Что касается лексемы תּוֹדָה, сначала следует рассмотреть Пс. 50:14. Греческие и славянские переводчики считали, что если в начале стиха стоит глагол זבח, «приносить жертву», то рассматриваемое нами существительное следует переводить как θυσία αἰνέσεως и же́ртва хвалы̀.

Владыка Амвросий полагает, что здесь вряд ли говорится о жертвоприношении животного, а скорее всего речь должна идти о словесном восхвалении Бога: если Он не ест мясо жертвенных животных и не пьёт их кровь, о чём сказано в предыдущем стихе, значит, больше всего ценит хвалу в качестве жертвы [7].

Относительно Пс. 95:2 можно сказать, что, читая Септуагинту и ЕБ, можно понять этот стих не только как призыв к восхвалению

Бога, но и как увещевание покаяться до того, как Бог вынесет окончательный приговор.

Последний вариант не вполне согласуется с предшествующим и последующими стихами. Ведь там речь идёт именно о радостном прославлении Бога. Именно поэтому архиеп. Амвросий перевёл здесь תּוֹדָה как «хваление» [7], а не как «исповедание».

Несколько по-иному переведено у владыки Амвросия название Пс. 100: «Псалом к благодарению» [7, с. 137] вместо Ψαλμὸς εἰς ἐξομολόγησιν [23] и Псало́мъ дави́дꙋ во и҆сповѣ́данїе [3].

Читая Септуагинту и ЕБ, можно сделать вывод, что смысл этого псалма сводится лишь к призыву хвалить Бога и признавать Его господство над людьми, не присоединяя к этому благодарения за совершённые Им чудеса. Автор рассматриваемой нами Псалтири расширяет смысл псалма, поясняя, что здесь содержится «увещание к прославлению благодеяний Божиих» [7, с. 137].

Также следует заметить, что данный вариант перевода больше подходит к остальной части псалма, потому что далее ясно выражается идея радостного восхваления Бога [7].

Последним из рассмотренных нами случаев является Пс. 147:7. В славянском и греческом текстах можно понять этот стих как призыв к восхвалению величия Божия, благодарению за Его чудеса, и как увещание к повествованию о Его благодеяниях Израилю, и даже как призыв к покаянию.

В той или иной степени, это согласуется с предшествующими и последующими стихами псалма. Однако первый вариант, на наш взгляд, более подходящий для этого стиха, так как он согласуется с основной мыслью данного псалма, прославлением Бога. Наш переводчик истолковал этот псалом именно как благодарственный, сказав в пояснительной надписи, что это «благодарственная к Богу песнь о благодеяниях Израилю явленных» [7, с. 189].

Лексема* הוֹד*.

Также своеобразен в рассматриваемой нами Псалтири выбор вариантов перевода лексемы הוֹד. Словарь Буксторфа даёт такие определения к ней: «красота, величие, слава, изящество» [15]. Разночтения были найдены в двух случаях: Пс. 21:6, где הוֹד [12] было переведено у архиеп. Амвросия как «красоту» [7] вместо δόξαν [23] и сла́вꙋ, [3] и Пс. 148:13, где הוֹדוֹ [12] было переведено у него как «слава» [7] вместо ἐξομολόγησις [23] и и҆сповѣ́данїе [3].

Что касается первого случая, то выбор владыки Амвросия был отчасти продиктован словарём Буксторфа, в котором для этого стиха

даётся вариант decus, «красота» [4, с. 225]. Относительно второго случая этот словарь не даёт никаких определений, подходящих именно к нему.

В Пс. 21:6 трудно сказать, о внешней или внутренней красоте идёт речь, потому что в предыдущих и последующих стихах говорится о Боге как источнике как временных, так и вечных благ царя. Это даёт основание полагать, что здесь говорится о внутренней красоте.

Однако в таком случае, как нам кажется, более уместно употребление глагола не «возложил», а «вложил». Поэтому весьма вероятно, что здесь говорится не столько о внутренней, сколько о внешней красоте.

Во втором же случае речь идёт о славе Божией, распространившейся по всему миру. Однако греческие и славянские переводчики, возможно, истолковали этот стих как повествование не столько о славе имени Божия, сколько о его возвещении с тем, чтобы мир его узнал.

Подводя некоторые итоги, можно сказать о том, что, хотя автор рассматриваемой нами Псалтири в большинстве случаев опирается главным образом на словарь Буксторфа, он не оставляет без внимания контекст того или иного стиха.

Иногда он не без оснований выбирает несколько своеобразный вариант перевода. Ключом к пониманию его позиции являются пояснительные надписи, помещённые перед заглавием каждого псалма.

4.3. Богословский анализ

4.3.1. Святоотеческое и средневековое богословское толкование

В этом разделе нами будут рассмотрены толкования отцов Церкви для того, чтобы выяснить соотношение перевода архиеп. Амвросия со святоотеческой экзегезой.

Наиболее интересными из греческих отцов нам показались толкования свтт. Афанасия Великого и Иоанна Златоуста, блж. Феодорита Кирского, а из латинских – блж. Иеронима Стридонского, Августина и свт. Илария Пиктавийского.

Самым интересным из средневековых богословов мы считаем Магна Аврелия Флавия Кассиодора.

***Лексемы*ידה *и* תּוֹדָה.**

Относительно Пс. 49:19 блж. Феодорит пишет, что здесь говорится о похвале после смерти человека, которой достоин только тот, кто при жизни благотворил другим. Также он приводит перевод Симмаха: «Похвалит тебя, если будешь благотворить им» [11, с. 217].

В толковании свт. Афанасия здесь указывается лишь на временный характер материальных благ и человеческой похвалы [2].

Свт. Иоанн, толкуя это выражение, указывает также на вред от «лицемерного одобрения» богача и «злонамеренного угождения» угождающего богачу [6, с. 278].

Блж. Августин так понимает смысл этого стиха: Бога нужно благодарить не только и не столько за дарование временных благ, сколько за вечное блаженство [13].

Кассиодор полагает, что данным глаголом здесь всё-таки обозначается исповедание грехов, а не прославление Бога: грешник исповедуется Ему, так как Бог благословляет его, или постольку, поскольку Бог благословляет его (“peccator *confitebitur tibi*, sed quando *illi benefeceris*”) [16, с. 439].

Больше согласия во мнениях экзегетов наблюдается при рассмотрении толкования на Пс. 57:10. Блж. Феодорит полагает, что здесь речь идёт о прославлении Бога царём Давидом не только в настоящем, но и в эсхатологическом будущем [11].

Свт. Афанасий так толкует этот стих: «Обращение всех народов благовествует в своём исповедании, так как все народы воспевают его песнопения» [2, с. 207].

Свт. Иларий, соглашаясь с блаж. Феодоритом, также говорит о необходимости прославления Бога не только для избранного народа, но и для всего мира [20].

Кассиодор считает, что здесь речь идёт о прославлении милосердия Божия, о чём говорится в следующем стихе [16].

Толкуя Пс. 67:4, 6, греческие отцы понимают эти два стиха как призыв славить Бога, а латинские – скорее, как увещание покаяться. Так, блж. Феодорит полагает, что в первом стихе псалмопевец призывает славословить Бога все народы, познавшие Его величие после воплощения, смерти и воскресения Христа. Второй стих добавлен, по его мнению, для того, «чтобы усерднейшими соделать слушателей» [11, с. 285]. То же самое говорит об этих стихах и свт. Афанасий [2].

Свт. Иларий говорит о двояком понимании глагола «исповедоваться»: 1) исповедовать грехи; 2) открыто славить Бога.

Толкуя первый стих, он считает, что здесь говорится о необходимости покаяния для уже уверовавших народов или тех, которые собираются это сделать.

Что касается второго, по его мнению, в первой его половине речь идёт о покаянии, а в другой – о славословии Бога [20].

Кассиодор также двояко истолковывает первый стих: как исповедание грехов уверовавшими и как прославление ими Бога. Относительно второго он пишет, что исповеданием народов является то, что земля даст плоды [16].

Святоотеческое толкование Пс. 122:4 различается не только в интерпретации этого стиха, но и в понимании того, к каким историческим обстоятельствам относится сам псалом. Блж. Феодорит полагает, что в нём говорится о том, что после возвращения из вавилонского плена Израиль снова станет единым и будет как прежде собираться в Иерусалиме для прославления Бога [11].

По мнению свт. Афанасия, здесь говорится о признании народом исполнения Богом обетования вывести Израиля из Египта [2].

Свт. Иоанн пишет, что в данном стихе говорится вообще о богослужении в Храме [6].

По толкованию блж. Августина, речь здесь идёт о тех израильтянах, кто признаёт, что они не таковы, как Бог, грешны и сами себя осуждают. Именно это они открыто признают перед Богом [14].

Кассиодор согласен скорее с блж. Феодоритом, чем с остальными толкователями, так как пишет прямо, что здесь под исповеданием подразумевается хвала, которую воздают Богу ангелы и святые [17].

Что касается Пс. 50:14, в данном случае святые отцы тоже говорят, как о покаянии, так и о восхвалении. Блж. Феодорит понимает здесь под жертвой хвалы «подобающия праведным песнопения» [11, с. 221].

Блж. Августин подразумевает под такой жертвой покаяние и добрые дела, приводя в качестве примера мытаря Закхея, обещавшего многократно возместить ущерб тем, кого он обидел [13].

Кассиодор также пишет, что под жертвой хвалы в данном псалме подразумевается славословие Бога праведниками за Его мудрость, любовь и силу [16].

В Пс 95:2 рассматриваемые нами отцы, напротив, не видят указания на восхваление Бога. Блж. Феодорит полагает, что в данном стихе автор псалма призывает народ покаяться прежде произнесения Богом окончательного приговора над ними [11].

Примерно тот же вывод можно сделать и из толкования этого стиха свт. Афанасием. Однако там, скорее всего, говорится не только о покаянии, но и об исповедании веры во Христа как Сына Божия [2].

О покаянии пишет и Кассиодор, толкуя данный стих так: чтобы не быть осуждённым, человек должен исповедать свои грехи [17].

Вариантов интерпретации Пс. 147:7 тоже не так уж много. Хотя блж. Феодорит и не пишет о хвале применительно к данному стиху, но поскольку он говорит о песнопении, можно понять, что славословие здесь подразумевается [11].

Согласно толкованию свт. Иоанна, «во исповедании» значит «в благодарении, с великим усердием» [6, с. 605].

Блж. Августин подразумевает под исповеданием стремление к познанию истины и добрым делам [14].

Кассиодор пишет о том, что псалмопевец научает здесь народ провозглашать хвалу Богу [17].

***Лексема* הוֹד.**

Пс. 21:6 св. отцы толкуют не только в историческом, но и в прообразовательном значении. Блж. Феодорит относит этот псалом к победе царя Езекии над ассирийцами, когда солнце на некоторое время повернулось вспять. Здесь имеется в виду то, что Бог таким образом сделал этого царя знаменитым [11].

Блж. Августин понимает здесь славу как поставление Богом верных Ему по правую руку от Себя в Царствии небесном: “Sed ad huc gloriam et magnum decorum addes ei, cum in caelo collocabis ad dexteram tuam” [13, p. 115].

Кассиодор полагает, что в данном стихе под славой следует понимать славу, которую воздают Богу люди [16].

Пс. 148:13 рассматриваемые нами авторы понимают как прославление Бога не только в материальном мире, но и в духовном. Интересно толкование этого места блж. Феодоритом: «Не пренебесные только воспевают Его, но вся земля исполнилась ведения Господня» [11, с. 647].

По мнению свт. Иоанна, в этом стихе говорится о возвеличении Бога не только ангельским миром, но и избранным народом [6, с. 624–625].

Блж. Августин также пишет, что в данном стихе имеется в виду прославление небесами и землёй Бога как их Творца [14].

Об этом же пишет и Кассиодор, говоря, что это относится не только к современникам псалмопевца, но и к будущим поколениям [17].

Из приведённого нами анализа толкований святых отцов и других богословов следует, что в понимании данных стихов они делали акцент на прославлении Бога, а не на исповедании грехов. На это же обращал большее внимание читателя и владыка Амвросий.

Также они толкуют некоторые псалмы, пытаясь понять, к каким историческим обстоятельствам можно было бы их отнести, что тоже не чуждо и нашему переводчику, хотя он связывает псалмы чаще всего с жизнью царя Давида.

4.3.2. Академическая экзегетика

Для полноты анализа нам необходимо рассмотреть также научную традицию толкования рассматриваемых нами стихов.

Наиболее подходящими нам показались Толковая Библия, изданная преемниками профессора А.П. Лопухина (сокращённо – ТБЛ), а также комментарии немецкого учёного Ганса-Иоахима Крауса и американского учёного Марвина Тейта.

Лексемы ידה и תּוֹדָה.

Что касается Пс. 49:19, смысл этого стиха, по мнению автора толкования ТБЛ, в том, что «нечестивому при жизни многие льстят, что он хорошо делает, когда живет удовлетворением своих потребностей» [5].

Краус полагает, что здесь речь идёт о самодовольном человеке, который считает самого себя источником собственных жизненных сил [21].

Интерпретируя следующий случай – Пс. 57:10, экзегет ТБЛ считает, что смысл этого стиха таков: Давид прославляет Бога, составляя псалмы. Так как Псалтирь распространилась среди всех народов и вошла в богослужебное употребление, то, где бы она ни читалась, там прославляют Бога [5].

По мнению Тейта, здесь говорится о готовности автора псалма воспеть хвалу Богу перед всем миром [24].

Краус считает этот стих благодарственной и хвалебной песнью автора псалма, что было традиционно для иерусалимского богослужения [21].

Что касается Пс. 67:4, 6, то в пояснении ко всему псалму в ТБЛ говорится, что в этих стихах имеется в виду восхваление Бога за Его благодеяния, а «также как праведного Судию всех народов» [5].

Тейт полагает, что в этих двух стихах речь идёт о хвале, которую воздадут люди, услышавшие о чудесах Божиих [24].

Относительно первого стиха Краус пишет, что он является началом хвалебной песни. Глагол ידה, по его мнению, используется не только для почитания, благодарения и хвалы, но также и в значении «признавать», «подтверждать» [22, p. 622–623]. Однако эти два значения используются редко, и в данном стихе речь идёт всё-таки о хвале. То же самое можно отнести и ко второму стиху.

Толкуя Пс. 122:4, тот же исследователь пишет, что здесь Иерусалим показан как духовный центр всех племён, составлявших Израиль. Целью собрания этих племён он считает актуализацию признания Бога своим, что было важно для сплочения народа в эпоху завоевания земли обетованной [22].

В Пс. 50:14 автор толкования в ТБЛ под хвалой понимает не хвалебную песнь, а благоговение перед Богом [5].

По толкованию Крауса, не вполне ясно, обозначает ли תּוֹדָה в данном стихе другую жертву или хвалебную песнь. Он придерживается мнения, согласно которому здесь говорится о хвале в качестве жертвы [22].

Большее единомыслие у рассматриваемых нами экзегетов наблюдается в толковании Пс. 95:2. Как замечает толкователь ТБЛ, автор псалма приглашает всех евреев славословить Бога гимнами [5].

Тейт пишет, что в стихах 1–2 содержится два призыва к прославлению Бога. Вероятно, первый звучал, когда процессия ещё шла к Храму, а второй – когда все уже вошли в него [24].

Краус считает первые два стиха призывом собраться на праздник в честь Бога. Он видит здесь сочетание хваления, благодарности и поклонения. Следует заметить, что в качестве примера такого сочетания он приводит Пс. 50:14 [22].

Вместо выражения «пойте с хвалением» в Пс. 147:7 толкователь ТБЛ читает здесь «пойте поочерёдно», полагая, что здесь идёт речь об очерёдности частей хора или сословий народа [5].

По мнению Крауса, здесь также идёт речь о хвалебно-благодарственном гимне, прославляющем Бога как создателя мира и как источник всех его жизненных сил [22].

Лексема הוֹד.

Пс. 21:6 анализируемые нами экзегеты толкуют как абстрактно, так и конкретно. Автор толкования ТБЛ полагает, что здесь говорится об известности и славе Давида [5].

Краус считает, что речь здесь идёт о величии и высоком положении, дарованном царю Богом [21].

Согласно ТБЛ, суть Пс. 148:13 такова: весь мир, земной и небесный, приглашается хвалить Бога, так как только Всевышний является источником его бытия [5].

По мнению Крауса, этот стих является кратким изложением гимна, содержащегося в стихах 1–7. Слава воздаётся здесь имени Божию как свидетельству Его присутствия [22].

Как мы видим, западная и отечественная дореволюционная экзегетические традиции так же, как и святые отцы, понимают анализируемые нами стихи псалмов как призыв прославлять Бога или Его имя. Но они, в отличие от отцов церкви, не видят здесь никакого намёка на исповедание грехов.

***

В конце нашего раздела остаётся отдать должное смелости владыки Амвросия: он отважился перевести Псалтирь с древнееврейского в то время, когда это не приветствовалось.

Кроме того, перевод был закончен в 1771 году, т. е. через двадцать лет после издания Елизаветинской Библии. Следовательно, этот перевод является не только своеобразной реакцией на последнюю редакцию славянского текста, но и признаком того, что после этого процесс перевода Библии в нашей стране угас, но не закончился.

Также именно Псалтирь владыки Амвросия, по нашему мнению, до некоторой степени предвосхитила появление Синодального перевода в том виде, в котором он издаётся до сих пор.

Подводя итоги нашего анализа, мы можем сказать, что перевод архиеп. Амвросия действительно не только максимально точно для XVIII века передаёт значение каждой из рассмотренных нами лексем, но и помогает читателю несколько по-иному взглянуть на хорошо знакомый текст Псалтири.

Несмотря на то что почти все варианты перевода рассмотренного нами автора были взяты из словаря Букксторфа, он выбирал определения, наиболее подходящие контексту употребления того или иного стиха, а также, по всей вероятности, анализировал псалом или его фрагмент как целое. Греческие и славянские переводчики ограничились, на наш взгляд, передачей только самого употребительного значения каждой лексемы.

Хотя перевод владыки Амвросия и отличается от традиционного славянского текста, он не противопоставлен святоотеческой традиции толкования проанализированных стихов Псалтири.

Конечно, есть случаи, когда понимание нашего переводчика не сходится с толкованиями отцов, каковым является, например,

Пс. 95:2, где они видят увещание псалмопевца народу покаяться, в то время как он понимает этот стих как призыв славить Бога. Однако в большинстве случаев есть некоторое согласие между ними.

Причём сходство в толковании можно увидеть не только между рассмотренным нами переводом и толкованием блж. Феодорита, что можно было бы объяснить использованием масоретского текста, которым оба автора могли пользоваться в силу того, что знали древнееврейский язык. Параллели наблюдаются также (хотя и в гораздо меньшем количестве) с другими авторами. Однако вопрос о влиянии кого-либо из них ещё требует дальнейшего исследования.

В западной и отечественной экзегетических традициях также делается основной акцент на прославление Бога. Но их представители не видят, в отличие от отцов, никакого намёка на покаяние. Что касается сходства в понимании, оно наблюдается между Псалтирью архиеп. Амвросия и Толковой Библией Лопухина, но говорить о влиянии данного перевода на отечественную дореволюционную традицию также пока рано.

Список литературы:

1. Алексеев А.А. К 250-летию Елизаветинской Библии // Церковный вестник. – 2001. – № 12.
2. Афанасий Великий, свт. Толкование на псалмы. – М., 2014.
3. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. – М., 1993 (репринтное издание 1900 г).
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 2008.
5. [Глаголев А.А.; свящ.] Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Псалтирь // Церковь.ру. URL: http://lib.cerkov.ru/preview/1087 (Дата обращения: 21.11.2015).
6. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Псалмы. – М., 2010.
7. Псалтирь в новом славянском переводе Амвросия, архиепископа Московского. – М., 1878.
8. РНБ. ОСРК.Q I 469. Псалтирь, у еврей нарицаемая книга песней, вновь переведённая в Москве 1770 года. – Л. 347–347 об.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М., 1999.
10. Сухова Н.Ю. Горский-Платонов // Православная энциклопедия. – Т. 12, – М., 2006. – С. 152–153.
11. Феодорит Кирский, блж. Псалтирь с объяснением каждого стиха блаженного Феодорита, епископа Кирского. – М., 2011.
12. Alt A., Eißfelt O., Kahle P., Qittel R. Biblia Hebraica Stuttgartensia, Stuttgart, 1997.
13. Avgustinus. Enarrationes in Psalmos I–L // Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. XXXVIII. Avrelii Avgustini Opera. Pars X, 1. Turnholti, 1990.

14. Avgustinus. Enarrationes in Psalmos CI–CL // Corpus Cristianorum. SeriesLatina. Vol. XL. Avrelii Avgustini Opera. Pars X, 3. Turnholti, 1990.
15. Buxtorf J.Lexicon Hebraicum et Chaldaicum. S. l, 1645.
16. Cassiodorus. Expositio Psalmorm I–LXX / Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. XCVII. Magni Avrelii Cassiodori Senatoris Opera. Turnholti, 1958.
17. Cassiodorus. Expositio Psalmorm LXXI–CL / Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. XCVIII. Magni Avrelii Cassiodori Senatoris Opera. Turnholti, 1958.
18. Hieronimus.Commentarioli in Psalmos // Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. LXXII. Sancti Hieronimi Presbyteri Opera. Pars I. Turnholti, 1959.
19. Hieronimus.Tractatus in Psalmos // Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. LXXVIII. Sancti Hieronimi Presbyteri Opera. Pars II. Turnholti, 1958.
20. Hilarius Pictaviensis. Tractatus super Psalmos // Corpus Cristianorum. Series Latina. Vol. LXI. Sancti Hilarii Pictaviensis Episcopi Opera. Pars I, 1. Turnholti, 1997.
21. Kraus H.-J. Psalmen 1–59 // Biblischer Kommentar Altes Testament. Bd. XV/1. Herausgegeben von Herrmann S., Schmidt W.H., Wolff H.W. Neukirchener Verlag, 1989.
22. Kraus H.-J. Psalmen 60–150 // Biblischer Kommentar Altes Testament. Bd. XV/2. Herausgegeben von Herrmann S., Schmidt W.H., Wolff H.W. Neukirchener Verlag, 1989.
23. Rahlfs A. Septuaginta. Stuttgart, 1979.
24. Tate M.E. Psalms 101–150 / M.E. Tate // World Biblical Commentary. Vol. 20. U. S. A., 1990.

Список сокращений:

ОСРК – Основное Собрание Рукописной Книги.

РНБ – Российская национальная библиотека.

Приложение.

Сопоставление Псалтири архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского) с масоретским текстом, Септуагинтой и Елизаветинской Библией

Лексемы со значением ‘хвалить’, ‘прославлять’; ‘хвала’, ‘слава’.			
Лексема ידה.			
Пс 18:50: прославлю	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	и҆сповѣ́мсѧ
Пс 44:9: имя Твое прославим	וְשִׁמְךָ נוֹדֶה	ἐν τῷ ὀνόματί σου ἐξομολογησόμεθα	ѡ҆ и҆́мени твое́мъ и҆сповѣ́мысѧ
Пс 49:19: восхвалиша	וְיוֹדֻךָ	ἐξομολογήσεται	и҆сповѣ́стсѧ
Пс 54:8, 109:30, 111:1: возвеличу	אוֹדֶה	ἐξομολογήσομαι	и҆сповѣ́мсѧ
Пс 57:10, 71:22: возвеличу	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	и҆сповѣ́мсѧ

Пс 75:2 (2 раза): возвеличим	הוֹדִינוּ	ἐξομολογησόμεθα	ἰсповѣ́мыся
Пс. 76:11: возвеличит	תּוֹדֶךָּ	ἐξομολογήσεται	ἰсповѣ́стся
Пс 79:13: возвеличим	נוֹדֶה	ἀνθομολογησόμεθα	ἰсповѣ́мыся
Пс 88:11: восхвалят	יוֹדוּךָ	ἐξομολογήσονται	ἰсповѣ́дятся
Пс 86:12: восхвалю	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	ἰсповѣ́мся
Пс. 67:4 (2 раза), 6 (2 раза), 99:3, 145:10: Восхвалят	יוֹדוּ	ἐξομολογησάσθωσαν	Да ἰсповѣ́дятся
Пс. 92:2: прославляти	לְהֹדוֹת	ἐξομολογεῖσθαι	ἰсповѣ́датися
Пс. 105:1: Прославляйте	הוֹדוּ	ἐξομολογεῖσθε	Исповѣ́дайтеся
Пс. 106:1: Прославите	הוֹדוּ	ἐξομολογεῖσθε	Исповѣ́дайтеся
Пс. 106:47: восхвалим	לְהֹדוֹת	ἐξομολογήσασθαι	ἰсповѣ́датися
Пс. 107:1: Прославляйте	הֹדוּ	ἐξομολογεῖσθε	Исповѣ́дайтеся
Пс. 118:1, 29: Возвеличите	הוֹדוּ	ἐξομολογεῖσθε	Исповѣ́дайтеся
Пс. 118:19: возселимся	אוֹדֶה	ἐξομολογήσομαι	ἰсповѣ́мся
Пс. 118:21: возвеличу	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	Ἰсповѣ́мся
Пс. 119:7: Возвеличу	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	Ἰсповѣ́мся
Пс. 122:4: ради прославления	לְהֹדוֹת	ἐξομολογήσασθαι	ἰсповѣ́датися
Пс. 138:1, 2; 139:14: прославлю	אוֹדְךָ	ἐξομολογήσομαι	ἰсповѣ́мся
Пс. 138:4: Прославят	יוֹדוּךָ	ἐξομολογησάσθωσαν	Да ἰсповѣ́дятся
Пс. 136:1,2,3,26: Прославляйте	הוֹדוּ	ἐξομολογεῖσθε	Исповѣ́дайтеся
Пс. 140:14: прославят	יוֹדוּ	ἐξομολογήσονται	ἰсповѣ́дятся
Пс. 142:8: да восхвалю	לְהוֹדוֹת	ἐξομολογήσασθαι	ἰсповѣ́датися
Лексема תּוֹדָה.			
Пс. 50:14: хвалу	תּוֹדָה	θυσίαν αἰνέσεως	жéртвꙋ хвалы̀
Пс. 95:2: вохвалении	בְּתוֹדָה	ἐν ἐξομολογήσει	воἰсповѣ́данїи
Пс. 100:1: к благодарению	לְתוֹדָה	εἰς ἐξομολόγησιν	—
Пс. 100:4: славословием	בְּתוֹדָה	ἐν ἐξομολογήσει	со ἰсповѣ́данїемъ
Пс. 147:7: с хвалением	בְּתוֹדָה	ἐν ἐξομολογήσει	во ἰсповѣ́данїи
Лексема הוֹד.			
Пс. 21:6: красоту	הוֹד	δόξαν	сла́вꙋ
Пс. 148:13: слава	הוֹדוֹ	ἐξομολόγησις	ἰсповѣ́данїе

ГЛАВА 5.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

За последние годы наблюдается распространение преподавания церковнославянского языка в различных церковных учебных заведениях. Появились новые азбуки, прописи, учебники, словари и грамматики. Однако представляется, что дореволюционный методический опыт в области описания и преподавания церковнославянского языка остается до сих пор мало освоенным.

По словам Н.П. Саблиной, наше время является созвучным концу XIX – началу XX века, когда во время воссоздания церковно-приходских школ возник острый вопрос относительно содержания, объема и методик обучения церковнославянскому языку. За период тридцатилетнего существования церковно-приходских школ (с 13 июня 1884 года, времени их организации, до октябрьского переворота 1917 года) было создано и опубликовано огромное количество Азбук, Словарей, Букварей и Хрестоматий. Многие из них выдержали от двух-трех до 50 и даже до 100 изданий [5, с. 167]. При этом Н.П. Саблина отмечает, что простое воспроизведение дореволюционных учебных пособий и введение их в процесс обучения «не может быть эффективным, так как изменилось языковое сознание, утратились и рассыпались важные части лексико-семантической структуры языка, глубинные парадигматические связи. Утрачена «сила гласа», то есть смыслы слов, и мы стали иноязычниками сами себе (1Кор. 14: 14)» [5, с. 167].

Таким образом, актуальность рассматриваемой темы обусловлена процессом возрождения церковнославянского языка в современных условиях, а также возрастанием той роли, которую церковнославянский язык играет в жизни современной России.

Представляется перспективным рассмотреть опыт отечественной педагогики дореволюционного периода.

5.1. Общие принципы методики преподавания церковнославянского языка

Как известно, изучение древних языков служило основой формирования языкового сознания учащихся. Все или практически все типы учебных заведений (гимназии, народные училища, церковно-приходские школы) в том или ином виде на разных этапах обучения

включали в свои программы изучение церковнославянского языка [2, с. 178].

Изучать церковнославянскую грамоту могли представители различных слоев населения. Так, в гимназиях и лицеях церковнославянский язык изучался как обязательный предмет наряду с древнегреческим и латинским языком.

Изучение церковнославянского языка начиналось в начальной школе с освоения кириллической азбуки, а также с овладения навыками чтения и письма, что являлось продолжением традиции, существовавшей ещё в Киевской Руси.

В истории методики преподавания церковнославянского языка можно выделить два основных подхода к обучению чтению и письму [6]. Первый (традиционный) подход заключается в выучивании наизусть церковнославянских текстов по Букварю, Часослову и Псалтири, а также чтение по складам, то есть овладение правилами чтения различных сочетаний и последовательностей согласных и гласных букв. Особенность древнерусской педагогики заключалась в том, что было невозможно выучиться читать, не выучив до этого наизусть всю азбуку. Обучение, как правило, происходило вслух и нараспев, по подобию чтения во время службы в храме [1, с. 86].

Важно, что при традиционном подходе к обучению не предполагался перевод церковнославянского текста на русский язык. Под знанием языка понималась способность воспроизводить церковнославянский текст. Данному принципу обучения соответствуют буквари XVII–XVIII веков, в которых основное внимание уделялось орфографии и орфоэпии.

Другой подход к преподаванию церковнославянского языка, который возник не ранее XVII века, заключается в представлении о том, что понимание текста предполагает способность интерпретировать при помощи русского языка. Важно также отметить, что к XVII веку изменился статус церковнославянского языка, а также сузилась сфера его употребления. В связи с этим в процессе обучения чтению и письму появляется необходимость не только воспроизводить готовый текст, но и понимать, а также истолковывать прочитанное. В послепетровскую эпоху церковнославянский язык стал изучаться уже в соответствии с новыми образовательными потребностями [1, с. 86].

Таким образом, в истории обучения церковнославянскому языку можно выделить два основных направления обучения чтению и письму. Первое направление уделяет основное внимание запоми-

нанию и воспроизведению языкового материала, второе – пониманию и умению интерпретировать текст.

Вышеперечисленные подходы к обучению церковнославянскому чтению и письму находят своё выражение в многочисленных дореволюционных методиках и азбуках, которые ориентированы на овладение навыками начальной грамотности. В качестве примера, который отражает более архаичную традицию, можно упомянуть методику начального обучения церковнославянскому языку **А. Соколова**, направленную на запоминание и воспроизведение языкового материала, а также на отработку графических и орфографических умений и навыков. Также следует отметить, что Афанасий Соколов предлагает начинать обучение грамоте учеников народной школы с русской гражданской азбуки, а не с церковнославянской, а лишь затем переходить к церковнославянскому чтению и письму.

В качестве яркого примера второго направления, которое отвечало требованиям своего времени, может служить педагогический опыт **С.А. Рачинского.** Основная идея Рачинского заключалась в совмещении современных ему научных и педагогических идей с традиционной школой. Одной из основ обучения и воспитания, выделяемых С.А. Рачинским, стал именно церковнославянский язык. По мнению С.А. Рачинского, изучение церковнославянского языка придаёт жизнь и смысл изучению русского, а также придает незыблемую прочность приобретённой в школе грамотности. В отношении к русскому, церковнославянский язык, не является дополнительным или факультативным предметом, а наоборот, С.А. Рачинский предлагает начинать обучение письму не на русском, а именно на церковнославянском: так рука легче утверждается при печатном, уставном написании букв. Сами тексты (начальные и известные молитвы) воспринимаются с большим интересом, чем «оса», «усы», «Маша» и «каша». По свидетельству С.А. Рачинского, переход от церковной азбуки к гражданской совершается с легкостью и быстротой [5, с. 168–170].

Совпадение написания и произношения в церковнославянском языке облегчает обучение чтению. Узнавание звукотипа (буквы и звука) в знакомых молитвах позволяло учащимся, как показывал опыт школы С.А. Рачинского, достаточно быстро и легко научиться читать и писать.

Ценным моментом в методике С.А. Рачинского является программа усложнения учебных текстов от молитв до чтения и понимания через скрупулёзное словесное толкование текстов

Священного Писания, в первую очередь Нового Завета. Особое место уделялось Псалтири, которая «живёт и живит». Священный Синод издал в 1898 году в качестве учебной книги Псалтирь на церковнославянском языке с толкованиями С.А. Рачинского.

Таким образом, С.А. Рачинский в своей педагогической практике восстановил основы древнерусской часословно-псалтирной школы, не только закладывающей основы грамотности у учащихся, но и духовно воспитывающей и обогащающей учеников.

Как уже было отмечено, к началу XX века в России был накоплен обширный опыт преподавания церковнославянского языка, что нашло своё отражение в многочисленных изданиях. Так, по данным библиографического справочника, изданного в Новосибирске в 1996 году, к 1917 году в России имели употребление 107 единиц учебной, дидактической, методической и справочной литературы, предназначенной для обучения церковнославянскому языку. Наряду с небольшими по объёму и элементарными по уровню изложения пособиями также существовали и учебники, которые отличались структурностью и научным подходом.

Исследователями выделяется пять основных типов пособий по церковнославянскому языку, которые были созданы в дореволюционное время [1, с. 87; 6]:

1. Пособия, которые включали в себя более или менее полное и последовательное описание системы церковнославянского языка. Это грамматики, напоминающие гимназические учебники греческого или латыни (напр., Классовский В.А. Краткая грамматика славяно-церковного языка. СПб., 1857; Миропольский С.И. Краткая грамматика цсл. языка нового периода. СПб., 1904).

2. Учебники церковнославянского языка с поурочным изложением материала и с большим количеством примеров и упражнений (напр., Соколов А.Ф. Практическая грамматика цсл. языка нового периода. – М., 1916).

3. Пособия для начального обучения церковнославянскому языку, в которых содержится алфавит, минимальные правила чтения и избранные молитвы, часто сопровождаемые комментарием или переводом на русский язык (напр., Диакон Н. Успенский. Пособие к изучению церковнославянского языка в начальных школах. – М., 1900).

4. Пособия, которые были ориентированы на запоминание и не ставили задачи помочь понять текст. Книги данного типа представляют собой довольно точное воспроизведение средневековых букварей и содержат в себе большое количество фонетических

упражнений, а также склады. К данному типу также следует отнести буквари, которые были составлены филологом Н. Ильминским, например, Церковнославянская азбука. СПб., 1904.

5. Пособия, содержащие уроки церковнославянской и русской грамматики, которые представляют собой механическое соединение пособий по этим языкам (напр., Лубенец Т. Русско-славянский букварь. Киев, 1887). Данный приём использовался также и в гимназических учебниках, где церковнославянский материал выступал в роли исторического комментария к урокам русского языка. Одной из лучших грамматик этого типа является учебник Ф. Буслаева (Буслаев Ф. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской. – М., 1869).

Следует также отметить, что во многих учебных пособиях органично соединяются в рамках одной книги церковнославянский и русский языки, особенно в пособиях для начального обучения. Например, Михайловский В.Я. Азбука русская и церковнославянская (Изд. 10 СПб., 1889); Покровский А.И. Русский и церковнославянский букварь (Самара, 1890).

Обобщая анализ дореволюционной учебно-методической литературы, Е.В. Макарова выделила следующие основные идеи преподавания церковнославянского языка в дореволюционные годы:

1. Преподавание церковнославянского языка целесообразно осуществлять совместно с русским языком.
2. Преподавание церковнославянского языка способно благотворно сказываться на освоении русского языка.
3. Преподавание церковнославянского языка должно начинаться лишь после знакомства с основными сведениями по русскому языку.
4. Освоение грамматики церковнославянского языка в полном объеме возможно на заключительных стадиях школьного образования.
5. Ознакомление учащихся с этимологией является одним из путей познания как русского, так и церковнославянского языка.
6. Важно сформировать у учащихся навыки разумного осознанного чтения.
7. Практический характер обучения церковнославянскому языку является более предпочтительным, чем теоретический.
8. Особо значимой является воспитательная роль церковнославянского языка как языка, отражающего духовные и нравственные ценности.
9. Более предпочтительным является концентрический принцип подачи учебного материала.

10. Целесообразным в дидактическом отношении является преподавание именно новоцерковнославянского языка [3, с. 70–71; 4].

Рассмотрим также конкретные методические приемы и особенности описания языкового материала, характерные для дореволюционных грамматик церковнославянского языка.

5.2. Методические приёмы и принципы описания языкового материала в дореволюционных грамматиках церковнославянского языка

5.2.1. Грамматики с упражнениями

Первую группу рассматриваемых дореволюционных грамматик представляют грамматики, содержащие, помимо теоретического материала, упражнения на закрепление и отработку изученных форм и конструкций.

Гусев А.М. Элементарный учебник церковнославянского языка. Для начальных народных училищ, церковноприходских школ и школ грамоты. – М., 1892.

Учебник имеет четко выраженную практическую направленность (в нем практически отсутствуют теоретические сведения) и состоит из трех частей: графико-орфографического введения (Начертание и произношение церковнославянских букв, надстрочные знаки, знаки препинания и цифры), грамматической части (Главнейшие грамматические особенности церковнославянского языка) и хрестоматии (Статьи для чтения и перевода церковнославянского текста на русский язык).

Как отмечает сам автор в предисловии, "первый отдел этого учебника специально назначается для ознакомления учащихся с внешнею стороною церковнославянского текста, т. е. с начертанием и произношением церковнославянских букв, с надстрочными знаками, знаками препинания и цифрами. Второй отдел этого учебника содержит в себе элементарное учение о главнейших формах церковнославянского языка путем сравнения их с русскими. В третьем отделе мы поместили достаточное количество материала для перевода, взятого нами из книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета и богослужебных книг" (стр. III).

В конце учебника приводится словарь малопонятных церковнославянских слов. Раздел, посвященный грамматическим особенностям церковнославянского языка, содержит рассматриваемые

грамматические формы с переводом (например, бг҃ови – Богу, сы́нови – сыну и т. д.) и списка цитат-изречений. Таким образом, по мнению автора, «во втором отделе учащиеся ознакомятся с главнейшими грамматическими особенностями церковнославянского языка путем чисто практическим, т. е. путем сравнений церковнославянских форм с русскими, минуя грамматическую терминологию, недоступную для их понимания и совершенно лишнюю при обучении церковнославянскому языку практическим способом. Само собой, понятно, что в этом отделе мы поместили только самые употребительные формы изменяемых частей речи, опустив множество таких форм, которые встречаются или весьма редко, или не могут быть выяснены более или менее определенно путем сравнений. Научившись читать довольно свободно церковнославянский текст и ознакомившись с главнейшими грамматическими формами, учащиеся будут в достаточной степени подготовлены к сознательному чтению отдельных статей на церковнославянском языке, помещенных в третьем отделе» (стр. IV–V).

Карюков А.П. Книга для обучения церковно-славянскому языку в начальных, народных и городских училищах. СПб., 1886.

Книга состоит из 24 отрывков из Евангелия, после которых поясняются сложные слова, а также приводятся небольшие упражнения на частотную форму или конструкцию в данном отрывке. Например:

«Как сказать по-русски: кꙋпи́хъ, позна́хъ, тєко́хъ, глаго́лахъ, ѿбрѣто́хъ;

Как сказать по-славянски: я читал, я познал, я сидел, я учился, я радовался?»

В приложении приводятся образцы склонения имен существительных и спряжения глаголов, а также азбука с названиями букв, их числовыми значениями и правилами орфографии.

Существуют также «Заметки для учителя», изданные отдельной брошюрой, в которой поясняется методическая целесообразность введения грамматического материала предлагаемым образом.

Козьмин К. Грамматика церковнославянского языка нового периода. – М., 1879.

Книга состоит из двух основных частей – собственно грамматики и приложения («Образцы для этимологического и синтаксического разбора»), в которое включены различные (в основном Евангельские)

тексты, распределенные по темам. Помимо самих текстов в приложении приводятся «Примечания и вопросы, руководящие при этимологическом и синтаксическом разборе Евангелия». Завершается книга словарем «употребительнейших слов церковнославянского языка» и приложением к нему, в котором приводятся примеры употребления слов из словаря.

Коптев В.М., свящ. Пособие при изучении церковно-славянского языка в начальных училищах. Материал для чтения, письменных работ и заучивания наизусть. – М., 1908.

Пособие состоит из четырех частей:

- Церковнославянская азбука.
- Ознакомление с главными формами церковно-славянского языка. Заучивание церковнославянских слов с их русскими переводами (значениями).
- Рассказы из Ветхого и Нового Завета (избранные) – для чтения. Священные песнопения (избранные) – для чтения и заучивания наизусть.
- Краткий церковно-славянский словарь.

Второй (грамматический) раздел представляет собой подборку предложений и текстов на специфические церковнославянские формы и конструкции (всего во втором разделе 33 параграфа), например:

царю̀ – царь, сы́не – сын

мѧ̀ – меня, тѧ – тебя

вѣ́мъ – знаю, вѣ́си – знаешь.

гла́съ – голос, сребро̀ – серебро.

Сначала учащиеся знакомятся с примерами употребления рассматриваемой конструкции, далее следуют упражнения:

- «Спишите слова, после которых стоит знак вопроса (?); после каждого слова напишите, как это слово будет по-русски»;
- «Спишите данные слова (*приводится список трудных слов из текстов на изучаемую тему. – Ю.К.*); после каждого слова напишите, как это слово будет по-русски; после этого заучите все эти слова». Для выполнения данного типа упражнений прилагается словарь.

Автор утверждает, что в случае, если «преподаватель найдет проработку [упражнений] возможною и проведет ее последовательно, [то] останется доволен результатами».

Крылов В., свящ. Полная практическая славянская грамматика с систематическими славянскими и русскими примерами, изборниками и словарями для упражнений. – М., 1887.

Грамматика состоит из предисловия, графико-орфографического «приготовления к чтению по-церковнославянски» и основной части (этимология и синтаксис).

В предисловии к грамматике автор обозначил цель ее составления следующим образом: «а) довольно подробно и обстоятельно изложить этимологию и синтаксис славянского языка» и б) сделать этот предмет более интересным и более значительным по его влиянию на умственное развитие учеников». При этом автор отмечает, что «последней цели славянский язык может достигать только в том случае, если будет изучаться по образцу древних иностранных языков, напр. греческого или латинского. Как известно, необходимым и весьма важным условием успешного и полезного изучения сих языков признана двоякого рода практика: а) перевод систематических примеров и задач с древнего языка на русский и б) обратно – с русского языка на древний». В связи с этим в каждом разделе грамматики в систематическом порядке изучаемых форм и правил приводятся предложения для перевода с русского языка на церковнославянский и с церковнославянского на русский. Помимо упражнений в книге представлены две хрестоматии (изборника) для переводов с церковнославянского на русский и с русского на церковнославянский, а также два учебных словаря. Сокращенная грамматика (Крылов В., свящ. Сокращенная практическая славянская грамматика с систематическими славянскими и русскими примерами, изборниками и словарями для упражнений. – М., 1886) имеет ту же структуру.

Муратов Н.А. Грамматика современного церковнославянского языка с примерами для упражнений и задачами. – М., 1903.

Грамматика предназначена «для низших классов среднеучебных заведений – мужских и женских, для городских и духовных училищ». Она состоит из предисловия «к взрослому читателю», пяти основных разделов (звуки и буквы, склонение, спряжение, неизменяемые части речи, особенности церковнославянского синтаксиса) и послесловия на церковнославянском языке. «Для закрепления правил и грамматических форм в памяти учащихся, после некоторых параграфов приложены задачки и приведены в достаточном количестве примеры, заимствованные, преимущественно, из книг Нового Завета» (стр. VIII).

После каждого подраздела приведены примеры текстов и предложений для грамматического разбора (определения форм), после некоторых разделов задания на соображение. Например:

«Укажите различие в склонении имен мужского рода (пꙋ́ть и де́нь) и женского (за́повѣдь). Есть ли различие в склонении имен пꙋ́ть и де́нь, и в чем именно?» (стр. 22). Также даются задания просклонять или проспрягать по образцу то или иное слово.

Павлов А. Практический курс краткой грамматики церковно-славянского языка нового периода, с систематически подобранными примерами из Священного Писания для вывода грамматических правил и упражнений в грамматическом разборе. Пг, 1915.

Грамматические темы в данном пособии распределены по программе обучения в городских училищах. Особенность изучения грамматики в данном курсе заключается в том, что сначала учащиеся, как правило, знакомятся с примерами употребления определенной части речи или синтаксической конструкции в отрывках из Священного Писания, а лишь затем приводятся теоретические сведения и образцы склонения и спряжения. Подборки предложений с примерами употребления изучаемой части речи или конструкции предваряются заданиями следующего вида: «В данных предложениях подчеркнуть имена существительные мужского рода с окончанием ъ и поставить вопросы, на которые эти имена отвечают». В конце соответствующего раздела приводятся упражнения для грамматического разбора и задания просклонять или проспрягать несколько слов по образцу. В конце пособия приводится словарь – «объяснение непонятных слов, встречающихся в церковно-славянском тексте грамматики».

Соколов А.Ф. Практическая грамматика церковно-славянского языка нового периода. Для казенных городских училищ и учительских семинарий. – М., 1909.

Грамматика состоит из трех частей – Церковнославянская азбука, Части речи и Особенности церковнославянского синтаксиса. Каждый раздел содержит ряд «самостоятельных упражнений». Например: «Определить начальную форму имен существительных, отмеченных знаком вопроса, падеж и число, в каком стоят они», «Написать имена существительные ко́нинъ, па́стырь в зв. п. ед. ч.», «Запомнить значение нижеследующих церковно-славянских слов, содержащихся

в предыдущих параграфах». Данные три типа упражнений предлагаются практически для всех разделов грамматики.

Ювенский П. Записки по русскому и церковно-славянскому языку. Курс второго класса духовных училищ. – М., 1896.

Книга представляет собой описание орфографической и грамматической системы русского и церковнославянского языка. В предисловии автор отмечает, что цель составления учебника – «дать своим ученикам такой учебник, по которому бы они могли 1) проходя о какой-либо части речи, вместе проходить с достаточной полнотой и правописание этой части речи; 2) еще при изучении этимологии усвоить элементарные сведения о простом предложении и его членах, и об употреблении некоторых знаков препинания, каковыя сведения необходимы ученикам для их письменных работ, и проходить русский язык и церковнославянский вместе и по одному учебнику, не повторяя из одного учебника того, что пройдено в другом».

Пособие состоит из четырех разделов: Неизменяемые части речи, Фонетика, Правописание и Элементарные сведения из синтаксиса. Грамматические и орфографические правила приводятся одновременно и для церковнославянского, и для литературного языка. Немногочисленные упражнения в пособии посвящены отработке правил литературного языка.

5.2.2. Грамматики без упражнений

Вторую группу рассматриваемых изданий составляют описательные грамматики церковнославянского языка.

Виноградов П. Краткая славянская грамматика, составленная при Александро-Невской семинарии, уездного училища учителем Петром Виноградовым, 1811 года. – М., 1865.

Грамматика представляет собой краткое (на 70 страницах) изложение графико-орфографической и грамматической систем церковнославянского языка. Приводятся образцы склонения и спряжения, подробно перечислены исключения из правил. На стр. 60 приводится подробная и интересная классификация междометий церковнославянского языка. В приложении приводятся образцы стихотворных размеров на примере различных церковнославянских текстов.

Григоревский М. Сокращенная грамматика церковно-славянского языка нового периода. Для низших классов духовных училищ и высших классов церковно-приходских школ. СПб., 1895.

Грамматика содержит краткое (на 28 страницах) описание графико-фонетической и грамматической системы церковнославянского языка. В приложении к грамматике содержатся «Избранные чтения из святых Евангелий». Грамматических упражнений книга не содержит.

Миропольский С. Краткая грамматика церковно-славянского языка нового периода. Курс элементарный. Петроград, 1915.

В предисловии автор отмечает: «Так как на церковнославянском языке читается ныне Св. Писание и совершается все православное богослужение, то церковно-славянская грамматика должна прежде всего служить для правильного и ясного понимания текста священных и богослужебных книг, молитв и песнопений, совершаемых церковью православною. Посему изучение церковно-славянской грамматики должно иметь главнейше практическую цель, то есть должно служить средством для уразумения книг, сим языком написанных» (стр. III).

Грамматика состоит из Курса приготовительного (Церковно-славянское чтение) и Курса систематического, в который входит Этимология (Состав и значение слов, Обозначение частей речи, Правописание и Фонетика) и Синтаксис (Простое предложение и Сложное предложение).

Грамматика С. Миропольского, как пишет автор, «представляет курс элементарный и назначается для детей от 10 до 14 лет. На этой степени строго научное преподавание грамматики невозможно; возможно же и желательно только практическое ознакомление учащихся с материалом языка, его формами и строением, каковое и требуется программой, при постоянном чтении церковно-славянского текста во всех классах духовных училищ. Поэтому составитель, заботясь о краткости и простоте учебника, нарочито избегал всех подробностей, имеющих место в высшем курсе обучения» (стр. III).

Примеры, иллюстрирующие грамматические правила, взяты преимущественно из Св. Писания, а также из богослужебных книг и пролога. В том числе в грамматике цитируются все библейские тексты из «Пространного катехизиса» митр. Филарета, «с той целью, чтобы учители церковно-славянского языка, не отступая от своих прямых задач, оказывали помощь преподавателям катихизиса и руководили учеников в твердом и сознательном усвоении

катихизических текстов Св. Писания, составляющих основу православного учения веры и нравственности христианской» (стр. IV).

Пенинский И. Грамматика славянская. СПб., 1827.

Грамматика состоит из Введения и трех основных частей (правописание, словопроизведение и словосочинение). Теоретический материал излагается достаточно подробно (итого 245 стр.), с большим количеством примечаний.

Романов Е. Краткая этимология церковно-славянского языка. С приложением краткого словаря. Для городских, уездных и духовных училищ; для учителей народных училищ и церковно-приходских школ. Гродна, 1895.

В грамматике на 28 страницах приводятся с небольшими пояснениями парадигмы склонения и спряжения основных частей речи, а также кратко перечисляются некоторые особенности церковнославянского синтаксиса. В конце грамматики дается небольшой (8 страниц) словарь «Пособие при чтении Псалтири, Часослова, Евангелия и молитвослова». Над большинством церковнославянских слов в грамматике отсутствуют надстрочные знаки.

5.2.3. Грамматики церковнославянского языка предыдущих периодов

В третью группу грамматик включены издания, в которых описание церковнославянского языка нового периода представлено фрагментарно или отсутствует вовсе.

Водовозов В. Практическая славянская грамматика с примерами и упражнениями на правила древнеславянского языка, нового церковного и древнерусского летописного. СПб., 1885.

Книга состоит из двух частей – «Предварительные упражнения» и «Связный курс. Повторение». В первой части предлагаются отрывки из старославянских памятников (Остромирова Евангелия и др.). Каждый текст содержит перевод и объяснение (грамматический разбор). Автор считает, что «следует несколько раз прочесть данный отрывок, сравнивая каждую фразу с дострочным русским переводом: при таком чтении, хотя и не совсем отчетливо, уже будут подмечены многие формы. Далее при объяснении всякий раз необходимо обращаться к отрывку, чтобы помнить связь речи, а не довольствоваться примерами, представленными в объяснении» (стр. 3).

Вторая часть представляет собой систематическое описание графико-орфографической и грамматической системы славянского языка, подкрепляемое примерами из древних текстов и упражнениями, которые «состоят большею частию из отдельных фраз, которые учащийся дополняет, вставляя слово в соответственной форме» (стр. 5). Новоцерковнославянский язык представлен в грамматике лишь в приложении, где приведены в два столбца несколько отрывков из Евангелия в старославянской и новоцерковнославянской графике, а также указаны графико-орфографические отличия церковнославянского языка от древнеславянского (употребление буквы *омега,* редуцированных ъ и ь, большого и малого юсов и т. д.). Автор пишет: «Язык, ныне употребляемый в церковных книгах, образовался из смешения древнеславянского с русским разговорным языком. Главное его отличие состоит в том, что многие старинные формы (в окончании склонений и спряжений) в нем заменены новейшими».

Баталин Н. Краткая славянская грамматика с задачами для упражнений. – М., 1879.

Упражнения состоят из заданий просклонять или проспрягать то или иное слово по старославянскому образцу. Грамматика также содержит приложение, включающее в себя отрывки из Остромирова Евангелия.

***

Таким образом, несмотря на различные принципы преподавания церковнославянского языка, важной особенностью дореволюционных церковнославянских учебников, в том числе и учебников для начального обучения, является то, что русский и церковнославянский языки рассматриваются как два типа (или функциональных стиля) единого русского национального языка. В то же время разделение учебников на две части – русскую и церковнославянскую – показывает, что педагоги прошлого понимали самостоятельность каждого объекта изучения, связанную с функциональными, графико-орфографическими, грамматическими и жанрово-текстуальными различиями.

Методисты дореволюционной России работали над широким кругом вопросов методики преподавания церковнославянского языка. Например, над вопросами толкового чтения, церковного чтения, нравственно-назидательного содержания предмета, бережного отношения к текстам Евангелия как священной книги, а также связи с другими предметами.

Разработка современных пособий и курсов по церковнославянскому языку является в настоящее время актуальной задачей, так как пришло время объединить усилия и обобщить опыт, который был накоплен в прошлые столетия и за прошедшие два десятилетия возрождения письменной православной культуры как неотъемлемой части русской национальной культуры.

При этом хотелось бы также отметить, что, как уже было указано Н.П. Саблиной, переиздание рассмотренных грамматик и введение их в учебный процесс было бы неэффективным из-за изменившейся культурно-языковой ситуации (изменилась социолема – состав носителей языка). Однако перспективным остается переосмысление и освоение дореволюционного методического опыта на современном этапе. Интересным в этом отношении представляются следующие методические наработки:

- изучение частных грамматических тем на избранном отрывке из Евангелия (А.П. Карюков), в том числе с приложением образцов грамматического разбора и методических рекомендаций преподавателю (К. Козьмин);
- знакомство со специфическими (по сравнению с литературным языком) формами и конструкциями церковнославянского языка на примере цитат из Евангелия и богослужебных текстов (свящ. В.М. Коптев) и путем сравнения церковнославянских форм с русскими (А.М. Гусев);
- упражнения по «переводу» с литературного языка на церковнославянский (свящ. В. Крылов);
- грамматические задания (вопросы) на размышление (Н.А. Муратов);
- подбор примеров для выведения грамматических правил самими учащимися (А. Павлов).

Кроме того, перспективным остается исследование методических приемов описания материала дореволюционных азбук и букварей церковнославянского языка (более 100 наименований в каталоге Российской национальной библиотеки), не рассмотренных в данной статье.

Список литературы:

1. Кравецкий А.Г. Проблемы изучения и обучения // Славяноведение. – Вып. 3. – 1992. – С. 84–90.
2. Макарова Е.В. Возможности интеграции преподавания церковнославянского языка с рядом других предметов // Церковнославянский язык: Преломление традиций в современной культуре: Материалы Международных Рождественских образовательных чтений / Сост. И.В. Бугаёва, С.М. Шестакова. – М.: КРУГЪ, 2006.
3. Макарова Е.В. Из опыта преподавания церковнославянского языка в конце XIX – начале XX века. // Русскiй книжникъ – 2007 / отв. ред. С.А. Наумов. – СПб., 2007. – С. 68–72.
4. Макарова Е.В. Методика изучения церковнославянского языка как путь осуществления межпредметных связей в современной школе. Автореф. дис. … канд. пед. наук специальность 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания / Макарова Елена Владимировна; [Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2007. – 22 с.
5. Саблина Н.П. Методика преподавания церковнославянского языка (об основах построения предмета) // Церковнославянский язык: Преломление традиций в современной культуре: Материалы Международных Рождественских образовательных чтений / Сост. И.В. Бугаёва, С.М. Шестакова. – М.: КРУГЪ, 2006. – С. 167–177.
6. Уварова И.Ю. Из истории преподавания церковнославянского языка в России // Педагогический мир. – 18 марта. 2015 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pedmir.ru/viewdoc.php?id=84908 (Дата обращения: 01.12.2015).

ГЛАВА 6.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВЗРОСЛЫМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Церковнославянский (древнецерковнославянский) язык, по мнению академика Н.И. Толстого, является наднациональным (культурным) языком южных и восточных славян (а на ранних стадиях своего развития и славян западных) [22; 23]. Церковнославянский язык в своем происхождении и функционировании напрямую связан с религиозной (православной) традицией и относится к числу сакральных языков. В этом смысле церковнославянский язык как язык сакральный имеет тот же статус, что латинский язык для католической традиции, арабский язык – для мусульманской традиции, тибетский язык – для буддийской ламаистской традиции.

Любой сакральный язык характеризуется высокой степенью консервативности, хотя, будучи историческим явлением, он так же, как и любой живой язык, претерпевает те или иные изменения в грамматической структуре, в лексическом составе. Церковнославянский язык существует более 1000 лет. Под влиянием живой разговорной речи (прежде всего в фонетике и лексике) в ранний период функционирования церковнославянского языка (так называемый старославянский язык) сформировались разные его изводы, или редакции. Академик Н.И. Толстой выделяет пять изводов церковнославянского языка: болгарский, сербский, хорватский, чешский и русский (восточнославянский) [22; 23].

Историки церковнославянского языка русского извода выделяют разные периоды его существования на Руси: от старославянского до «новоцерковнославянского» (по терминологии В.Ф. Мареша [14]).

Новоцерковнославянский язык продолжает развиваться, т. к. в связи с канонизацией новых святых появляются новые богослужебные тексты (службы, тропари и кондаки, акафисты, житийная литература и пр.). В связи с прославлением большого числа новомучеников и исповедников Русской Церкви, пострадавших в годы гонений на Церковь в XX веке, при создании богослужебных текстов гимнографы сталкиваются с необходимостью точного подбора лексики из устоявшегося церковнославянского лексического фонда или создания неологизмов для отражения реалий советской эпохи [24].

В дальнейшем, говоря о церковнославянском языке, мы будем иметь в виду новоцерковнославянский язык русского извода.

Как отмечалось выше, церковнославянский язык является языком богослужения Русской Православной Церкви. В проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» сказано: «Церковнославянский язык представляет собой неотъемлемую часть богослужебной традиции Русской Православной Церкви. <…> Церковнославянский язык является общеупотребительным богослужебным языком Русской Православной Церкви» (от 16 июня 2011 г.) [18].

Святые Отцы писали, что богослужение Православной Церкви является особой формой Церковного Предания и что, даже если бы случилось так, что исчезнут все богословские трактаты, но сохранится богослужение, можно восстановить всё православное богословие в чистоте исключительно по православному богослужению. Поэтому понимание богослужебных текстов в жизни христианина является чрезвычайно важным.

Еще в конце XIX века свт. Феофан Затворник писал о необходимости нового, упрощенного перевода церковных богослужебных книг на церковнославянский язык: «Надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, вещь крайне нужная. Разумею новый, упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод книг богослужебных неотложно необходим. Ныне, завтра же, надо к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде, есть именно непонятность церковных песнопений … Положить начало новому переводу богослужебных книг. Положат пусть, теперь же положат перевесть все книги заново … Перевесть не на русский, а на славянский язык. Опыты уже деланы были … И благоговейно, и понятно» [21].

Следует обратить внимание на тот факт, что свт. Феофан пишет о необходимости нового перевода богослужебных текстов на славянский (а не на русский) язык.

15 июня 2011 года в Красном зале кафедрального соборного Храма Христа Спасителя под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла проходило заседание президиума Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. В ходе заседания президиума, в частности, был рассмотрен документ «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». Президиум Межсоборного присутствия постановил разослать этот документ в епархии Русской Православной Церкви для получения отзывов и опубликовать с целью дискуссии. Опубликованный документ вызвал широкую дискуссию, в ходе которой, в частности, прозвучали мысли о недопустимости модернизации церковнославянского языка и русификации богослужебных текстов [см., например, сборник «Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви» [26]; дискуссию на портале Богослов.ру [2; 8].

В числе основных причин, которые побудили к созданию указанного документа, обычно называют непонятность богослужебного языка для народа. Надо сказать, что дискуссии такого рода и попытки реформировать церковнославянский язык богослужения в Русской Православной Церкви предпринимаются на протяжении как минимум 100 лет.

Естественным путём решения проблемы понимания православного богослужения является изучение церковнославянского языка.

6.1. Цели и задачи изучения церковнославянского языка

Изучение церковнославянского языка является обязательным компонентом религиозного православного образования. Дисциплина «Церковнославянский язык» входит в программы духовных школ (духовных училищ, семинарий и академий), образовательных учреждений высшего профессионального образования богословской направленности, в программы воскресных школ для детей и взрослых. Традиционно в высших учебных заведениях на филологических факультетах (направление «Русский язык и литература») в образовательные программы включается дисциплина «Старославянский язык». В ряде учебных заведений Российской Федерации в программах бакалавриата и магистратуры по направлению «Филология», «Педагогическое образование» (профиль «Русский язык и литература») изучается не только «Старославянский язык»,

но и «Церковнославянский язык». Церковнославянский язык изучается также в православных гимназиях и лицеях.

Таким образом, можно выделить два основных подхода к изучению церковнославянского языка (и соответственно две основные цели) – историко-филологический и духовный [9, с. 57]. На достижение преимущественно историко-филологической цели ориентированы светские учебные заведения. Православные образовательные организации стремятся изучать церковнославянский язык преимущественно в духовных целях как средство более глубокого погружения в православное богословие, православное богослужение, Священное Писание и Священное Предание.

Подробные программы изучения церковнославянского языка в разных аудиториях, обширный список литературы, посвященной преподаванию церковнославянского языка в разное время, включая современность, представлены в сборнике программ Церковнославянского семинара, действующего в Санкт-Петербурге (руководитель семинара – кандидат филологических наук С.А. Наумов) [25].

В работе С.А. Наумова «Церковнославянский язык в целевых аудиториях» [15] с опорой на модель речевого общения, предложенную Р.О. Якобсоном, представлен интересный анализ возможных (и реально существующих) форм и способов изучения церковнославянского языка в разных аудиториях с использованием разных каналов связи. Показано, что «настройка» курса церковнославянского языка зависит от многих факторов. Содержание курса зависит прежде всего от целевой аудитории и её потребностей. Так, например, в статье приводятся интересные суждения о том, что клирикам, священнослужителям, чтецам, певчим необходимо *говорение* на церковнославянском языке и поэтому в курсе церковнославянского языка для указанной аудитории большое внимание следует уделять фонетике и орфоэпии. «А вот иконописцам, колокольным мастерам, золотошвейкам, ювелирам, наипаче же корректорам и редакторам церковной литературы, в известной степени связанным с письмом, нужно иное: графика, орфография, анатомия буквы, шрифты, техника и стили вязи» [15, с. 76].

Далее мы представим обобщённые сведения из опыта преподавания церковнославянского языка взрослым в воскресной школе Архиерейского подворья Воскресенского собора (Череповецкая епархия).

6.2. Из опыта преподавания церковнославянского языка в воскресной школе для взрослых

6.2.1. Образовательная программа «Основы церковнославянского языка» для взрослых

Система религиозного образования в России переживает в настоящее время период возрождения. Под религиозным образованием в данном случае мы понимаем обучение основам православного вероучения. Как отмечает Т.В. Ицкович, «православное мировоззрение стремительно завоёвывает утраченные ранее позиции, активно участвуя в формировании ценностных предпочтений россиян» [7, с. 133].

Воскресные школы в России стали возрождаться в 90-е годы XX века. В городе Череповце воскресная школа Архиерейского подворья Воскресенского собора была открыта в октябре 1993 года.

В 2011 году в воскресной школе Архиерейского подворья Воскресенского собора был объявлен набор на курс «Основы церковнославянского языка» для взрослых. В объявлении о наборе, которое было размещено на информационных площадках у храма и на сайте Архиерейского подворья, анонсировалось следующее содержание и задачи курса:

- чтение церковнославянских текстов;
- основы грамматики с разбором важнейших текстов в жизни христианина (утреннее и вечернее молитвенное правило, Псалтирь, воскресные Евангелия, тропари двунадесятых праздников);
- история церковнославянского языка.

Предполагалось, что курс «Основы церковнославянского языка» может заинтересовать людей, как недавно пришедших в храм, так и тех, кто желает углубить свои знания в этой области.

Изначально на курс записалось 6 человек. Это были в основном педагоги воскресной школы или люди, так или иначе связанные с подворьем и работой в храме. Постепенно состав участников группы расширялся, и в какой-то момент нам пришлось разделить слушателей на две группы, т. к. учащихся стало так много, что иногда они не помещались в одной аудитории.

Всего за 2011/2012 учебный год на занятия церковнославянским языком пришло 36 человек. Среди них были те, кто посетил всего несколько занятий; некоторые слушатели покинули занятия в середине курса; кто-то дошел до конца. Таких стойких оказалось 15 человек. Из них решили продолжать заниматься церковно-

славянским языком второй год 13 человек. В группе оказались люди самого разного возраста – от юношеского до пожилого.

В дальнейшем было решено, что программа курса будет рассчитана на 3 года: первые два года посвящены непосредственно основам церковнославянского языка, формированию навыков чтения и письма; третий год посвящен «Поэтике Псалтири» с акцентом на языковую составляющую текстов псалмов на церковнославянском языке. В целом программа рассчитана на 168 часов (по 56 часов в год). Занятия проходят один раз в неделю по два академических часа.

Таблица 1.

Основное содержание программы:

№ п/п	Раздел / Тема	Количество часов
	1 год обучения	
1.	Церковнославянский язык: функции, происхождение. Роль св. Кирилла и Мефодия в создании славянской азбуки и формировании церковнославянского языка.	2
2.	Церковнославянская азбука: состав, варианты начертания букв, звуковые значения букв.	2
3.	Орфография и пунктуация.	2
4.	Буквенная цифирь.	2
5.	Правила церковнославянского чтения.	2
6.	Основные фонетические различия русского и церковнославянского языков.	4
7.	Надстрочные знаки.	2
8.	Инфинитив. Аорист	4
9.	Имперфект	4
10	Склонение существительных	6
11.	Звательная форма	2
12.	Склонение прилагательных	6
	Притяжательные прилагательные.	2
13.	Склонение местоимений	4
14.	Настоящее время глагола	2
15.	Деепричастия настоящего и прошедшего времени.	4
16.	Действительные и страдательные причастия	4
17.	Повелительное наклонение и частица «да»	2
	2 год обучения	
1.	Архаическое спряжение	2
2.	Сложное будущее время	2
3.	Перфект	4
4.	Сослагательное наклонение	2
5.	Двойственное число	2

6.	Деепричастие	2
7.	Продолженные формы	2
	Страдательные формы	2
8.	Особенности в значении и употреблении предлогов	4
9.	Особенности в значении и употреблении союзов	4
10.	Порядок слов в предложении в церковнославянском языке	2
11.	Дательный абсолют	2
12.	Конструкция «Винительный падеж с инфинитивом»	2
13.	Конструкция «Дательный падеж с инфинитивом»	2
14.	Конструкция «Двойной винительный падеж»	2
15.	Конструкция «Двойной именительный падеж»	2
16.	Относительное местоимение «иже» и артикль «иже»	6
17.	Особенности употребления родительного падежа	2
18.	Особенности употребления творительного падежа	2
19.	Прилагательные и причастия в роли существительных	2
20.	Церковнославянско-русские паронимы	4
21.	Словари и грамматики церковнославянского языка. Прописи. Электронные ресурсы для изучения церковнославянского языка	2

3 год обучения («Поэтика Псалтири»)

1.	«Псалтирь» как книга Ветхого Завета: история создания, основное содержание	2
2.	Богослужебное использование псалмов	2
3.	Классификация псалмов. Способы толкования	2
4.	Псалом 1.	2
5.	Псалом 2.	2
6.	«Шестопсалмие»	12
7.	Псалом 50. Покаянные псалмы	4
8.	Псалом 90.	2
9.	«Хвалитные» псалмы. Псалом 149. Псалом 150	4
10.	17-я кафизма	20
11.	Святоотеческие толкования псалмов	4

Как известно, одним из основных средств обучения является учебник. В настоящее время издано и переиздано достаточно большое число учебников и учебных пособий по церковнославянскому языку[1],

---

[1] *Подробный перечень учебной литературы (как дореволюционной, так и современной) по церковнославянскому языку представлен в программе Ю.А. Кондратьева «Методика преподавания церковнославянского языка» [9].*

практически все они так или иначе доступны в электронной форме. Однако б*о*льшая часть учебников и учебных пособий носит академический характер, перегружена теоретическими сведениями, парадигмами склонения, спряжения, множеством исключений из правил. С точки зрения филологической науки, безусловно, такого рода учебная литература вполне оправданна и уместна. Однако для преподавания церковнославянского языка в воскресной школе слушателям, не имеющим специальной филологической подготовки, а подчас и высшего образования, они мало подходят. Знакомство с такими учебниками может очень быстро погасить начальный энтузиазм и привести в уныние от чрезвычайной сложности изучаемого предмета.

С нашей точки зрения, наиболее подходящим учебником для практического изучения церковнославянского языка является учебник «Грамматика церковно-славянского языка», написанный иеромонахом Андреем (Эрастовым) для Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (США). Автор называет свой труд скромно – *конспектом*, составленным на основе фундаментальной «Грамматики церковнославянского языка» архиепископа Алипия (Гамановича). В нашей стране книга иеромонаха Андрея (Эрастова) была издана в 2007 году в петербургском издательстве «Библиополис». К сожалению, с тех пор она ни разу не переиздавалась.

В авторском предисловии к учебнику говорится: «Главной задачей при составлении этого конспекта было изложить грамматический материал насколько возможно проще и в размере, лишь насущно необходимом для чтения и разбора церковнославянских текстов. <…> Конспект рассчитан на студентов, владеющих, в той или иной мере, русским языком и знакомых с элементарными грамматическими понятиями» [3, с. 4]. Автор отмечает там же, что «имеющиеся на сегодняшний день пособия по церковнославянскому языку весьма немногочисленны и, за редким исключением, неудовлетворительны» [3, с. 4]. Поскольку грамматика в данном курсе изучается, как отмечает автор, не с научной, а с практической целью, автор счёл допустимым «при изложении некоторых тем отступить от обычных в курсах церковнославянской грамматики формулировок, если это представлялось целесообразным для упрощения методики преподавания» [3, с. 4].

Содержание учебника распределено по основным грамматическим темам; теория излагается минимально; каждая тема сопровождается циклом упражнений и/или евангельских текстов для анализа грамматических явлений; встречающиеся в текстах упраж-

нений трудные для понимания слова толкуются в виде комментариев в том же разделе.

Вторая часть книги представляет собой «Словарь для толкового чтения», составленный А. Свирелиным.

Работа с данным учебником в курсе церковнославянского языка в нашем случае занимает центральное место в ходе постижения грамматики. Именно этот учебник является основой для самостоятельного (домашнего) изучения той или иной темы.

В качестве дополнительного учебного пособия на занятиях используется пособие Ю.А. Кондратьева «Церковнославянский язык. Фонетика. Графика. Орфография. Пунктуация» [11] и «Церковнославянский язык. Морфология» [10]. В пособии Ю.А. Кондратьева содержится очень много оригинальных заданий и упражнений, но «изюминкой» этого пособия, на наш взгляд, является сквозная система упражнений, связанных с переводом текста с русского языка на церковнославянский. В качестве текстов используются хорошо известные фрагменты из книг Нового и Ветхого Завета, из псалмов, из гимнографической литературы. Приведём в качестве примера такого рода упражнений упражнение № 35 в теме «Будущее время» [10, с. 36]:

Переведите на церковнославянский:

1. Вы слышали, что Я сказал вам: иду (от вас) и приду к вам. 2. Истинно, истинно говорю тебе: не пропоёт петух, как отречёшься от Меня трижды. 3. Ещё немного, и мир уже не увидит Меня. 4. Если покаемся (дв. ч.), то спасёмся. 5. Тогда оба будут вместе. 6. Если мы отречёмся, и Он отречётся от нас. 7. Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется. 8. Они отпадут и будут жить вместе.

Упражнения такого рода позволяют активизировать у учащихся все имеющиеся ресурсы (лексический запас, грамматические знания, правила графики, орфографии и пунктуации, правила написания слов под титлом и пр.).

Основной целью обучения церковнославянскому языку взрослых является более полное воцерковление, приобщение к церковной традиции, к духовным основам русской культуры, улучшение восприятия и понимания православного богослужения, приобщение к молитвенной практике на церковнославянском языке. Поэтому на уроках церковнославянского языка большая роль отводится чтению, изучению и заучиванию наизусть богослужебных текстов малых жанров (тропари, кондаки, стихиры) в контексте церковного календаря, а также комментированному чтению евангельских текстов.

В этом смысле удачным представляется дореволюционный опыт создания «Первой учебной книги церковно-славянского языка для низших и начальных училищ» (автор неизвестен), где удачно подобраны фрагменты из ветхозаветных и новозаветных текстов, богослужебные тексты (часы, Шестопсалмие, молитвы Великого Поста), а также основные богослужебные тексты праздника Воскресения Христова и всех двунадесятых праздников. В 1991 году по благословению Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Ростовского и Новочеркасского, вышло репринтное издание «Первой учебной книги …» тиражом 60 тысяч экземпляров [17], благодаря чему книга оказалась в большом количестве в библиотеках воскресных школ. Это пособие используется нами на уроках церковнославянского языка для дополнительного чтения на первом году обучения.

Наконец, большим подспорьем на уроках церковнославянского языка является учебный фильм «Священный язык», построенный на передачах, проведенных в своё время Ниной Павловной Саблиной, кандидатом филологических наук, большим тружеником на ниве церковнославянского просвещения, автором многих научных и научно-популярных книг, посвященных церковнославянскому языку [2]. Основные положения, нашедшие отражение в фильме, изложены Н.П. Саблиной в книге «Буквица славянская: Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты» [20].

Фильм разбит на 40 серий по 5–10 минут каждая. Каждая серия посвящена одной букве церковнославянской азбуки. Рассматриваются слова, связанные с той или иной буквой, варианты её написания, символические изображения буквы («заставные» буквы), числовое значение (или его отсутствие) буквы. Отдельные сюжеты фильма сопровождаются музыкальными композициями, ярким видеорядом, в том числе фрагментами православного богослужения. Таким образом создаётся целостное восприятие церковнославянского языка как носителя высоких христианских истин, как языка богослужения Русской Православной Церкви. В конце каждой серии предлагается домашнее задание, связанное со словарной работой или с каким-то

[2] *Материалы к библиографии трудов Н.П. Саблиной, её автобиография, а также воспоминания коллег и друзей, объединенные названием «В память вечную будет праведник», опубликованы в сборнике «Русский книжник-2007» [19, с. 157–224].*

богослужебным текстом (обычно тропарем и кондаком праздника). Интересные задания предлагаются по святцам: поиск православных имён на ту или иную букву, выяснение значений этих имен, а также житий отдельных святых – носителей того или иного имени.

В течение первого учебного года и половины второго года обучения в конце каждого урока мы смотрим одну серию фильма. Учащиеся выполняют домашние задания по фильму. Опыт показывает, что фильм «Священный язык» оказывает очень сильное эмоциональное воздействие на учащихся и способствует усилению мотивации к изучению церковнославянского языка.

Организация занятий для взрослых имеет ряд принципиальных отличий от организации занятий для детей. Предметная область, связанная с образованием взрослых, получила название «андрагогика» (в противовес «педагогике», связанной с образованием и воспитанием детей).

В следующем разделе мы рассмотрим основные принципы адрагогики.

6.2.2. Образование взрослых.
Основные принципы андрагогики

В последние десятилетия в нашей стране повысился научный интерес к образованию взрослых, андрагогике. На Западе эта тема впервые отчётливо зазвучала уже в середине XX века [27; 28]. Как отмечают исследователи, институты образования взрослых и образовательные институты в России появляются в начале XIX века. Связано это было прежде всего с тем, что возникла необходимость решать проблему противоречия между неграмотностью большинства населения, с одной стороны, и всё возрастающей ролью науки и техники в разных сторонах жизни общества, с другой. В начале XX века существовали институты образования и образовательные институты взрослых двух типов – ориентированных либо на общее образование («рабочие факультеты»), либо на профессиональную подготовку (институты повышения квалификации разного рода, курсы повышения квалификации и т. п.) [5; 6; 12; 16].

В конце XX века в связи с множеством техногенных катастроф, причина которых во многом определялась человеческим фактором, от общества поступает запрос к профессиональному образованию, связанный с формированием личностей, ответственных за принятие решений, творчески ориентированных. В свою очередь, в связи с быстро изменяющимся миром и разрушением традиций человек ищет опоры в обретении смысла своей жизни и очень часто связывает

возможность обрести этот смысл с получением дополнительного (профессионального) образования.

Сегодня в связи с ростом компьютерных коммуникаций и переводом многих процессов, связанных с документооборотом, на электронные рельсы, актуальной стала проблема приобщения взрослых, прежде всего людей пожилого возраста, к компьютерной технике. На уровне государственного финансирования организуются курсы компьютерной грамоты для пожилых людей в рамках проекта «Университет пожилого человека». Многие наши соотечественники приходят к вере, будучи уже в зрелом возрасте. Необходимость решения проблемы духовного просвещения новообращенных взрослых привела к созданию различных институтов образования и образовательных институтов для взрослых (типа Народного православного университета в Санкт-Петербурге, регулярных бесед о вере на приходах, разного рода образовательных программ, проповедей пастырей на православных телеканалах и т. п.).

Всё возрастающий уровень автоматизации производства, финансово-экономический кризис приводят к сокращению людей, занятых в определенных сферах деятельности, многие профессии уходят из жизни или становятся неактуальными. В итоге людям непенсионного возраста приходится получать второе, третье или дополнительное профессиональное образование для того, чтобы получить работу в совершенно другой сфере. Развал СССР и системный кризис привел к тому, что десятки тысяч военнослужащих вынуждены были уйти из армии, получить другое (гражданское) образование (в основном экономическое и юридическое) и реализовать себя в иных сферах, никак не связанных с армией (например, в бизнесе).

Реформирование образования, переход на новые стандарты требует системного переучивания работников системы образования. Введение курса «Основы религиозных культур и светской этики» в основной школе, например, невозможно без решения кадрового вопроса.

Процессы интеграции в современном мире приводят ко всё увеличивающимся миграционным потокам, в том числе и в Российскую Федерацию. В последние годы в Российской Федерации принят ряд законов, направленных, с одной стороны, на сохранение и поддержание русского языка и русской культуры, с другой стороны – на ужесточение требований к иностранным гражданам, въезжающим на территорию Российской Федерации с целью трудоустройства. Приобщение мигрантов к русскому языку

и русской культуре – это тоже андрагогическая задача, весьма непростая (см., например: [4]).

Перечисленные факторы определяют всё возрастающую роль образования для взрослых, а, следовательно, необходимость постановки и решения андрагогических задач.

Как отмечают специалисты в области адрагогики, взрослые обучающиеся (в отличие от детей) характеризуются следующими особенностями: самостоятельностью, самоорганизацией в процессе своего обучения; высокой степенью мотивации к обучению; стремлением решить какую-то жизненно важную задачу с помощью обучения; желанием применить как можно быстрее знания, умения и навыки на практике; наличием опыта (профессионального, личного, общественного, бытового и пр.) и стремлением привнести его содержание в содержание обучения; возможностью выбора модели своего обучения; процесс обучения взрослого организован как совместная деятельность обучающегося и обучающего на всех его этапах; процесс обучения взрослого детерминирован различными факторами (временными, пространственными, семейными и пр.).

Начиная с М. Ноулза, практически все пишущие на эту тему исследователи считают, что самой главной чертой взрослого обучающегося является высокий уровень самосознания и ответственность за свою жизнь и свои решения (в данном случае – за процесс своего обучения) [27; 28].

В то же время применение андрагогического подхода к обучению взрослых людей исключительно по формальным признакам (т. е. взрослых только по возрасту) может оказаться неэффективным при условии отсутствия собственной сильной мотивации (например, работодатель обязывает своих сотрудников проходить курсы повышения квалификации в какой-то области); при отсутствии необходимого профессионального опыта обучающегося; при отсутствии должной степени самосознания и ответственности у обучающегося, т. е. обучающийся настроен только на выполнение жёстких заданий обучающего, не способен или не готов к самоорганизации в процессе обучения.

Что касается институтов образования и образовательных институтов Церкви, то андрагогический подход может быть использован при катехизации взрослых, при обучении взрослых в духовных учебных заведениях (семинарии для юношества, возможно, должны еще совмещать педагогические и андрагогические технологии обучения); при духовном руководстве со стороны

пастырей взрослыми людьми; в целом во всех институтах, где обучающимися являются взрослые.

6.2.3. Особенности преподавания церковнославянского языка взрослым в контексте андрагогики

Как отмечалось в предыдущем разделе, к числу основных особенностей процесса образования взрослых (в отличие от детей) относятся следующие: самостоятельность, самоорганизация в процессе своего обучения; высокая степень мотивации к обучению; стремление решить какую-то жизненно важную задачу с помощью обучения; желание применить как можно быстрее знания, умения и навыки на практике; наличие опыта (профессионального, личного, общественного, бытового и пр.) и стремление привнести его содержание в содержание обучения; возможность выбора модели своего обучения; процесс обучения взрослого организован как совместная деятельность обучающегося и обучающего на всех его этапах; процесс обучения взрослого детерминирован различными факторами (временными, пространственными, семейными и пр.).

Все указанные особенности ярко проявляются в ходе изучения церковнославянского языка взрослыми в рамках организованных занятий. Учащиеся часто делятся собственным опытом восприятия тех или иных церковнославянских слов и выражений, опытом своего воцерковления, участия в общественном богослужении, чтения богословской литературы; задают вопросы, связанные с особенностями богослужения, со значением тех или иных слов и выражений, с пониманием церковных праздников, с надписанием икон и пр. Большую роль играет внутригрупповое общение во время и после занятий.

С целью получения обратной связи от учащихся мы разработали анкету следующего содержания:

Пожалуйста, ответьте на следующие вопросы:

1. Что Вам дали занятия церковнославянским языком в течение 1 года?

- более осознанное понимание богослужебных текстов;
- перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении утреннего и вечернего молитвослвия;
- перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении Евангелия;
- перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении Псалтири;

- познакомился (познакомилась) с интересными людьми на приходе;
- стал(а) принимать более активное участие в приходской жизни;
- занятия церковнославянским языком мне ничего не дали;
- другое (напишите, что именно)

2. Какие замечания Вы могли бы высказать по качеству преподавания (постарайтесь отразить в этом ответе такие компоненты, как методика преподавания, преподаватель, учебник, расписание)?

Анкету можно было не подписывать. Всего в анкетировании по итогам первого года обучения приняли участие в 2011 году – 11 человек, в 2012 году – 6 человек, в 2013 году – 5 человек, в 2014 году – 7 человек.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Что Вам дали занятия церковнославянским языком в течение 1 года?»

№ п/п	Варианты ответа	2011 год		2012 год		2013 год		2014 год	
		Число ответов	В %	Число ответов	В %	Число ответов	В %	Число ответов	В %
1.	более осознанное понимание богослужебных текстов	11	**100**	6	**100**	4	**80**	6	**86**
2.	перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении утреннего и вечернего молитвословия	11	**100**	6	**100**	3	**60**	7	**100**
3.	перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении Евангелия	8	**73**	2	**33**	2	**40**	4	**57**
4.	перешёл (перешла) с гражданской печати на церковнославянскую при чтении Псалтири	8	**73**	3	**50**	1	**20**	4	**57**

5.	познакомился (познакомилась) с интересными людьми на приходе	10	**91**	5	**83**	3	**60**	6	**86**
6.	стал(а) принимать более активное участие в приходской жизни	1	**10**	1	**17**	2	**40**	3	**43**
7.	занятия церковнославянским языком мне ничего не дали	0	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**0**
9.	другое (напишите, что именно)	2	**18**	1	**17**	1	**20**	3	**43**

Как видим, устойчиво более 80 % учащихся в качестве результата по итогам первого года обучения отмечают факт более осознанного понимания богослужебных текстов. Все слушатели в трёх группах и 60 % слушателей в одной группе в результате первого года изучения церковнославянского языка перешли с гражданской печати на церковнославянскую при чтении утреннего и вечернего молитвослова. Более 60 % слушателей отмечают, что в результате регулярного посещения занятий в воскресной школе и в ходе изучения церковнославянского языка познакомились с интересными людьми на приходе. Ни один учащийся не сказал, что занятия церковнославянским языком ему ничего не дали, что, конечно, вполне справедливо, иначе трудно было бы понять мотивы человека, еженедельно по воскресным дням посещающего занятия в воскресной школе.

Интересны ответы в рубрике «другое». В «другом», как правило, отмечают следующее:

- изменение мировоззрения, укрепление веры («*Укрепление в православной вере, более глубокое (духовное) понимание богослужений*»; «*В результате обучения приблизилась к пониманию Закона Божьего*»; «*Меняется мировоззрение*»; «*Другое мироощущение*»);
- прояснение значений многих слов и выражений («*Помогли открыть изначальный смысл многих слов родного языка*»; «*Исполнилась моя давняя мечта: еще в школе проходили русские былины, с тех пор мне хотелось лучше узнать, что означают слова*»; «*Много узнала о толковании Евангелия, молитв*»).

Конечно, интересно фиксировать результаты обучения в динамике. Как уже ранее отмечалось, на занятия приходят люди с разными стартовыми условиями: кто-то давно живёт церковной

жизнью, пытался изучать самостоятельно церковнославянский язык и вот решил воспользоваться занятиями и углубить, систематизировать свои знания. А для кого-то занятия церковнославянским языком являются началом воцерковления.

Приведём некоторые фрагменты из итоговых эссе учащихся третьего года обучения (выпуск 2015 года), в которых они поделились своими достижениями и впечатлениями о курсе «Основы церковнославянского языка».

«<…>[3] *Я стараюсь читать <молитвенное> правило, псалтирь на церковно-славянском, на занятиях помимо основного материала узнавала очень много важного и полезного о праздниках, раскрывался глубинный смысл тех или иных явлений, вообще стала осознавать лучше всё, что происходит в церкви. Познакомилась с интересными людьми, общение с ними очень много даёт. <…> Хотелось бы продолжить обучение дальше*».

«*Занятия по церковно-славянскому в течение 3 лет дали мне очень многое. Я познакомилась с верующими людьми нашего города, и занятия помогают поддерживать с ними связь. Я читаю утреннее и вечернее правило, правило ко причастию и др. богослужебные тексты на ЦСЯ, а не на русском. Я помогаю в храме читать, например, шестопсалмие. <…>*».

«*Учить самой что-либо очень сложно. Но всё в жизни происходит промыслительно. На всё есть воля Божия. Посещая несколько лет занятия ц.с.я., для меня открылись огромные песрпективы. Научилась думать о духовном. Совершенствую себя в правильном чтении псалтири, знании грамматических основ ц.с.я., проникаю в смысл Святого Писания. Теперь постоянно читаю псалтирь дома*».

«*Занятия в большой степени способствуют процессу воцерковления, знакомству с жизнью церкви. Легче воспринимаются тексты на ЦСЯ, не так страшно читать Евангелия, Псалтирь на ЦСЯ, как было раньше. Постепенно сформировалось отношение к ЦСЯ как к языку более высокого уровня по сравнению с переводом; понимание языка открыло красоту текстов, дало возможность более точно – по первоисточникам – воспринимать Слово. Работа с литературой, работа на сайтах Интернета при подготовке*

---

[3] *Здесь и далее пропуски в текстах эссе касаются, как правило, комплементарной части в адрес преподавателя.*

к занятиям очень расширила кругозор. Общение с сокурсниками – сёстрами по духу – очень поддерживает и вдохновляет. Высокий уровень знаний преподавателя, эрудиция, умение донести Слово в сочетании с глубиной личного опыта в большой степени способствуют радости познания и продвижения на путях Веры. Комментарии к текстам всегда глубоки и интересны. Хотелось бы продолжения учения – может быть, в других аспектах, но в области православной веры».

Что касается второго вопроса анкеты, связанного с замечаниями по качеству преподавания, то замечаний практически не было. Правда, один человек написал о нехватке учебника. Некоторые учащиеся подробно описали свои ощущения от занятий. Один из них написал: «*Замечаний нет, есть всё возрастающий интерес к занятиям*». А другой написал о том, что «*стали бегло читать, переводить и писать по-церковнославянски*». Следует отметить, что почти все учащиеся уже после первого года обучения бегло пишут буквенной цифирью [4]. Это проявилось, в частности, и в том, что многие слушатели в графе «дата заполнения анкеты» написали дату именно буквенной цифирью.

***

Что делать, если многие важнейшие части православного богослужения непонятны молящимся, особенно тем, кто относительно недавно воцерковился или находится в стадии воцерковления? Можно, конечно, ждать того времени, когда будет осуществлен новый, более простой перевод богослужебных текстов на церковнославянский язык. А можно просто изучать церковнославянский язык, по крайней мере, его азы. Как показывает наш скромный опыт, в настоящее время есть все необходимые ресурсы (учебная литература, прописи, интернет-ресурсы, учебные видеофильмы, образовательные площадки, образовательные программы, разработанные курсы церковнославянского языка и пр.), которые можно использовать для достижения как историко-филологических, так и духовных целей в ходе преподавания церковнославянского языка.

---

[4] *В церковнославянском языке для обозначения чисел используются не арабские цифры, а буквы церковнославянского алфавита, сопровождающиеся дополнительными знаками (так называемая «буквенная цифирь»).*

В заключение приведём слова священномученика Андроника (Никольского) из его доклада «Нужно ли переводить на русский язык православное богослужение?» на Предсоборном Совещании 10 июля 1917 года, которые, как представляется, актуальны и для сегодняшнего дня: «… Необходимо устраивать особые занятия с прихожанами по богослужебному языку. Если бы суметь заинтересовать таким делом, то сколько бы праздного времени было использовано в народной жизни так толково и возвышенно. На таких занятиях могут учиться славянскому языку и знакомиться с богослужением люди всех возрастов и состояний. При воодушевлении на дело душевного спасения и на поднятие приходской жизни всегда в приходе найдутся знающие дело любители, которые с готовностью займутся славянским чтением с желающими» [1, с. 56].

Список литературы:

1. Андроник (Никольский). Нужно ли переводить на русский язык православное богослужение? // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. Сборник / Сост. Н. Каверин. – М.: Русский Хронографъ, 2012. – С. 54–57.
2. Афанасьева Н.Е. О Проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» // Научный богословский портал «Богослов.ру» – [Электронный ресурс] – URL: http://www.bogoslov.ru/text/1790804.html [Дата обращения: 01.12.2015].
3. Грамматика церковно-славянского языка. Конспекты. Упражнения. Словарь. – СПб.: Библиополис, 2007. – 368 с.
4. Грудева Е.В., Штыкова Н.В. Методика преподавания русского языка как иностранного вьетнамцам в «Школе мигранта» города Череповца. – LAP Lambert Academic Publishing, 2015. – 74 с.
5. Егоров Г., священник, Меланина Т.В. Личностное и профессиональное развитие взрослого человека в пространстве образования: Теория и практика. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. – 113 с.
6. Змеев С.И. Технология обучения взрослых. – М., 2002.
7. Ицкович Т.В. Церковнославянский язык в воскресной школе // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 2. – С. 133–137.
8. Комментарии к Проекту документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» // Научный богословский портал «Богослов.ру» – [Электронный ресурс] – URL: http://www.bogoslov.ru/text/1762795.html#_ftn1 [Дата обращения: 01.12.2015].
9. Кондратьев Ю.А. Методика преподавания церковнославянского языка // Церковнославянский семинар: Учебные программы. – СПб., 2007. – С. 55–89.

10. Кондратьев Ю.А. Церковнославянский язык. Морфология. Часть 1: учеб. пособие. – СПб.: Реноме, 2013. – 116 с.
11. Кондратьев Ю.А. Церковнославянский язык. Фонетика. Графика. Орфография. Пунктуация: учеб. пособие. – СПб.: Реноме, 2012. – 172 с.
12. Кукуев А.И. Андрагогика М. Ноулза: содержательная и процессуальная модели // Вопросы международного сотрудничества в образовании Южного региона. – № 3-4: научный журнал. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 29–34.
13. Макарова Е.В. Из опыта преподавания церковнославянского языка в конце XIX – начале XX века // Русскiй книжникъ – 2007 / Отв. ред. С.А. Наумов. – СПб., 2007. – С. 68–73.
14. Мареш В.Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 12–23.
15. Наумов С.А. Церковнославянский язык в целевых аудиториях // Русскiй книжникъ – 2007 / Отв. ред. С.А. Наумов. – СПб., 2007. – С. 73–80.
16. Основы андрагогики / под редакцией И.А. Колесниковой. – М.: Academia, 2007.
17. Первая учебная книга церковно-славянского языка для низших и начальных училищ: Репринтное издание. – Ростов-на-Дону: Агентство «Памятники отечества», 1991. – 174 с.
18. Проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» // Официальный сайт Московского Патриархата «Русская Православная Церковь» – [Электронный ресурс] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1542499.html [Дата обращения: 01.12.2015].
19. Русскiй книжникъ – 2007 / Отв. ред. С.А. Наумов. – СПб., 2007. – 224 с.
20. Саблина Н.П. Буквица славянская: Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. – СПб.: Ижица, 2000 (2-е изд. СПб., 2002).
21. Собрание писем святителя Феофана. – М., 1898. – Вып. 2. – С. 142-144. Письмо 289.
22. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 544 с.
23. Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Лекции лауреатов Демидовской премии 1994 – [Электронный ресурс] – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25880/1/demprize-2006-10.pdf [Дата обращения: 01.12.2015].
24. Хайлова О. Гимнографические эквиваленты для отображения реалий эпохи гонений на Русскую Православную Церковь – [Электронный ресурс] – URL: http://www.ruslang.ru/doc/church-slav/conf5/02-xajlova.pdf [Дата обращения: 01.12.2015].

25. Церковнославянский семинар: Учебные программы. – СПб., 2007. – 176 с.
26. Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. Сборник / Сост. Н. Каверин. – М.: Русский Хронографъ, 2012. – 288 с.
27. Houle C.O. The Inquiring Mind. A study of the adult who continues to learn. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1961.
28. Knowles M. The Adult Learner: A Neglected Species (3rd Ed.). Houston, TX: Gulf Publishing, 1984.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Дарья Вячеславовна – магистр лингвистики, выпускница аспирантуры Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви, редактор-корректор журнала «Христианское чтение» (Россия, г. Санкт-Петербург).

Грудева Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета (Россия, г. Череповец).

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, доцент, Государственный университет Чжэнчжи (National Chengchi University, Китайская республика (Тайвань)).

Кондратьев Юрий Алексеевич – магистр богословия, преподаватель церковнославянского языка, секретарь кафедры древних языков, Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви (Россия, г. Санкт-Петербург).

Мясищев Георгий Игоревич – специалист по УМР, Ростовский государственный строительный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Ненашева Лариса Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (САФУ) (Россия, г. Архангельск).

Коллективные и авторские монографии АНС «СибАК»

АНС «СибАК» предоставляет возможность опубликовать результаты исследований в коллективных монографиях, которые представляют собой коллективный научный труд, а также в авторских монографиях.

Книги издаются в твердом переплете с присвоением УДК, ББК и номера ISBN, а также производится рассылка экземпляров по ключевым библиотекам РФ для возможности ознакомиться с ней широкому кругу ученых.

Материалы, опубликованные в монографиях, размещаются на сайте elibrary.ru, что подразумевает их индексацию в наукометрической базе РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Это позволяет отследить цитируемость монографии в научных изданиях.

Будем рады видеть Ваши работы по следующим направлениям:

История	Технические науки
Медицина	Филология
Педагогика	Экономика
Социология	Юриспруденция

В соответствии с информационным сообщением ВАК № 45.1-132 от 14.10.2008 г., к публикациям в научных периодических изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, могут быть отнесены монографии, написанные по материалам оригинальных исследований автора и литературным данным.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Монография

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Под редакцией доктора филологических наук Е.В. Грудевой

Подписано в печать 27.02.16. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, оф. 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3.